

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

АССОЦИАЦИЯ «ЗА ВЕНГЕРСКО-РОССИЙСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО ИМЕНИ Л.Н. ТОЛСТОГО»

ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ГИГИЕНЕ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА, 18–19 ОКТЯБРЯ 2018 ГОДА

Москва 2020

УДК 008
ББК 71.0
О 75

Печатается по решению Ученого совета
Государственного института искусствознания

Рецензенты:

Д.К. Кирнарская, доктор искусствоведения, доктор психологических наук,
профессор

Н.А. Хренов, доктор философских наук, профессор

Редакционный коллектив:

Е.А. Дудкина, Е.П. Костина, А.А. Ушкарев (ответственный редактор),
Е.А. Хаунина

Основы культурной политики: аксиологический подход. Сборник материалов Международной научной конференции по гигиене культуры. Москва, 18–19 октября 2018 / Отв. ред. А.А. Ушкарев. М.: ГИИ, 2020 – 268 с.

ISBN 978-5-98287-166-4

Сборник представляет материалы VIII Международной конференции по гигиене культуры. Актуальность проблематики гигиены культуры как перспективного научного направления диктуется современными глобальными вызовами эпохи, несущими серьезные риски утраты гуманистических идеалов и ценностных основ личности и общества. Осознавая лежащую на научном сообществе ответственность за формирование и воспроизводство общечеловеческих ценностей в культуре и социуме, философы, историки, искусствоведы, культурологи, социальные психологи, специалисты в области социологии и экономики искусства на страницах сборника обсуждают проблемы душевного, нравственного, интеллектуального и духовного здоровья человека и общества, источники и причины социальных болезней, факторы жизнеспособности общества, механизмы социальной адаптации и выживания культуры, вопросы социальной и культурной идентификации личности. Большое внимание в публикации уделено также методологическим вопросам развития нового научного направления.

ISBN 978-5-98287-166-4

© Коллектив авторов, 2020

© Государственный институт
искусствознания, 2020

© Е.А. Сиверс, оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

6 Введение

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

18 *Сюч О.*
АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГИГИЕНЫ КУЛЬТУРЫ

25 *Реут Д.В.*
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК СПОСОБ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЕДИНИЦ

39 *Костина Е.П.*
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: С ГОСУДАРСТВОМ И БЕЗ...

54 *Юдина Т.Н.*
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

66 *Прохорова Л.В.*
ВУЗ КУЛЬТУРЫ КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (ПРИМЕР СПБГИК)

73 *Южина Е.В.*
АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

80 *Хаунина Е.А.*
ИНСТИТУТ ЦЕЛЕВЫХ КАПИТАЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

- 94 *Постернак К.В.*
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ
УТРАЧЕННОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛЕВОЕННОГО
ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДОВ)
- 103 *Усиченко Е.Р.*
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ЧЕШСКИЙ ОПЫТ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СТОЛИЦЫ
- 108 *Матвеева Н.Ю.*
СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРИМЕР КАТАЛОНИИ
- 121 *Ляшев К.К., Христофорова О.В.*
ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ
ДЕФОРМАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

II. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

- 133 *Ушкарев А.А.*
ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ:
ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ
- 152 *Никонова А.А.*
ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
- 163 *Дудкина Е.А.*
ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДОСТУПНОСТЬ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ
- 175 *Черненко Ю.А., Рогозина Ю.С.*
СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ В СОЦИАЛЬНЫХ
МЕДИА

III. ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

- 192 *Марача В.Г.*
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ
- 211 *Погосян В.Г.*
МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
- 224 *Киреев Е.Ю.*
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ — ИСТОЧНИК
ПРОТИВОРЕЧИЙ ИЛИ РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ?

- 232 *Чукуров А.Ю.*
ДИГИТАЛЬНОЕ ТЕЛО И ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В
ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
- 241 *Горетитъ Й.*
ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЕНГРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х–2010-Е ГОДЫ
- 252 *Телеки А.*
ОБРАЗ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ: РОМАН
Р. СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ»
- 260 *Шипош Б.А.*
КУЛЬТУРНОЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
в венгерском городе Дебрецене

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник продолжает серию публикаций материалов цикла Международных научных форумов по гигиене культуры и служит не только продвижению по пути научного осмысления проблем современной культуры и популяризации нового научного направления, но и развитию международного научного сотрудничества в гуманитарной сфере. В сборник включены статьи участников VIII Международной научной конференции по гигиене культуры, прошедшей в Государственном институте искусствознания в 2018 году.

Актуальность проблематики нового научного направления диктуется современными глобальными вызовами эпохи, несущими серьезные риски утраты гуманистических идеалов и ценностных основ личности и общества. В широком понимании транснационального научного коллектива, работающего под руководством профессора И. Мадьяри-Бека с 2012 года, гигиена культуры рассматривается как стремление к сохранению, саморегуляции и воспроизводству культуры, выявлению и предупреждению рисков, обеспечению жизнеспособности и свободного развития культуры вне каких-либо временных ограничений. Гигиена культуры призвана обеспечить удержание поддающихся регулированию условий, трендов общественного сознания и массовых культурных практик в эволюционном коридоре, границы которого следует обсуждать так же, как и методы этой деятельности. С другой стороны, и сама культура, оставаясь невраждебной средой, должна обеспечивать жизнеспособность социума и человека. Мы не знаем, каких трансформаций нужно желать, чтобы гарантированно «не дать миру уничтожить себя» (А. Камю). Что может предпринять человек, чтобы уменьшить риски того, что культура – среда его обитания – окончательно утратит целостность, изменится настолько, что станет необитаемой, или, наконец, изменит человека вместе с повседневностью так, что он перестанет быть человеком? Ответов на эти вопросы мы ждем от становящейся дисциплины «гигиена культуры».

Осознавая лежащую на научном сообществе ответственность за формирование и воспроизводство общечеловеческих ценностей в культуре и социуме, философы, историки, искусствоведы, культурологи, социальные психологи, специалисты в области социологии и экономики искусства на страницах сборника обсуждают проблемы нравственного, интеллектуального и духовного здоровья человека и общества, источники и причины социальных болезней, факторы жизнеспособности общества, механизмы социальной адаптации и выживания культуры, вопросы социальной и культурной идентификации личности. Основным предметом представленных в сборнике исследований стали принципы ценностно-ориентированного подхода, которые должны быть положены в основу государственной культурной политики. Большое внимание уделяется также методологическим вопросам развития нового научного направления.

Авторы публикации представляют научно-исследовательские центры, университеты, ведущие вузы культуры и искусства, другие организации из Восточной Европы и России: Будапештский университет имени М. Корвинуса (*Budapesti Corvinus Egyetem*), Дебреценский университет (*Debreceni Egyetem*), Санкт-Петербургский государственный университет, Российский Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургский институт экономики, культуры и делового администрирования, Государственный институт искусствознания, Российскую академию музыки им. Гнесиных, Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Российский государственный социальный университет, Украинский гуманитарный фонд и другие учреждения, ведущие разработку проблем современного общества и культуры.

Статьи в сборнике сгруппированы в три тематических блока, объединенных проблематикой и особенностями авторских подходов к исследованиям. Ниже приведена краткая характеристика статей, представленных в каждом из разделов.

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В разделе представлены общетеоретические и практические аспекты проблемы формирования ценностно-ориентированного подхода к культурной политике в современном мире. Открывает раздел статья О. Сюч «Аспекты культурной политики с точки зрения гигиены культуры». Автор рассматривает культурную политику как регулятор социально-организующих систем, придерживающихся иерархического принципа, который предполагает многоуровневые механизмы влияния на

культуру. Анализируя различные трактовки понятия культурной политики как в узком, так и в широком смысле, автор указывает, что если культурная политика в узком смысле может означать простое соотнесение влияния социальных и культурных процессов на государство, а государства – на культуру, включая некоторые приоритетные направления, то в широком смысле культурная политика представляется как вертикально и горизонтально структурированное культурное пространство, в конечном итоге регулируемое существующей аксиологической системой. Автор полагает, что сложность нынешнего этапа цивилизации может быть объяснена переплетением двух упомянутых структурных характеристик. Теоретические аспекты культурной политики рассматриваются также с точки зрения общих философских категорий, таких как соотношение личности и общества, гражданского общества и политической элиты, а также других структурных элементов общества и присущих им интересов.

Экологическая обстановка, состояние культурной среды обитания человека, социальные институты, темпы развития, принципы распределения результатов труда в мире, демографическая ситуация, уровень международной напряженности – эти аспекты стали предметом рассмотрения в статье Д.В. Реута «Культурная политика как способ сосуществования культурных единиц». Автор утверждает, что в некоторых отношениях состояние культурной среды является катастрофическим, что определяет актуальность исследования способов взаимодействия активных начал социума между собой и выделение тех, что наиболее благоприятны для социума в целом. Автор включает в исследовательский арсенал категорию культурной единицы, используемую в антропологии, и дает ее дефиницию с позиций гигиены культуры, а также развивает известную схему крупномасштабной системы включением в нее культурно-координационного слоя цивилизационно-культурной общности. Формирование конструктивной культурной политики, по мысли автора, должно предполагать создание условий для сосуществования и плодотворного сотрудничества культурных единиц социума. В статье применяется системный подход и структурные методы исследования крупномасштабных систем.

«Было бы большой ошибкой ограничивать понимание субъекта лишь одним государством и органами его управления. Субъект, осуществляющий (реализующий) культурную политику, это в первую очередь само же общество, лишь корректируемое государственными инстанциями»¹.

¹ Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2000. С. 189.

Подобный взгляд лежит в основе статьи Е.П. Костиной «Культурная политика: с государством и без...». Автор вводит понятие социально-культурной политики отдельного человека, который начинает действовать не только в своих личных интересах и вкладывает собственные ресурсы (финансы, время, труд, эмоции) в создание культурных продуктов, благоприятной социально-культурной среды и пр. Как примеры осуществления собственной культурной политики рассматривается деятельность и других субъектов культурной жизни, в частности независимых театральных коллективов. На многочисленных примерах автор показывает, как граждане и их неформальные объединения, независимые творческие организации, общественные движения и отдельные инициативы, опираясь на институты гражданского общества, успешно достигают своих целей и решают поставленные задачи без помощи государства, а точнее сказать – в помощь государству и обществу.

Статья Т.Н. Юдиной «Государственные программы по социальному здоровью населения российских мегаполисов: ценностный аспект» посвящена такой многоплановой категории, как социальное здоровье, раскрывает его сущностные характеристики с точки зрения различных научных подходов, выделяет основные методологические проблемы. Автор предлагает рассматривать социальное здоровье как социально-ценностную модель поведения. В статье показано, что социальное здоровье – это не только система ценностей, установок и мотивов поведения в социальной среде, мера социальной активности, деятельного отношения к миру, но и критерий уровня жизни общества в целом. Автор отмечает, что в настоящее время ценность социального здоровья общества возрастает, а его улучшение осознается как общегосударственная задача, для решения которой разрабатываются специальные государственные программы. На примере московского мегаполиса показано, как социальное здоровье через государственные программы становится объектом культурной политики.

В статье Л.В. Прохоровой «ВУЗ культуры как субъект реализации государственной культурной политики в России (пример СПбГИК)» рассматриваются вузы культуры как субъекты государственной культурной политики в современной России. С 1 января 2019 года в рамках национального проекта «Культура» федерального проекта «Творческие люди» во исполнение поставленных целей государственной культурной политики на базе семи российских вузов открыты и действуют центры непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры. В качестве примера автором представлена деятельность Санкт-Петербургского государственного

института культуры, в котором разработано и реализуется 20 дополнительных профессиональных программ повышения квалификации, каждая из которых имеет инновационную составляющую.

Антикоррупционная культура как одна из аксиологических основ рассматривается Е.В. Южиной в статье «Антикоррупционная культура как аксиологический аспект культурной политики». Автор предпринимает попытку обоснования целесообразности исследования антикоррупционной культуры сквозь призму гигиены культуры. Одним из результатов стал вывод о несформированности этой культуры в российском обществе в силу специфического характера общественной жизни и отсутствия антикоррупционного сознания населения. Высказаны позитивные предложения по вопросам формирования антикоррупционной культуры в современной России.

В статье Е.А. Хауниной «Институт целевых капиталов как инструмент культурной политики» рассматривается возможность формирования эндаумент-фондов (фондов целевого капитала) как одного из ресурсов для финансирования культурной деятельности в России. Применение эндаумент-фондов в практике финансирования некоммерческих организаций имеет достаточно продолжительную историю в странах с англо-саксонской моделью культурной политики. И хотя в России подобная схема благотворительности использовалась еще с начала XIX века, правовые основы для создания эндаумент-фондов как современного инструмента культурной политики появилась лишь около 10 лет назад. В статье обозначены основные принципы формирования и функционирования современной российской модели целевого капитала, рассмотрена статистика формирования эндаумент-фондов в различных отраслях, а также зарубежная практика. Особое внимание автор уделяет аспектам, которые ограничивают развитие института целевых капиталов в России, среди которых налоговые льготы, проблемы эффективности управления, доверие общества и потенциальных благотворителей.

Для современной России, как и для большинства европейских стран, важнейшей частью культурной политики является сохранение объектов культурного наследия. Поэтому обращение к опыту европейских стран по восстановлению разрушенных после Второй мировой войны городов может быть полезным. В своей статье «Культурная политика европейских государств в отношении утраченного наследия (на примере послевоенного восстановления городов)» К.В. Постернак предлагает читателям обзор некоторых подходов: от точного воссоздания утраченных исторических районов (Варшава, Гданьск), восстановления рядовой застройки в виде упрощенных реплик погибших зданий (Сен-Мало, Жьен, Абвилль,

Фройденштадт) до возведения городов заново в формах модернизма (Гавр) или неоклассики (города СССР). Каждое из этих решений по-своему сказывалось на облике исторических городов. Автор справедливо отмечает, что опыт последних десятилетий показывает, что бескомпромиссно современная архитектура городов теряет свои позиции, и в настоящее время при воссоздании исторических мест торжествует принцип контекстного восстановления.

Тема стратегического планирования в сфере культуры развивается в работе Е.Р. Усиченко «Стратегическое планирование в сфере культуры: чешский опыт культурной политики столицы». Кратко представлена ретроспектива культурного планирования в Праге, а также дан анализ концепции культурной политики чешской столицы на период 2017–2021 годов. Здесь культура понимается как основной элемент жизнеспособности общества, определяющий все сферы человеческой жизни. Отмечается, что культура по-прежнему остается одним из источников экономического роста, поэтому инвестиции в нее так важны. Предполагается, что рассмотренный программный подход позволит Праге сохранить свою конкурентоспособность, максимально используя историко-культурное наследие наряду с высоким уровнем участия граждан в культурной и общественной жизни города.

В статье Н.Ю. Матвеевой «Смысловые основы культурной политики: пример Каталонии» дается анализ современной культурной политики этого автономного сообщества. В работе представлены результаты авторского эмпирического исследования направлений культурной политики Каталонии. Анализируя идеи и ценностные ориентиры развития культуры, изложенные в «Статуте автономии Каталонии» 2006 года, а также смысловое содержание некоторых культурных обычаев и традиций, автор подчеркивает, что культурная политика страны ориентирована на смысловые и ценностные основы, заложенные в условиях исторического формирования каталонской идентичности. Именно понимание социокультурной идентичности автор считает важнейшим аспектом культурной политики.

Взгляд на вопросы культурной политики и социальной идентификации личности через призму национальных опросов общественного мнения предложен в статье К.К. Ляшева и О.В. Христофоровой «Вопросы культурной политики в условиях социальных деформаций: на примере современного украинского общества». Используя результаты всеукраинского социологического мониторинга «Украинское общество», проводимого Институтом социологии НАНУ с 1992 года и данные всеукраинского опроса общественного мнения КМИС (сентябрь 2018), авторы прослеживают

динамику значимых социальных процессов и явлений. Прежде всего, речь идет о проблеме «культуры участия» (*participatory culture*) как формы свободного, активного и осознанного участия населения в культурных и социальных процессах; степени доверия к институтам, отвечающим за стратегию и реализацию культурной политики. Использование традиционных для социологии шкал Э. Богардуса дало возможность проследить структуру и динамику отношения украинцев к представителям иных национальностей. Познавательными в контексте культурной политики являются и кейсы, посвященные выбору культурных форм досуга и посещению учреждений культуры и искусства.

II. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

Открывает раздел статья А.А. Ушкарева «Динамика художественных потребностей: причины и следствия», в которой представлены некоторые результаты авторского исследования, целью которого стала оценка меняющихся художественных потребностей общества и досуговой роли искусства. Опираясь на эмпирические данные, автор оценивает возникающие вследствие этого риски, которые порой заставляют культурологов говорить о кризисных явлениях в художественной культуре. Приводимые результаты характеризуют особенности культурного поведения современной публики и позволяют сделать выводы, касающиеся диалектики общего и особенного в аудитории разных видов искусства, закономерностей культурного потребления и истоков культурной активности. Вскрыты и некоторые фундаментальные закономерности поведения человека в пространстве художественной жизни: приобщения к художественной культуре, воспроизводства аудитории искусства, культурной эволюции потребителя.

Анализ современной культурной политики РФ по сохранению культурного наследия, формированию политики памяти и проблем трансляции ценностей представлен в статье А.А. Никоновой «Институты памяти в современной культурной политике России». На примере Музея обороны и блокады Ленинграда и его реконструкции автор показывает, что стратегия актуализации мест памяти выявляет целый ряд социально-культурных рисков, которые становятся следствием рыночной ориентированности современной культурной политики государства.

В цифровую эпоху экспансия искусства в виртуальную и медиасреду способствовала беспрецедентно широкому его распространению и по сути превратила все общество в публику. При этом радикально

меняются и условия функционирования учреждений культуры и искусства, что может стать источником серьезных проблем. Как влияют современные информационные технологии на функционирование учреждений культуры в виртуальном и физическом пространстве? Эти вопросы рассматривает Е.А. Дудкина в статье «Влияние информационных технологий на доступность учреждений культуры в России». Автор анализирует возможные виды доступности, трактовку термина «доступность» в культурной практике и его отражение в нормативно-правовых актах. В качестве основного подхода к решению проблемы доступности учреждений культуры и искусства автор предлагает создание, систематическое пополнение и обновление их сайтов независимо от масштабов и расположения этих учреждений. При этом особое внимание предлагается уделять своевременности информационного обновления сайтов и необходимости реагирования на запросы со стороны потребителей услуг учреждений культуры.

В деле приобщения широких масс населения (в том числе людей с ограниченными возможностями) к культурному наследию большую роль могли бы сыграть виртуальные музеи. Однако потенциал большинства из них в России пока остается маловостребованным. Авторы статьи «Стратегии репрезентации виртуальных музеев в социальных медиа» Ю.А. Черненко и Ю.С. Рогозина считают, что это во многом связано с тем, что администрация виртуальных музеев недостаточно хорошо продвигает их в СМИ и, в частности, в социальных медиа. Исследование направлено на выработку рекомендаций по способам продвижения виртуальных музеев в социальных медиа, чем и обусловлена его актуальность. Попытки подобного изучения, основанные на анализе количественных данных контента самих виртуальных музеев, а также их групп и страниц в социальных медиа, ранее не предпринимались. Авторы определяют понятие «виртуальный музей», рассматривают различные подходы к его трактовке и типологии с привлечением методов анализа контента. Приводятся данные о представленности виртуальных музеев в социальных медиа, динамике количества подписчиков на площадках в *Facebook*, *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Instagram* и *Twitter*. Главные выводы заключаются в том, что крупные представители культурных индустрий, активно ведущие страницы в социальных медиа, продвигают в основном не виртуальные туры, а сам музей, его экспонаты и выставки, тогда как менее масштабные музеи или виртуальные музеи, существующие только в сети интернет, почти не используют социальные медиа и их технологии для привлечения аудитории.

III. ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из принципиальных вызовов для разработки и реализации культурной политики, обеспечения межкультурного взаимодействия становится проблема профилактики и разрешения социокультурных конфликтов. Автор статьи «Социокультурные конфликты и общественное согласие» В.Г. Марача рассматривает культурную политику как способ снижения социальной напряженности и предлагает новый подход к достижению общественного согласия, содержащий инструменты разрешения социокультурных конфликтов и управления коммуникациями в «неразрешимых» конфликтных ситуациях. Данный подход основан на стабилизирующей роли институтов и схеме мыследеятельности, интегрирующей ключевые компоненты конфликтной ситуации и задающей модель «мыследеятельностной организации коммуникации».

В контексте проблем межкультурного взаимодействия особое значение приобретает анализ дихотомии «интеграция – дезинтеграция» в коммуникативных актах межкультурных взаимодействий и разнонаправленности тенденций самосохранения уникальной специфики и взаимопроникновения локальных культур. В статье «Макросоциологический анализ инокультурных заимствований» В.Г. Погосян представляет авторское прочтение концепта модернизации как безотносительного к западному модерну социально-исторического феномена. Модернизация в виде рецепции инокультурных элементов представлена как форма межцивилизационного заимствования. Подобная адаптивная способность позволяет обществу поддерживать гомеостатическую системную устойчивость, изменяться дискретно, но сохранять при этом собственную функциональность. В этом случае частичная коррекция параметров не затрагивает системообразующие структуры, сохраняется алгоритм коэволюционного развития. По мысли автора, вызываемые эндогенным воздействием внутрисистемные коррекции являются конструктивными в случае, когда не вступают в противоречие с имманентными свойствами социума, оптимизируя функциональность, средовую комфортность и развитие конкретных обществ. Применение цивилизационного подхода в анализе модернизационных заимствований дало автору возможность разрешить антиномичность дилеммы «востокоцентризм – западоцентризм» и подтверждает аксиологическую обусловленность процессов принятия – отторжения инокультурных заимствований и способы их адаптации.

Этнокультурное многообразие, как показывает практика, является не только ресурсом взаимообогащения, но и потенциальным источником социальных проблем, связанных с дискриминацией, неравномерным

доступом к социальным благам, отчуждением и изоляцией отдельных индивидов, этнических или социально-культурных групп. Только продуманная культурная политика способна сделать этнокультурное многообразие основой культурного и технического прогресса, ключевым фактором общественного развития, считает автор статьи «Этнокультурное многообразие современных обществ – источник противоречий или ресурс инновационного развития?» Е.Ю. Киреев. По его мнению, в российской социологической традиции концепт этнокультурного многообразия пока не нашел достаточного теоретического и эмпирического осмысления, несмотря на довольно широкое его распространение в зарубежной социологии и социальной работе. При этом данный концепт и его учет в культурной политике требует и критического осмысления, подчеркивает автор. Ориентация на этнокультурное многообразие не должна быть самоцелью и новой идеологией, она должна рассматриваться как возможность сохранения и развития человеческих сообществ, создания условий для раскрытия полного потенциала отдельных социальных групп.

Вопрос самоидентификации и межкультурного взаимодействия в цифровую эпоху все более переносится в виртуальное пространство. Именно проблеме социализации и самоидентификации личности в виртуальном пространстве посвящена статья А.Ю. Чукурова «Дигитальное тело и особенности самоидентификации в виртуальном пространстве». В фокусе внимания автора оказывается функционирование дигитального тела в мире массовых многопользовательских ролевых MMORPG онлайн-игр. Степень распространенности и популярности виртуальной коммуникации подобного рода делает рассмотрение данной темы весьма актуальным. Коммуникационным пространством процесса самоидентификации в данном случае становится интернет-среда, где и происходит соотнесение личности с окружающими, реализуются возможности выбора социальных ролей как базового элемента взаимодействия. Анализируя трансформацию коммуникационных практик, автор приходит к выводу, что изучение влияния массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр на сознание пользователя должно вестись в двух направлениях. Первое – выявление дополнительных возможностей подобных игр для адаптации и социализации людей с особыми потребностями. Второе – анализ коммуникационных игровых практик для прогнозирования возможных вариантов трансформации коммуникационных стратегий и механизмов самоидентификации, что представляется важным как с точки зрения культурологии, так и педагогики.

Следующие две статьи посвящены жизни русской литературы в Венгрии. Можно сказать, что венгры знают ее во многом благодаря

Йожефу Горетитю – директору Института славистики Дебреценского университета, увлеченному исследователю и неутомимому пропагандисту русской литературы, удостоенному в 2014 году медали А.С. Пушкина за переводы произведений Сергея Довлатова, Людмилы Улицкой, Андрея Платонова, Виктора Ерофеева, Юрия Полякова и других русских писателей. В своей статье «Восприятие русской литературы в Венгрии в историческом контексте: вторая половина 1980-х – 2010-е годы» Й. Горетитю излагает историю вхождения русской литературы в венгерскую культуру. Изменения в ее восприятии за эти тридцать с лишним лет определялись не только эстетическими причинами, но и культурной политикой властей. Автор условно разделяет выбранный отрезок времени на четыре периода, каждый из которых имеет свои характерные черты: вторая половина 1980-х годов – влияние «перестройки» и «гласности», 1990-е годы – «полная тишина», 2000-е годы – господство постмодернизма и 2010-е годы – «новый реализм».

Анна Телеки – аспирантка Института славистики Дебреценского университета – в своей статье «Образ межкультурного взаимодействия в литературе: роман Р. Сенчина “Елтышевы”» исследует творчество представителя нового поколения российских писателей, которое стремится возродить проблематику и приемы русского классического реализма в контексте настоящего времени. Основное внимание уделяется роману Сенчина «Елтышевы» как известному, но и одному из наиболее спорных романов современной русской прозы. Это произведение тесно связано с традицией так называемой деревенской прозы, обратившей внимание читателей на положение находящегося на периферии общества крестьянства и скрывающуюся в нем духовность, основанную на инстинктах и языческой народной культуре. Анализируя произведения Р. Сенчина (кроме романа «Елтышевы» в рассмотрение включен также рассказ «Настоящий парень»), А. Телеки обращает внимание читателей на противопоставление двух миров, двух сил, точнее, противопоставление силы и бессилия. Противовесом русской провинции, где правят стихия и волчьи законы, выступают слабый город и живущие в нем бессильные горожане. Но Сенчин, по мнению автора, видит и безысходность русской провинции 2000-х годов: воссозданный им образ семьи среднего общественного слоя, оказавшегося на краю гибели, становится, по мнению автора, символом гибели русской деревни.

Наконец, Шипош Барнабаш Андраш, православный священник, настоятель Свято-Троицкого храма в венгерском городе Дебрецене, автор статьи «Культурное и межконфессиональное взаимодействие (на примере г. Дебрецена)» анализирует уникальный опыт сотрудничества

и межкультурного взаимодействия представителей разных христианских конфессий, церковных служителей и городских властей, опыт, который мог бы стать примером не только для городов Венгрии, но и Европы. Автор рассказывает также о большой роли в культурной жизни города православного прихода и его удивительного хора прихожан, который выполняет серьезные миссионерские и просветительские задачи.

Ответственный редактор
д. культ., к. иск. А.А. Ушкарев

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Сюч Ольга

кандидат философских наук,
доцент Дебреценского университета, Венгрия
4010 Венгрия, Дебрецен, Эдетем тер 1
szucsolga3@gmail.com

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГИГИЕНЫ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена обобщению общетеоретических и практических подходов к проблеме культурной политики в современном мире. Что касается анализа различных аспектов культурной политики, то сложился консенсус относительно толкования этого понятия, согласно которому культурная политика понимается как регулятор социально-организующих систем между собой, придерживающийся иерархического принципа, который соблюдает многоуровневые взаимовыгодные и взаимоопределяющие рычаги влияния. В этой статье анализируются различные трактовки понятия культурной политики как в узком, так и в более широком смысле. В узком смысле культурная политика может означать одностороннее соотнесение влияния социальных и культурных процессов на государство, включая некоторые приоритетные направления. В широком смысле культурная политика – это вертикально и горизонтально структурированное культурное пространство, которое в конечном итоге регулируется существующей аксиологической системой. Автор полагает, что сложность нынешнего этапа цивилизации, по всей вероятности, можно объяснить переплетением двух вышеупомянутых структурных характеристик. По мнению автора, теоретические составляющие понятия культурной политики всегда подразумевают общие философские элементы, такие как соотношение личности и общества, гражданского общества и политической элиты, а также имеющие одинаковые интересы или, наоборот, разные интересы между структурными элементами общества. Автор пытается показать сложность взаимосвязей между вышеуказанными компонентами применительно к существующим проблемам культурной политики.

Ключевые слова. Гигиена культуры, цивилизация, общественно-культурный процесс, аксиологические системы, культурная политика, общее благо и свободная самореализация.

Szűcs Olga

PhD in Philosophy,
Associate Professor of University of Debrecen, Hungary
4010 Hungary, Debrecen, Egyetem ter 1
szucsolga3@gmail.com

CULTURAL POLICY ASPECTS IN TERMS OF HYGIENE OF CULTURE

Abstract. This article aims to synthesize the abstract-theoretical and practical approaches to the problem of cultural policy in the modern world. As regards the analysis of the different aspects of cultural policy there is a consensus regarding the interpretation of this notion according to which the cultural policy is understood as a regulator of society-organizing systems between themselves adhering to the hierarchy principle which observes the multi-layered mutual and mutually determining levers of influence. This article analyses different understandings of cultural policy in both: a narrow and broader sense. In a narrow sense the cultural policy may mean a single-sided correlation of a state's influence of the social and cultural processes including some priority emphases. In a broad sense the cultural policy is a network of the vertically and horizontally structured cultural space which in the end is regulated by the existing axiological system. The author thinks that in all likelihood the complexity of the present stage of civilization can be explained by the intertwining of the two above-mentioned structural characteristics. In the author's opinion the theoretical constituents of the notion of cultural policy always imply general philosophical elements, such as the correlation between an individual and the society, a civil society and the political elite, as well as having the same interests or on the contrary having different interests between the structural elements of the society. This article is attempting to show the complexity between the interrelations of the above-mentioned components regarding the existing problems of the cultural policy.

Keywords. Hygiene of culture, civilization, social and cultural process, axiological systems, cultural policy, common good and free self-realization.

Инициатива организовать ученое сообщество по изучению актуальных и острых проблем современности принадлежит членам основанной в 2012 году в Венгрии Ассоциации «За венгерско-российское сотрудничество имени Льва Николаевича Толстого». Идея была в принципе очень проста, но в то же время чрезвычайно сложна. Проста потому, что цивилизационные проблемы нашей эпохи абсолютно очевидно дошли до угрожающего предела всего ранее достигнутого культурного развития.

Сложность же состоит по многим параметрам в ином, по сравнению с былыми временами, характере изменений и вытекающих из них проблем. Это были исходные точки.

В процессе дискуссий первых двух конференций, которые проходили шесть лет тому назад в Москве и Будапеште, венгерские и российские ученые самых разных общественно-научных и гуманитарных областей пришли к консенсусу в понимании предложенного термина гигиены культуры, и для всех стало очевидным, что инициаторы новой научной дисциплины под гигиеной культуры подразумевают защиту тех ее культурообразующих компонентов, которые призваны отстаивать гуманную сущность общества, целью которого является обеспечение условий для всестороннего развития человека как свободного и ответственного гражданина.

Пожалуй, мы все видим, что именно эти смыслы и сущности культурного существования человечества подвергаются наибольшей опасности в нашей современной цивилизации. На данный момент мы имеем ценные результаты участвующих в общем исследовании ученых – философов, социологов, экономистов, психологов, культурологов, искусствоведов, литературоведов, театроведов, музыковедов, лингвистов, политологов.

Объединяет всех нас, во-первых, аксиологический подход к характерным чертам общественных явлений и идейных течений нашей современности и желание сблизить теорию и реальность, то есть теоретические суждения основывать на фактах, и в свою очередь задуматься над возможностью плодотворного воздействия на осознанные и выявленные глубинные проблемы нашей цивилизации. Во-вторых, нас объединяет чувство ответственности творческой интеллигенции за судьбу не только нашей родины и культуры, но и за судьбу последующих поколений. Нам необходимо обдумать все те принципиально значимые культурообразующие категории, видоизменения которых именно за последние годы репрезентируют трансформацию всей системы отношения человека к своему внутреннему и внешнему – социальному – миру.

Растворение аксиологических норм и наблюдающееся размывание строгих критериев научного подхода к анализу современных явлений наталкивает нас на мысль о необходимости легитимации основных онтологических и гносеологических понятий философского и научного мышления, так как у нас нет других средств для адекватного восприятия мира кроме тех, которые своей адекватностью и с воспроизведенной ими практикой сами себя легитимировали в процессе существования человеческих сообществ. Без легитимации выработанного тысячелетиями философского понятийного аппарата и нацеленного на познание истины

философского, художественного и научного (в том числе общественно-научного) подходов, мы можем утратить основы накопленного знания об окружающей нас природной и социальной действительности и знания о природе человека, то есть рискуем потерять способность знать и понимать самих себя и окружающий нас мир.

Что может означать анализ любого общественно-культурного процесса с точки зрения гигиены культуры? С теоретической точки зрения, в первую очередь, должна быть констатирована *проблема*, то есть совокупность тех компонентов, которые, проявляясь на эмпирически доступном уровне, дают возможность определить наличие дисфункции в функционировании данного явления. Так как процесс анализа дисфункции в большинстве случаев сопровождается столкновением интересов различных социальных групп, ценностных ориентаций или даже культурных парадигм, чрезвычайно важным становится определение критериев оценки и – что требует более абстрактного уровня мысли – определение критерия выборки критериев. Зачастую эта самая отвлеченная стадия процесса уже остается за скобками.

При наличии дефиниций выше обозначенных моментов следует структурирование данной конкретной изучаемой проблемы строго по философским принципам и философскими категориями. Таким образом может быть осуществлен процесс структуризации проблемы и определения ее характера в аксиологическом аспекте.

Относительно проблематики нашей конференции – анализа различных аспектов культурной политики – как мне кажется, существует консенсус в трактовке этого понятия, согласно которой культурная политика понимается как некий регулятор общественно организующих систем между собой по иерархическому принципу, в которых наблюдаются многоуровневые взаимные и взаимно обуславливающие рычаги влияния.

В узком понимании, культурная политика может означать одностороннюю связь действия государства на общественно-культурные процессы, включая задействование неких приоритетных акцентов. В широком смысле культурная политика является сетью вертикально и горизонтально структурированного культурного пространства, в котором существует множество взаимно детерминирующих сил, что не исключает наличия парадигматически определенного главного регулирующего фактора, например в виде действующей аксиологической системы. По всей вероятности, сложность настоящей цивилизационной стадии состоит именно в переплетении двух названных структурных особенностей. Относительно тематики нашей конференции, культурной политики, уровни теории и практики тоже в некоторой степени смещаются, хотя

всегда рассматривается конкретно историческое проявление данного общественного феномена.

Культурная политика проявляется всегда конкретно, в исторически обусловленной конкретной среде определенного общества. Теоретические составляющие понятия культурной политики тем не менее всегда подразумевают общие философские элементы, такие как соотношение индивида и общества, гражданского общества и политикума, прав человека на самоопределение и право общества на защиту своих культурных основ и уставов, соотношение прав и обязанностей, вопросы уровня стойкости или же гибкости, вариативности границ, диалектики относительности и абсолютности в менталитете населения и практики государственных структур, исторической необходимости в упразднении или же усилении государственного контроля над общественными процессами и много иных аспектов, которые могут характеризовать теоретические рамки конкретных подходов.

В культурной политике непременно присутствует совпадение или же расхождение интересов структурирующих элементов общества, а также столкновение определенных, закономерным образом не совпадающих ценностных систем, которые непременно будут отстаивать определяющие собственные ценностные ориентации и *интересы*.

И, конечно же, в конечном счете, мы обязательно придем к основным гуманистическим принципам, таким как *свобода* или *степень компромиссоспособности индивида*, которые закономерным образом закладывают кирпичики разногласий в общий фундамент конструкции, называемой обществом.

Таким же закономерным образом мы приходим к необходимости четкого определения соотношения *критериев общего блага и самореализации личности*. Ведь, согласимся, неразрешенные проблемы практики культурной политики обусловлены именно неразработанностью консенсуса по поводу этих критериев.

Тем не менее, руководствуясь вышеназванными общими критериями необходимости определения правильного соотношения общего блага и свободой самореализации личности, при принятии конкретных решений, влияющих на состояние общества, пожалуй, можно предположить, что соотношение этих двух компонентов есть возможность и даже иногда необходимость сознательно скорректировать и направить усилия на определенные траектории согласно конкретной ситуации, которую переживает данное общество в данный временной отрезок.

Таким образом, некое сознательное смещение акцентов на создание условий самореализации личности и ослабление государственного,

властного или же ведомственного контроля может иметь место при восходящей линии развития данного общества, критерии чего тоже пока не определены, но во всяком случае могут характеризоваться относительной стабильностью политико-экономической ситуации, при наличии относительного общего консенсуса между властью и народом, при преобладании созидательных процессов, направленных на укрепление благосостояния общества, и при наличии наименьшей внешней угрозы.

Степень благосостояния общества – в нашей культурной парадигме и по определению гигиены культуры – определяется степенью гуманности системы регуляции и саморегуляции общественных отношений. Культурная политика всегда должна руководствоваться целями поддержания этих позитивных процессов.

Естественным образом время от времени каждое общество переживает стадии дестабильности, видоизменения и даже смены парадигм. Эти процессы могут быть длительными или же происходить турбулентно, зачастую в форме острого противостояния и с непредсказуемыми последствиями, которые по опыту истории могут носить разрушительный характер. В такие исторические периоды культурная политика как система соотношения власти и общества может играть ключевую роль и должна определяться с учетом всех упомянутых выше аксиологически определяемых факторов.

Что касается изучения истории культурной политики последнего столетия в конкретных странах, с полной уверенностью можем сказать, что при описании отдельных стадий применяется исключительно научный принцип периодизации по историческим эпохам. В зависимости от точки зрения автора, которая зачастую зависит от общественно-политической парадигмы актуальной стадии истории страны, дается та или иная оценка конкретных процессов. В случае смены исторической парадигмы меняется и система аксиологической координации.

На примере Венгрии мы можем привести три исторических периода относительно описания истории культурной политики. Каждый из перечисленных этапов соответствует конкретной исторической парадигме, а система оценочных координат видоизменяется по политически определяемым ценностям того исторического периода, в котором делается оценка.

Соответственно, в описании периодов культурной политики Венгрии последнего столетия различается период между двумя мировыми войнами, ограниченный 1920–1944 годами. Второй период – 1944–1948-е годы связан с т.н. коалиционным периодом истории страны, когда еще не наступил этап социализма; третий период соответственно

касается 1948–1990-х годов, эпохи социализма. Исторический период жизни венгерского общества с 1990-х годов до наших дней пока не получил систематического осмысления в качестве отдельного периода культурной политики. Авторы ограничиваются констатацией этого факта, ссылаясь на отсутствие необходимой исторической перспективы и на множество противоречивых процессов, объясняемых переходным этапом общественных и политических изменений.

Я уверена в нашем общем принципиальном согласии в том, что настоящая стадия цивилизации пришла к очень ответственному моменту выбора дальнейшего пути, который определит на долгие годы, а может десятилетия, судьбу наших культур. В этом ответственном процессе играет огромную роль культурная политика, которая может обозначить вектор дальнейшего направления движения всех общественных процессов и тем самым всего общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фонаи М.* История венгерской культурной политики. Будапешт: Чоконаи, 2005.
2. *Драбанц М.Р., Фонаи М.* История венгерской культурной политики: 1920–1990. Будапешт: Чоконаи, 2005.

Реут Дмитрий Васильевич

доктор экономических наук, доцент,
профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана,
105005, Москва, 2-ая Бауманская, 5
dmreut@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК СПОСОБ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация. Экологическая обстановка, состояние культурной среды обитания человека, социальных институтов, темпы развития, принципы распределения результатов труда в мире (порождающие вопиющее неравенство), демографическая ситуация, уровень международной напряженности – являются сегодня неудовлетворительными. В некоторых отношениях это состояние является даже катастрофическим. Поэтому исследование способов взаимодействия активных начал социума между собой и выбор способов, наиболее благоприятных для социума в целом, представляется актуальным. В данной работе использованы системный подход и структурные методы исследования крупномасштабных систем. Мы предлагаем включить в исследовательский арсенал категорию культурной единицы, используемую в антропологии. Культурной единицей мы называем сущность, различимую на культурном фоне методами культурологии, а также методами дисциплин, изучающих ее отдельные разделы. Насколько нам известно, такое определение культурной единицы дается впервые. Разворачивание конструктивной культурной политики включает создание условий для сосуществования и плодотворного сотрудничества культурных единиц социума. Любая человеческая общность потенциально является культурной единицей. В данной работе предпринято развитие ранее известной схемы крупномасштабной системы включением в нее культурно-координационного слоя цивилизационно-культурной общности.

Ключевые слова. Крупномасштабная система, структура, воспроизводство культуры, методология, сотрудничество.

Reut Dmitry V.

Dr. in Economical Science, Docent,
Professor of Economics and Production Organization Department,
Bauman Moscow State Technical University (BMSTU)
Russia, 105005, Moscow, 2-nd Baumanskaya street, 5
dmreut@gmail.com.

CULTURAL POLICY AS A MODE OF COEXISTENCE OF CULTURAL UNITS

Abstract. The ecological situation, condition of our cultural habitat, social institutes, rates of development, the principles of distribution of results of work in the world (generating scandalous inequality), the demographic situation, level of international tension – are unsatisfactory today. In some respects this state is even catastrophic. Therefore the research of interaction modes of the active entities (agents) of society between themselves and the choice of optimal modes for society in general seems to be urgent. In this paper system approach and structural methods of large-scale systems research are used. We suggest to include the category of «cultural unit» into modern research arsenal. It is widely used in anthropology already. Cultural unit is an essence standing out against cultural background and distinguished by cultural science methods and/or by methods of the disciplines studying its separate sections. As far as we know, such definition of cultural unit is given for the first time. Cultural policy includes conditions for coexistence and effective cooperation of cultural units. Any human community potentially is cultural unit. It is offered to include an additional level into the scheme of a large-scale system. It is cultural-coordinational layer (level).

Keywords. Large-scale system, structure, reproduction of culture, methodology, cooperation.

Недавно принятые федеральные документы предлагают следующие практические определения:

– «культурная политика» – действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [1];

– «культура» – совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т.д.)» [1].

Мы понимаем заключение определяемых терминов в кавычки как указание на то, что эти дефиниции являются локальными, а именно предназначенными для использования в организуемой этими документами конкретной программе деятельности. За пределами этой программы данные определения могут оказаться не вполне точными. В самом деле,

вряд ли можно утверждать, что культурная политика возможна только в РФ, как это следовало бы из буквалистского прочтения первой цитаты.

Поэтому многочисленные определения культуры и культурной политики, нарабатываемые отечественными и зарубежными учеными, не переходят автоматически после публикации очередных федеральных документов в ранг устаревших.

Чем наука полезна государству? Она несет на себе функцию разрабатывать и предлагать новые модели феноменов окружающего мира и способы работы с ними, которые, возможно, позволят достигать актуальных целей с большей эффективностью или/и с меньшей затратой ресурсов по сравнению с прежними практиками. Да и постановка целей в принципе может быть уточнена в связи с уточнением видения феномена культурной политики. Так, во времена СССР государство являлось «ключевым и часто единственным» [2] ее субъектом. Сегодня же признается их «закрепленное нормами права многообразие». Соответственно меняется представление о стратегии государственной культурной политики, поскольку в цитируемом документе обсуждаемая политика «понимается как широкое межотраслевое явление, охватывающее такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также как воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны».

Отсюда следует еще одна задача культурологии как теоретической базы формирования культурной политики – инвентаризация средств позиционирования культуры РФ в составе европейской и мировой культуры, а также организация возможностей конструктивного диалога национальной культуры как одного из базовых институтов страны с культурами иных стран или/и их сообществ. Заметим, что «усиление и расширение влияния российской культуры в иностранных государствах» открывает перечень приоритетных направлений Стратегии государственной культурной политики [2].

Внимание государства к культурной политике оправдано сосредоточением в этой сфере механизмов и технологий конвертации человеческого, символического, культурного, экономического видов капитала [3]. Данные вопросы вряд ли можно назвать хорошо разработанными. Представляется важным акцент на систему ценностей, прослеживаемый в цитированных выше федеральных документах. Ценности как регулятивы социальной жизни являются инерционными динамически

воспроизводящимися образованиями, включающими взаимосвязанные между собой ментальные конструкции, традиции, практики, организованности индивидуального подсознания и общественного бессознательного. Система ценностей «нарисована» (термин В. Лефевра) на системе человеческого социума.

Когда наступает время «вспомнить» о науках и прислушаться к их рекомендациям? Естественный ответ – когда становятся очевидны кризисные моменты в развитии цивилизационно-культурной общности. Конечно, преимуществом обладает субъект, который уловил «слабые сигналы» назревающих перемен, начало формирования очередного вызова современности и действует с упреждением.

Наступил ли момент обратиться к теоретическому знанию? В документе «Стратегии государственной культурной политики...» [2] перечислению угроз гуманитарного кризиса, угроз национальной безопасности, рисков в сфере культурной политики посвящено восемь страниц.

Добавим к этому несколько слов о наступившем сорок лет назад новом этапе европейского и мирового развития, не помещающемся по причине его масштабности в повестку дня субъектов современности.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ ДЕПОПУЛЯЦИИ И НОВЫЙ ЭТАП МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Мы полагаем, все слышали алармистский прогноз перенаселения планеты [4, 5]. Но слышал ли кто-нибудь о том, что гораздо раньше численность титульных наций Европы сократится до нуля? Проблему перенаселения предстоит решать иным народам.

Возвращаясь к теме статьи, укажем на важный показатель жизнеспособности социума как коллективного субъекта культурной политики. Это – суммарный коэффициент рождаемости – количество детей, рожденных женщиной за ее жизнь. Европейскую депопуляцию наглядно характеризует динамика изменений этого коэффициента для коренного населения развитых стран Европы (сюда мы относим примкнувший к ней славянско-православный кластер, включая Россию; совпадение кодов культурной идентичности России и стран Западной Европы [6] обосновывают такое отнесение). Он опустился в 1985–1990 годах ниже гомеостатической отметки 2,15 [7] и продолжает там оставаться. Окружающие Европу и хлынувшие в ее гостеприимно распахнутые двери народы старших культур имеют гораздо более высокий коэффициент рождаемости. Его рекордное значение в 2015 году – 6,76 – зарегистрировано в Нигере. При сохранении *Status Quo* каждые 100 лет численность титульных наций

обсуждаемых стран будет уменьшаться примерно вдвое. Одновременно численность окружающих их наций старших культур будет троекратно возрастать. Как долго при этом удержатся современные границы?

Можно проследить, как прогресс рыночных отношений привел структуру суточного и сезонного цикла базовых видов активности и досуга современной европейской семьи в «запрещенную» область, в которой популяция вырождается. Оказались подорванными основы биологического воспроизводства человеческого материала – субстрата, на котором существует европейская культура. Мы используем «антигуманную» терминологию, чтобы подчеркнуть, что проблема трансдисциплинарна.

Мы не видим социокультурных и экономических трендов или адекватных рычагов культурной политики для смены ситуации, поскольку она воспроизводится совокупностью сложившихся обыкновений. Последняя, как известно, инерционна и демонстрирует заметные мутации на протяжении ряда поколенческих циклов. *Status Quo* «забетонирован» совокупностью наличных социокультурных институтов. Проблему не «залить деньгами»: проклятие депопуляции поразило богатейшие страны Европы.

С исчерпанием численности носителей культуры она перемещается из современности в музейное пространство.

ВОЗМОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Настоящую статью мы позиционируем в русле направления интеллектуальной и деятельностной активности, заявленного видным венгерским ученым И. Мадьяри-Беком в 2012 году, названного им «гигиена культуры». По этой теме ежегодно [8, 9] проходят международные конференции.

Структура древних обществ имеет конфигурацию, порождающую «прокреационную ренту». Этот феномен обусловлен позиционированием семьи в структуре социума. Феномен «прокреационной ренты» означает, что правительствам стран древних культур не нужно прилагать никаких усилий для повышения рождаемости. Власти также не имеют рычагов для ее снижения. Рядовые члены общества старших культур инвестируют наличные ресурсы в деторождение под страхом голодной одинокой старости.

Европеец же, освобожденный системой социального обеспечения от этой перспективы, стал индивидуалистом. Пользование возможностями удобной жизни трудно отличить от реализации свободы личности, из которой оно выросло.

В восточноевропейских странах пенсионное обеспечение скромнее. Однако идея социального иждивения, дополненная добровольным самоограничением в использовании личного времени в интересах семьи в обмен на соблазны потребительского общества, пересиливает желание создать и сохранять семью, тем более – многодетную.

Уход от структуры древнего общества, направляемый «стрелой прогресса», лишил Европу «прокреационной ренты». Конвертировать богатство страны с помощью социокультурных институтов и программ в исторически значимое повышение рождаемости белого населения не удалось ни одной стране Европы, ни США. Демографическое фиаско явилось закономерным итогом развития в условиях рынка. Заметим: практикующий плановое хозяйство Китай сохранил «прокреационную ренту».

Может ли Европа избежать ухода с исторической арене? Что и как следует незамедлительно делать в данной ситуации? Какие меры необходимы и какие их уровни достаточны? Какие устанавливать приоритеты в условиях ограниченных ресурсов? Наука и философия не дают ответов. Поэтому и возник вопрос об интегрирующем все перечисленное направлении интеллектуальной и деятельностной активности, названном гигиена культуры. Это направление активности не лежит в одном ряду с существующими науками и практическими дисциплинами. Возможно, оно будет формироваться в более высоком слое абстрагирования, т.е. «над ними», имея направляющую и интегрирующую проекцию на каждую из них. Мы полагаем достаточно точной формулировку: «В совокупности своих проявлений гигиена культуры есть культурная проекция системы превентивных защитных реакций осознающего себя социума» [10]. Исходным материалом для конструирования такой системы мы имеем конгломерат частных научных и практических дисциплин и подсистем их воспроизводства. В совокупности они составляют «теоретический каркас» культуры, им соответствуют частные методологии. Однако в настоящее время отсутствует интегрирующая их организованность методологического уровня, возможность создания и желаемые качества которой мы обсудим ниже. Подведем промежуточный итог: основная проблема становящейся формы активности, называемой «гигиена культуры», является не только научной или/и конкретно-практической, но в значительной степени методологической.

Афористичная формулировка «гигиена культуры», предложенная И. Мадьяри-Беком, опирается на очевидный общекультурный смысл термина «гигиена». С течением времени актуальность проблемы возрастает. Поэтому мы продолжаем разяснение своей позиции, определяя «гигиену культуры» как *методологию и совокупность ее проекций на науку, а также на практику устойчивого воспроизводства культурной единицы.*

РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНЫХ ВИДОВ ВОЗМОЖНОЙ АКТИВНОСТИ

Под культурой в широком смысле, следуя М. Кагану, мы понимаем «совокупность всех надбиологических форм жизнедеятельности человека и их результатов» [11]. Существует множество иных определений культуры, мы готовы сотрудничать с приверженцами любого из них, соглашаясь с Э.А. Орловой, утверждающей следующее:

- «В любом определении культура трактуется:
- как производная социальной жизни;
 - искусственное окружение человека – вещественное, социально-организационное, символическое;
 - как совокупность информации, транслируемой от одних групп людей к другим;
 - как контекст совместного существования людей» [12, 11].

Мы находимся внутри культуры в широком смысле, являемся в значительной степени ее порождениями. В культуре существуют виды активности разной направленности и степени обобщенности. Например науки – общественные, гуманитарные, естественные, технические (существуют и иные классификации), индивидуальные и общественные практики, а также методологии.

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИЛИ ОХРАНЕНИЯ – КУЛЬТУРНАЯ ЕДИНИЦА

Шанс к решению проблем дают новые модели. Для их построения мы предлагаем единицы исследования, отличные от известных классов и социальных страт, использующие темпоральную или/и культурную стратификацию. Первая основана на дифференциации объектов исследования по характерному времени (средней продолжительности существования) [6]. Вторая – более сложная и перспективная – предполагает выделение единиц исследования на культурном фоне по совокупности локаций в открытом и дополняемом по мере надобности перечне их характеристик Их мы будем называть «культурными единицами». Термин заимствован из антропологии. В ней для того, чтобы описать культуру как целое или диагностировать ее состояние, «...используется понятие «культурная единица», обозначающее любую социальную целостность, о которой можно говорить как об отдельной культуре. Речь идет о том, что для нее характерны устойчивые совокупности черт, категорий, паттернов и тем, воспроизводящихся от поколения к поколению в определенных соотношениях, или культурных конфигурациях. (В отечественной

литературе принято употреблять понятие «культурная система» без специального описания ее строения)» [12, 83].

Конкретизируя термин «социальная целостность», мы не будем отличать его от «культурно-цивилизационной общности» [13]. Отметим также родство этого понятия с «локальной цивилизацией» в смысле А. Дж. Тойнби, под которой он подразумевает «замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религия и форма ее организации; территориальный признак, степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло» [14]. Каждая культурная единица имеет начало и конец во времени.

Добавим, что культурная единица является крупномасштабной системой. Поясним эту квалификацию, основанную на понятиях монографии [15]. На основании анализа эмпирического материала мы предлагаем различать пять классов систем, соответствующих следующим пространствам: 1) хозяйственно-экономической деятельности, 2) социальной деятельности, 3) пространству истории, 4) пространству культурной интеграции, 5) планетарному пространству. Критерием отнесения системы деятельности и осуществляющего ее субъекта к тому или другому классу служат последовательные ответы на ряд вопросов: входит ли в цели рассматриваемого субъекта достижение и/или поддержание: 1) хозяйственно-экономической состоятельности, 2) также (в дополнение к предыдущему) и социальной состоятельности, 3) также и состоятельности прокреационной, 4) также и состоятельности культурной интеграции, 5) также и состоятельности экологической? Под состоятельностью мы понимаем способность обеспечивать без конкретных ограничений во времени протекание базовых процессов подсистемы и поддерживать существование обеспечивающих структур, соответствующих рассматриваемому аспекту совокупной крупномасштабной системы. Крупномасштабная система представляет собой совокупность двух или более «нарисованных друг на друге» подсистем, принадлежащих различным классам предложенного классификатора.

Структура культурной единицы захватывает не менее двух из показанных на схеме (рис. 1) слоев глобальной системы, а именно – хозяйственно-экономического, социального, прокреационно-демографического и культурно-интеграционного.

Совокупность четырех перечисленных слоев обозначена на рисунке 1 как культура в целом. В целях анализа, ней могут быть различены культурные единицы, актуализированные на данном этапе развития общества. Это могут быть локальные цивилизации в смысле Тойнби, конфессии, землячества, культурные течения, молодежные и иные субкультуры,

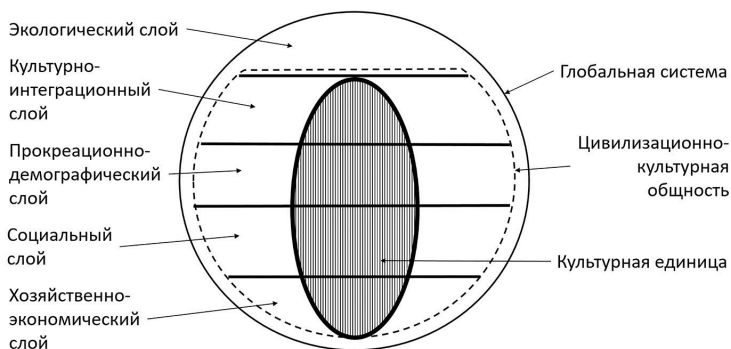

Рис. 1. Положение культурной единицы в теле
глобальной цивилизационно-культурной общности

спортивные общества, клубы, кружки по интересам и другие объединения граждан с образованием и без образования юридического лица. Они могут взаимодействовать на каждом из приведенных на схеме уровней в любом сочетании независимо от того, закреплены ли такие взаимодействия или само существование культурной единицы такого типа нормами права. Множеством таких взаимодействий пронизан социум (гражданское общество), что позволяет ему оставаться целостной системой. Осуществляемые культурными единицами взаимодействия мы относим к культурной политике в широком смысле. Культурная политика есть способ сосуществования культурных единиц. Построением особых конфигураций культурных единиц предполагается парировать вызовы, встающие перед европейской культурой, например европейскую демографическую проблему. Для этого полезно налаживать взаимодействие науки и государства, что возможно лишь в рамках понимания феномена культурной политики последним.

О РАЗЛИЧИИ МЕТОДОЛОГИИ И НАУКИ

Как известно, наука вырабатывает и систематизирует объективные знания о реальности. Возникновение современной науки принято связывать с Галилеем. В отличие от нее, основания методологии множественны. Сегодня распространены представления о том, что методология есть:

- «учение о методе» [16];
- «учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности» [17];

– «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [18];

– «стратегия управления мышлением и деятельностью, стратегия их трансформации и развития» [19, 83];

– «учение об организации деятельности» [20, 67; 21, 20, 127]. Методология есть активность, предполагающая: 1) «не только исследование, но создание новых форм организации деятельности и мышления»; 2) «соединение знаний о деятельности и мышлении со знаниями об объектах» 3) «учет различия и множественности разных позиций деятеля в отношении к объекту» [22].

Методология относится к структурной области знаний, предполагающей высокую степень обобщения по отношению к исследуемому материалу и исследующим этот материал конкретным наукам, которых сегодня (в соответствии с европейскими классификаторами) насчитывается уже более 70 000. Если наука преследует истину, то методология преследует реализуемость.

Российский философ и методолог В.М. Розин различает в современном методологическом дискурсе:

– «панметодологию», претендующую (как следует из названия) на всеобщность и связанную в первую очередь, с именем Г.П. Щедровицкого;

– частные методологии, обслуживающие различные дисциплины и практики;

– «методологии с ограниченной ответственностью» [23]. Она претендует на то, чтобы задавать сущность мышления, но лишь в пределах, задаваемых закономерностями той или иной культуры, того или иного типа мыслящей личности. Ограниченность же ответственности понимается в том смысле, что методология «не должна брать на себя задачу полностью определять человеческое бытие и жизнь, понимая, что это невозможно. Однако она не отказывается вносить посильный вклад (наряду с философией, наукой, искусством, идеологией, религией, эзотерикой и т.д.) в структурирование, конструирование жизни, бытия и, конечно, мышления» [23, 304].

Мы предлагаем дополнить построения В.М. Розина еще одним – четвертым – пунктом: методологией культурной единицы или, что то же самое, методологией с полной ответственностью. Методология культурной единицы претендует не на тотальный охват существования этой единицы, а только на обеспечение ее воспроизводства. Поэтому она достаточно далека от «панметодологии».

Со стороны любой из ныне существующих дисциплин, представленных в культурной единице, может быть затребовано (и получено)

методологическое обеспечение. Например, при фиксации средствами той или иной дисциплины наступления разрыва в осуществляемой программе методология культурной единицы может привлечь ресурсы иных дисциплин, осуществить координацию кооперативной деятельности с целью преодоления этого разрыва. Так что методологию культурной единицы нельзя считать частной методологией.

Методологическая основа гигиены культуры – методология культурной единицы – формируется с целью предотвратить распад этой единицы, сохранить функционирование. Это – ее главная цель, а не «посильный вклад». Поэтому методологическую составляющую гигиены культуры (методологию культурной единицы) можно охарактеризовать как «методологию с полной ответственностью» или методологию четвертого типа – по отношению к классификации В.М. Розина. Она несет аксиологическую нагрузку – «не дать миру уничтожить себя» (императив А. Камю). Культурная политика – способ сосуществования разноуровневых культурных единиц социума – есть важное приложение методологии четвертого типа. Этот тип методологии заявляется нами впервые.

Для регулярного воспроизводства культурной единицы необходимо предпринимать практические действия на регулярной основе. Ввиду ограниченности материальных и людских ресурсов, а также наличия регулярных и нерегулярных деструктивных процессов необходима координация направленных на воспроизводство культурной единицы усилий. Мы полагаем, что их мониторинг и непрерывное конфигурирование может быть обеспечено заявленной методологией четвертого типа.

ЕЩЕ РАЗ О СТАТУСЕ ГИГИЕНЫ КУЛЬТУРЫ

В мире, в котором неизменна только сама изменчивость, «гигиена культуры» заявляется нами как совокупность методологии устойчивого воспроизводства культурной единицы (методологии четвертого типа) и предметных проекций этой методологии в любых из семидесяти с лишним тысяч научных и практических дисциплин, конституируемых современными научными и административными классификаторами.

Сегодня главный вопрос повестки дня состоит не в том, чтобы объяснить мир, как полагали философы древности, не в том, чтобы изменить его, к чему призывал Маркс, а в том, чтобы вернуть мир в пределы эволюционного коридора и удерживать его там.

Гигиена культуры принципиально отличается от идеологии тем, что не указывает никакой истины в последней инстанции, а дает методы поиска путей сохранения культурной единицы. Гигиена культуры

принципиально отличается от философии своей активной прагматической позицией. Она не ограничивается познанием мира, но разрабатывает и реализует практические шаги по сохранению культурных единиц и их совокупностей.

Гигиена культуры имеет общее поле исследований и организации практических действий с экологией культуры [24] и культурной политикой. С одной стороны, гигиена культуры вслед за экологией культуры признает необходимость консервации и охраны памятников и способствует этой деятельности, а с другой стороны, разрабатывает и реализует систему действий по воспроизводству живых культурных образцов, составляющих сущность конкретной культурной единицы и текущему конфигурированию наличных культурных единиц в те или иные общности. Культурная политика в широком смысле есть выражение целей и стратегии действий государств и иных культурных единиц по развитию культуры в направлении удовлетворения гуманистически понимаемых интересов человека. Гигиена культуры призвана обеспечить удержание поддающихся регулированию условий, трендов общественного сознания и массовых культурных практик в эволюционном коридоре, границы которого следует обсуждать, так же как и методы работы с указанными границами.

РЕЗЮМЕ

Культурная политика в широком смысле есть многополярная активность наличного множества культурных единиц, находящихся на разных этапах своего жизненного цикла и в связи с этим успевших актуализировать доступ к ресурсам различного числа уровней глобальной цивилизационно-культурной общности и использование освоенных ресурсов. Наличные культурные единицы непрерывно выстраивают и перестраивают разнообразные коалиции или/и иные типы объединений согласно избираемым ими типам культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <https://base.garant.ru/70828330> (дата обращения 19.07.2019).
2. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Распоряжение правительства РФ от 29 февраля 2016 года № 326-П. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения 20.07.2019).

3. Карпова Г. Социальное поле культурной политики. М.: ООО «Вариант», 2011.
4. Белавин В.А., Капица С.П., Курдюмов С.П. Математическая модель глобальных демографических процессов с учетом пространственного распределения // Журнал вычислительной математики и математической физики. 1998. Т. 38. № 6. С. 885–902.
5. Капица С.П. Общая теория роста человечества. М.: Наука, 1999.
6. Реут Д.В. Код культурной идентичности как положение в социуме центра ответственности за исполнение прокреационной функции // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы II Всероссийской научной конференции (Москва, 15 ноября 2007). М.: Научный эксперт, 2008. С. 419–428.
7. Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: ALEXANDRIA, 2010.
8. Культура и гигиена. Гуманизм как потребность. Материалы круглого стола «Гигиена культуры – культурологический обзор», организованного Ассоциацией «За венгерско-российское сотрудничество им. Льва Николаевича Толстого» в Венгерском культурном центре в Москве 30 мая – 1 июня 2012 года / Ред. И. Мадьяри-Бек, О. Сюч. Будапешт: Ассоциация им. Л.Н. Толстого; издательство Каирос. 2012.
9. Magyari-Beck I. Culture «B» and its holders / Hygiene of culture: concept and types of social disease / Moscow: Association «For Hungarian-Russian cooperation name of Leo Tolstoy». Russian State Social University (Russia). Debrecen University (Hungary). 2016. P. 36–42.
10. Мадьяри-Бек И., Сюч О., Реут Д.В. Гигиена культуры как «сильная» версия ее экологии / Международный журнал исследований культуры. 2015. № 1 (18). С. 5–12.
11. Каган М. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
12. Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Альма матер; Академический проект, 2010.
13. Левяш И.Я. Глобальный мир и геополитика. Культурно-цивилизационное изменение. В двух книгах. Книга 2. Минск: Беларуская навука, 2012.
14. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова, М.: Рольф, 2001.
15. Реут Д.В. Крупномасштабные системы: управление, методология, контроллинг. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013.
16. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1950.
17. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.
18. Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология / Философский энциклопедический словарь / Ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1983.
19. Розин В.М., Голубкова Л.Г. Управление в мировом и российском трендах. М.: URSS, 2013.
20. Педагогика и логика / Г.П. Щедровицкий [и др.]. М.: Касталь, 1993.

21. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М.: Синтег, 2007.
22. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
23. *Розин В.М.* Методология: становление и современное состояние. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
24. *Лихачев Д.С.* Экология культуры. URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3564_lihahev-ekologiya_kulturi.php (дата обращения 23.07.2020).

Костина Елена Петровна

кандидат философских наук,
ведущий специалист Российской академии музыки имени Гнесиных,
Мемориальный музей-квартира Ел.Ф. Гнесиной,
Москва, Россия, Поварская ул., дом 30–36
ekostina_53@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: С ГОСУДАРСТВОМ И БЕЗ...

Аннотация. Автор исследует явления культурной жизни, которые доказывает, что культурная политика – это не только прерогатива государства. В статье вводится понятие гражданской социально-культурной политики отдельного человека, который начинает действовать не только в своих личных интересах и вкладывает свои ресурсы (финансы, время, труд, эмоции) в создание культурных продуктов, благоприятной социально-культурной среды и пр. Деятельность и других субъектов культурной жизни, в частности независимых театральных коллективов, рассматривается как пример осуществления собственной культурной политики. Большое внимание в статье уделяется анализу возможностей организаций культуры и творцов на краудфандинговых платформах. Граждане и их неформальные объединения, независимые творческие организации, общественные движения и отдельные инициативы, опираясь на институты гражданского общества, успешно достигают своих целей и решают поставленные задачи без помощи государства, а точнее сказать – в помощь государству и обществу.

Ключевые слова. Культурная политика, гражданская социально-культурная политика, институты гражданского общества, благотворительность, волонтерство, народное финансирование, краудфандинговые платформы, театральные проекты, независимые театры.

Kostina Elena P.

PhD,
Leading Specialist, The Gnesins` Russian Academy of Music,
Elena Gnesina`s Memorial Museum-Apartment,
Povarskaya St., 30–36, Moscow, Russia,
ekostina_53@mail.ru

CULTURAL POLICY: WITH AND WITHOUT THE STATE

Abstract. The author explores the phenomena of cultural life, which proves that cultural policy is not only the prerogative of the state. The article introduces the concept of civil social and cultural policy of an individual who begins to act not only in his own personal interests and invests his resources (finance, time, labor, emotions) in the creation of cultural products, a favorable social and cultural environment, etc. The activities of various actors in cultural life, in particular independent theatre groups, are seen as an example of implementing their own cultural policies. Much attention is paid to the analysis of opportunities of cultural organizations and creators on crowdfunding platforms. Citizens and their informal associations, independent creative organizations, social movements and individual initiatives, relying on the institutions of civil society, successfully achieve their goals and solve the tasks without the help of the state, to be more precise – to help the state and society.

Keywords. Cultural policy, civil social and cultural policy, civil society institutions, charity, volunteering, public funding, crowdfunding platforms, theater projects, independent theaters.

О КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ: ГОСУДАРСТВЕННОЙ И НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ

Многие считают, что термин «культурная политика» можно применять только к государственной политике в области культуры. Называя участников культурной жизни – организации культуры, образовательные и научные организации, общественные объединения, бизнес-структуры – субъектами культурной политики, они имеют в виду, что государство является источником этой политики, а перечисленные акторы, действующие в данной сфере, – лишь ее проводниками.

Но есть и другое мнение. Еще в 1995 году В.С. Жидков писал в своей книге «Культурная политика и театр»: «Субъектами культурной жизни, как это очевидно, являются любые группы людей, объединенные общими культурными интересами и располагающие какими-либо ресурсами для осуществления собственной политики в этой сфере» [1, 93, 94]. Автор выделяет такие субъекты, как создатели и потребители культурных ценностей, состоящие из различных субкультурных групп, общество и особый субъект, стоящий отдельно, – государство, представляющее собой ту инстанцию, которая призвана интегрировать и согласовывать интересы первых трех субъектов культурной жизни. «Очевидно, – пишет автор – что каждый из названных субъектов может иметь в сфере художественной жизни собственные цели, на их основе формировать приоритеты

и пытаться с помощью тех или иных ресурсов решать соответствующие задачи» [1, 93]. Автор считает, что можно даже говорить о культурной политике, осуществляемой отдельной личностью, и приводит в пример деятельность русских меценатов XIX–XX веков [1, 93, 94].

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ОТДЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Если идти по этому пути, то можно сказать, что каждый человек, обладающий финансовыми и временными ресурсами, может направлять их в соответствии со своими интересами и приоритетами на достижение определенных целей: дать хорошее образование детям, заняться художественным творчеством, расширить свой кругозор, стать участником культурных событий, получить интересные культурные впечатления или просто развлечься. Можно, достаточно условно, сказать, что это – *культурная политика потребителя*. Она не всегда формулируется, часто бывает спонтанной.

Но есть индивидуальная культурная политика другого уровня. Она связана с благотворительностью, волонтерством, народным финансированием. Участие в благотворительных акциях или краудфандинговых кампаниях тоже бывает спонтанным, единичным. Я не об этом! Я о тех людях, а их уже достаточно много, которые вырабатывают для себя определенную, четко сформулированную культурную, точнее сказать, *индивидуальную социально-культурную политику*. Человек решает:

1. Сколько финансовых средств или времени он выделяет из своего бюджета.

2. В какой пропорции распределяются эти ресурсы на разные виды деятельности:

- участие в культурных проектах, продукт которых интересен лично ему и важен для разных социокультурных групп и общества в целом;
- создание благоприятной культурной среды в своем городе, регионе, стране;
- защиту природного и культурного наследия;
- социальную помощь нуждающимся (больным, одиноким, бездомным, заключенным и пр.).

Человек начинает действовать не только в своих личных интересах, и он уже не только потребитель, но и производитель (создатель). В данном случае термин «благотворительность» не в полной мере отражает существо дела, потому что человек вкладывает свои ресурсы (финансы, время, труд, эмоции) в строительство того мира, в котором он хочет жить: мира справедливого, гуманного, разнообразного, интересного, креативного, открытого...

Речь идет о *гражданской социально-культурной политике* человека. Политики отдельных людей складываются в гражданскую политику социально-культурных, культурно-территориальных групп и общества в целом.

Так абстрактные ценности, заявленные в Конституции и многочисленных стратегиях культурного развития, очеловечиваются деятельностью конкретных людей, живущих в конкретном месте (стране, регионе, городе, селе, социальной среде и т.д.), с конкретными проблемами.

ИНСТИТУТЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И НАРОДНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ: УЧАСТИЕ ГРАЖДАН

Осуществление гражданской социально-культурной политики возможно благодаря институтам гражданского общества, в том числе институтам благотворительности, народного финансирования и участия.

Что касается просветительства, благотворительности и волонтерства в социально-культурной сфере – это многочисленные благотворительные фонды, общественные движения, каналы ТВ, церковные общины, такие уважаемые политические организации, как «Мемориал», «Фонд Сахарова», «Последний адрес», «Бессмертный барак», неформальные сообщества граждан.

Главный ресурс этих организаций и гарантия успеха – репутация в обществе и доверие людей.

Как пример можно назвать несколько организаций и общественных движений в сфере защиты и сохранения культурного наследия, которые стали лауреатами Премии имени Алексея Комеча за общественно значимую гражданскую позицию [2]:

1. Сетевое издание «Хранители Наследия» (2017) – это не просто СМИ, это площадка и инструмент общественного контроля активных действий граждан по улучшению дела сохранения историко-культурного потенциала России.

2. Градозащитные движения «СпасГрад» (Нижний Новгород, 2014) и «Настоящая Вологда» (2015). Лозунг «СпасГрада»: «Спасение памятников истории и культуры <...> силами самих граждан» отражает суть деятельности всех градозащитных сообществ.

3. Общественное движение «Архнадзор» (2011). «Архнадзору» удалось привлечь внимание общества к проблеме ценности историко-архитектурного наследия не только Москвы, но и всей страны, внести крупный вклад в формирование гражданского движения за его спасение, вовлечь в него сотни жителей городов, обеспокоенных стремительной деградацией историко-архитектурной среды.

4. Фонд «Спасение деревянных церквей Русского Севера «Вереница» (2018). Фонд занимается исследованием и восстановлением деревянных церквей и старинных бытовых строений Русского Севера. Но церкви и строения – это деревни и люди, которые в них живут. Поэтому участники этого движения опекают сельские северные библиотеки, ведут развивающие занятия с деревенскими ребятами и многое другое.

5. Центр возрождения и культурного наследия «Крохино» (2016). Центр создан с целью сохранения и возрождения одной церкви – церкви Рождества Христова в Крохино, олицетворяющей историю Древнего Севера и затопленных поселений, развития туристического потенциала Крохино как уникального историко-культурного объекта России.

Важную роль в осуществлении гражданской социально-культурной политики играют *краудфандинговые платформы*, которые позволяют встретиться авторам проектов и пользователям и совместными усилиями создать продукт, представляющий для них ценность¹. Специалисты считают, что в России краудфандинг показывает неплохие результаты, и в будущем он станет основополагающим инструментом для финансирования креативных и социальных проектов [3]².

Одна из самых заметных площадок – «Planeta.ru» – видит себя как особое направление развития культуры и социальной сферы. Почти за семь лет (с июня 2012 года по март 2019) «Planeta.ru» собрала миллиард рублей [4], на ее счету более 4600 успешно завершенных проектов [5]. «В общественные проекты вкладывается 20% средств, 19% – в музыкальные, 17% – в кино, видео и анимацию, 14% – в благотворительные, 14% – в литературные и журналистские, 9% – в бизнес и технологические проекты. Наибольшее количество вложений поступает из России – 82%, на втором месте Украина – 7%, суммарно вся Европа вкладывает примерно 6%, Беларусь – 3%, США – 1,4%» [6].

На вопрос интернет-ресурса «Дистанция» (интервью от 6.03.2017) – «почему люди поддерживают проекты за нематериальную награду?» – генеральный директор «Planeta.ru» Федор Мурачковский ответил: «Есть

¹ Самыми заметными в России являются краудфандинговые площадки «Boomstarter» и «Planeta», которые помогают поддерживать, в частности, благотворительные и культурные проекты.

² Своими размышлениями о настоящем и будущем российского краудфандинга с российским интернет-изданием «Twitter Journal» (ТJ) поделился Михаил Зельдин, бывший ведущий специалист по краудфандингу «Boomstarter», генеральный продюсер проекта «Мужские игрушки», сооснователь «Crowdhunters» и директор по коммуникациям холдинга «Сталь».

две основные причины. Первая – самая логичная: они просто хотят, чтобы идея воплотилась в жизнь. Чтобы группа записала альбом, режиссер снял фильм и т.д. В этом случае не важно, получишь ли ты сам диск с альбомом или кино – главное, чтобы в окружающем мире появилось что-то интересное. А вторая причина – это ощущение сопричастности. Согласитесь, приятно знать, что в выходе какой-нибудь хорошей книги или душевного кино есть твоя заслуга» [6].

Краудфандинг – это возможности не только для отдельных граждан, но и организаций культуры и творцов осуществлять свою культурную политику без поддержки государства. Это – другая степень свободы в реализации своих замыслов.

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЛЬТУРЫ И ТВОРЦОВ НА КРАУДФАНДИНГОВЫХ ПЛОЩАДКАХ

Примеры прямого обращения к народу и ответного «народного финансирования» уже есть. С помощью краудфандинга на «Planeta.ru»:

- перезапускался журнал «Искусство кино», 2017 год (Антон Долин просил 1 млн руб., собрали 3,5) [7];

- были профинансированы фильмы «Три мелодии» (2013), «Слушая Бетховена» (2015) и «Болеро-2017» (2017) знаменитого художника-мультипликатора Гарри Бардина (соответственно, 2 млн руб., 6 млн руб. и 5,5 млн руб.) [8];

- Диана Арбенина собрала 5,7 млн руб. на открытие студии звукозаписи для молодых исполнителей (2017) [9].

Это – известные люди, а есть много примеров других небольших, но не менее значимых (для их создателей) проектов. Я выбрала некоторые успешные театральные проекты на краудфандинговой платформе «Planeta.ru».

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

В проекте «Театральная экспедиция» 180 учеников колледжа «Московская международная киношкола» в возрасте 13–20 лет проходили интенсивное погружение в театральное искусство и театральное производство (2016 год, собрано 328 тыс. руб., 119% от запрашиваемой суммы) [10]. Киноколледж – государственное образовательное учреждение, в котором начиная с седьмого класса и на ступени среднего профессионального образования обучают актерскому, операторскому, сценарному и продюсерскому мастерству, режиссуре, анимации и хореографии.

С 1996 года в 45-й гимназии им. Л.И. Мильграма (Москва) существует детско-юношеская организация «Остров Сокровищ». На фестивале «Остров сокровищ» школьники-режиссеры ставят спектакли со школьниками-актерами, с нуля создавая полноценный спектакль с уникальными идеями, песнями, костюмами и декорациями. В 2017 году на XVI фестивале было собрано 75 тыс. руб. (100%) [11].

Благодаря проекту на «Planeta.ru» ребята с тяжелой инвалидностью из психоневрологического интерната № 3 (Петергоф) поехали в Швейцарию для участия в международном театральном проекте «Театр без границ» в качестве актеров. Они уже много лет занимаются в театральной студии, созданной благотворительной организацией «Перспективы» на базе интерната. В июле 2018 года ребята присоединились к команде актеров из Швейцарии и Германии, чтобы вместе поставить новый спектакль «Здесь и сейчас. Im Augenblick. Qui e Ora» и показать его в нескольких городах кантона Тичино (итальянская Швейцария). Партнеры из Швейцарии покрыли все расходы на проживание, питание, аренду залов и т.д., а театральная студия должна была найти средства для оплаты билетов на самолет для российских участников проекта (2018 год, собрано 206 тыс. руб., 68%) [12].

Успешный проект «Planeta.ru» – спектакль «Записки сумасшедшего» (Н. Гоголь) «Подпольного театра Ш.З.» при Центре равных возможностей «Вверх». Эта некоммерческая организация работает с воспитанниками и выпускниками коррекционных детских домов и психоневрологических интернатов, помогает им получить диплом за 9–11 классы, поступить в колледж или вуз и добиться лучшей работы, лучшей жизни. «Подпольный театр Ш.З.» ставит спектакли для сбора средств на поддержку образовательных программ Центра. «Вверх» это не только место, в котором приобретают знания, – это еще и дом, в котором рождаются доброта, любовь, понимание, дружба и вера в самого себя» [13] (2013 год, собрано 21 тыс. руб., 106%) [13].

ПОДДЕРЖКА ПРОФИЛЬНЫХ ТЕАТРАЛЬНЫХ СМИ

Общероссийский независимый «Петербургский театральный журнал» – в пятерке лучших изданий такого профиля по европейским рейтингам. Это единственный толстый журнал о театре, выходящий 23 года без перерывов и ставший в прямом смысле энциклопедией театральной жизни. В нем печатаются опытные и молодые, московские и питерские, сибирские и приволжские авторы. Журнал и сайт периодически становятся плацдармом для острых обсуждений в режиме абсолютной неподцензурности. В 1916 году журнал, оставшись без финансовой поддержки

Министерства культуры, запустил на «Planeta.ru» проект «“Петербургский театральный журнал”: быть?» (2016 год, собрано 390 тыс. руб. – 55%) [14].

Для создания сайта «Театральный Кузбасс», где независимое театральное сообщество будет регулярно и профессионально освещать театральную жизнь в Кузбассе и стране, требовалась совсем небольшая сумма – 35 тыс. руб. И нашлись люди, которые посчитали, что задачи проекта и его цель – формирование единого культурного пространства Кузбасса – важны для развития региона, его культуры и лично для них (2017 год, собрано 20 тыс. руб., 57%) [15].

ОСНАЩЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК

В 2018 году Петербургский инженерный театр «АХЕ» объявил на «Planeta.ru» сбор средств для «Оснащения театральной площадки “Порох”», полагая, что «сегодня можно решать сложные финансовоёмкие задачи, не прибегая к помощи государства» [16]. С 1995 года и по настоящее время театр является постоянным участником и номинантом театральных событий, проектов и фестивалей по всему миру. 22 апреля 2017 года после многих лет бездомного существования он обрел свою театральную площадку «Порох», которой не хватало современного светового и звукового оборудования. Площадка находится в бывшем цеху на действующем заводе слоистых пластиков. «Идея концептуальная, смелая и даже утопичная: в год столетия Великой Октябрьской на шоссе Революции 84 появляется “место радикального высказывания”, как мощный культурно-социальный вброс в развивающемся индустриальном районе, где никто не мог представить действующего театра» [16] (2018 год, собрано 433 тыс. руб., 57%) [16].

Успешно закончился сбор средств на «Развитие и сохранение проекта “Сцена|Спутник”» (техническое оснащение сцены). Три молодых театральных продюсера – Алексей Бошенков, Иван Рыбаулин и Евгений Худяков – стали инициаторами этого театрального стартапа, его участники «...своими силами создали в кинотеатре «Спутник» театральный зал, сделали в нем ремонт, оборудовали сцену и зрительские места» [17]. Это – площадка для молодых режиссеров и независимых театров, а также единственный театр в районе «Лефортово» (2017 год, собрали 100 тыс. руб., 87%) [17].

СОЗДАНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК

Спектакль «Большая руда» по повести Георгия Владимова (режиссер Тадас Монтримас) – театральный проект студентов и выпускников Школы-студии МХАТ, ВГИКа и Московской консерватории. С помощью «Planeta.ru»

авторы напрямую обратились к своим зрителям, так как для них было принципиально важно сделать этот проект независимым (2015 год, собрано 200 тыс. руб., 50%) [18].

На платформе были собраны средства на постановку спектаклей негосударственных театров:

– «Билли Миллиган» (по документальным материалам о жизни Билли Миллигана в постановке Игоря Сергеева и Вари Светловой) петербургского «Такого театра» (2016 год, собрано 183 тыс. руб., 87%) [19].

– «Любовь и деньги» (по пьесе современного английского драматурга Дениса Келли) и «Троянки» (по трагедии Еврипида), оба спектакля в постановке Олега Еремина, «Нового Императорского Театра» (соответственно, 2017 год, 67 тыс. руб., 112% и 2017 год, 150 тыс. руб., 100%) [20, 21].

Вообще независимые театры в России – это большая, интересная тема. История их создания и деятельности – это история осуществления собственной культурной политики «без государства»: объединение активной группы творческих людей, имеющих общие интересы и цели, поиск финансовых и материальных средств для решения художественных, общекультурных, а зачастую и социальных задач.

НЕЗАВИСИМЫЕ ТЕАТРЫ

35-й номер журнала «Театр.» (2018) – его тема «География независимости» [22] – собрал под одной обложкой рассказы о театрах, «...которые возникли не по воле чиновников, а по воле одержимых театром людей. Это интересно еще и потому, что появление таких инициатив позволяет судить о наличии или отсутствии гражданского общества» [23, 5], – пишет главный редактор журнала Марина Давыдова.

Театр в России всегда был делом государственным, и экономисты приводили научные обоснования невозможности существования этих организаций культуры без финансовой помощи государства. Но негосударственные театры в России все-таки возникли, их не так много, но они есть. Авторы выше упомянутого номера журнала нашли независимые театры в двух столицах (Петербург – 26 театров; о Москве разговор особый, здесь больше коммерческих проектов), а также в Ростове-на-Дону (1), Екатеринбурге (3, вкл. Ельцин-центр), Красноярске (2), Казане (6), Омске (1), Краснодаре (1), Ульяновске (1)¹.

По количеству негосударственных инициатив лидирует Петербург. Журнал «Театр.» насчитал 26 независимых театров и описал все их

¹ Речь не идет об антрепризах.

разнообразии [24]. По мнению авторов, эти театры «...вливают на театральную ситуацию в городе, а то и в стране в значительно большей степени, чем городские стационары, разместившиеся в роскошных зданиях вблизи Невского проспекта» [24, 11]. Их спектакли оказываются в афишах престижных театральных фестивалей.

В Москве ситуация иная, здесь высок уровень загосударствления театра [23, 5]. «В отличие от Петербурга, московские низовые инициативы за редким исключением <...> имеют легкий (а чаще – вполне явный) коммерческий привкус» [25, 108]. Правда, замечу, это не делает их зависимыми от государства, но это тема отдельного разговора.

Журнал «Театр. География независимости» описывает множество независимых театров, творческих проектов и театральных постановок, а я попыталась обобщить эту информацию и выявить какие-то общие черты в их деятельности.

ГДЕ РАБОТАЮТ

Постоянная труппа в независимых театрах – дело редкое, а если она есть, то небольшая (5–8 чел.). Часть коллективов имеет свои арендованные площадки. Ремонт и обустройство помещений делают обычно сами, аренда, как правило, платная.

Есть исключения. Так, частный театр в Ульяновске «Анфан-террибль», который ежегодно проводит фестиваль «Александровский сад», имеет помещение в безвозмездном пользовании. И это большая помощь для коллектива [26, 224]. Омский центр современной драматургии некоторое время играл на театральной площадке, предоставленной бизнесменом, а «теперь ЦСД располагается на самой новой театральной площадке Омска – в арт-центре «На Любинском», на главной улице города, в пяти минутах ходьбы от Омского драматического» [27, 212, 213]. Кукольный театр «kukfo» (Петербург) начинался в частной квартире. В 2013 году город предложил пространство: 160 кв. м в бывшем каретном сарае во дворе на Пушкинской улице [24, 15]. Маленький частный театр «18+» в Ростове-на-Дону выступает на театральной сцене площадки «Makaronka», которая принадлежит, как и сам театр, бизнесмену, коллекционеру современного искусства Евгению Самойлову [28, 173, 174]. Творческая лаборатория «Угол» (Казань) некоммерческого фонда поддержки современного искусства «Живой город» арендует изолированное пространство на первом этаже бывшей швейной фабрики бесплатно [29, 195–197].

Исследователи петербургских независимых театров пишут: «...в подвалах, флигелях, кластерах, арендованных помещениях бывших фабрик

и заводов, в пространствах галерей и клубов – словом, буквально в каждой дыре бурлит театральная жизнь» [24, 11]. Так, например, «Театр поколений» четыре года жил в нарышинском бастионе Петропавловской крепости (потом труппа переоборудовала в театр бывший заводской цех) [24, 20], театр «Lusores» обосновался в бывшей дворницкой Петроградской стороны [24, 23], лаборатория «ON.TEATR» с 2009 по 2013 годы работала в подвале на Жуковского [24, 26, 27].

Часть независимых театров не имеют постоянных помещений, используя для своих спектаклей пространства музеев, библиотек, клубов. А, например, «Pop-up театр» (Петербург) принципиально отказывается от постоянной площадки, открывая и исследуя новые пространства: «площадкой для спектаклей, помимо театральных сцен, может стать городская набережная, улица или обычный бар» [24, 54].

ЧЕМ ЖИВУТ

Независимые театры – это, как правило, экспериментальные полигоны, лаборатории альтернативных форм театра и, вообще, место театральной свободы, где можно воплотить то, чего не хватает на государственной сцене. Многие из них, взаимодействуя с гражданским и творческим сообществом регионов, превращаются в центры с социально-культурными и образовательными проектами. Вот лишь некоторые примеры.

Театра «КНАМ» в Комсомольске-на-Амуре был основан Татьяной Фроловой в 1985 году и стал первым официально зарегистрированным частным театром в СССР после 1927 года. «Независимость труппы позволила превратить площадку театра в пространство эксперимента. Основной творческой целью стал поиск альтернативы традиционным театральным формам и стилистике» [30]. В рамках проекта «Открытая площадка» театр реализует различные культурно-просветительские проекты, проводит концерты, творческие вечера [23, 7; 30].

«Театр 18+» в Ростове-на-Дону «знакомит зрителей с современными текстами, новыми театральными технологиями и актуальным театром в целом, активно взаимодействуя с местной арт-средой – художниками и музыкантами» [31]. Здесь проходят лекции ведущих современных деятелей культуры, мастер-классы, музыкальные концерты и кинопоказы [28].

Основная цель Центра современной драматургии под руководством Н.В. Коляды в Екатеринбурге – «продвижение и популяризация современной драматургии: начиная от родной уральской драматургии (школа Николая Коляды) и заканчивая зарубежной. ...Приоритетным считается

создание новых театральных форм, поиск новаторских подходов в работе с драматургией» [32]. Также ЦСД осуществляет социально значимые проекты [33; 34, 184–186]¹.

Творческая лаборатория «Угол» (Казань) знакомит зрителя с альтернативными формами театра, создавая сложный для восприятия лабораторный продукт. Здесь осуществляют много бесплатных образовательных проектов для молодых казанских режиссеров и драматургов [29; 35].

Есть среди негосударственных и социальные театры. Борис Павлович один из первопроходцев и главных людей, занимающийся сегодня в России социальным театром осуществляет долгосрочный проект «Разговоры» в пространстве «Квартира» (Петербург). В нем участвуют люди с ментальными особенностями [24, 62, 63]. «Социально-художественный театр» с лабораторией психофизиологии (Петербург) работает с людьми с ограниченными возможностями, детьми из детдомов, зависимыми [24, 57].

ЗА СЧЕТ ЧЕГО СУЩЕСТВУЮТ

Девиз авторов одного из театральных проектов на «Planeta.ru» – «Мы ценим независимость и верим во взаимопомощь свободных людей» [16] – отражает принцип жизни независимых театров. Можно было бы только добавить: «надеемся на себя».

У них есть своя публика, как отмечают исследователи деятельности независимых театров, и главный финансовый источник их существования – собственные доходы, а у некоторых коллективов – он единственный, как у петербургского кукольного театра-студии «Karlssoon haus» [24, 18].

Независимые театры и театральные проекты могут финансироваться своими создателями. Так, «Театр ненормативной пластики» (Петербург), не имея ни своего помещения, ни продюсера, ни постоянной труппы, живет в основном на личные средства режиссера и средства от продажи билетов [24, 40].

На краудфандинговых платформах, в частности на «Planeta.ru», довольно много театральных проектов, есть среди них и независимые профессиональные коллективы. О двух петербургских театрах – «Новом Императорском Театре» и «Таком театре», успешно собравших средства на постановку спектаклей с помощью краудфандинга, речь шла выше. В будущем, судя по хорошим результатам краудфандинга в России, данный механизм будет использоваться все активнее.

¹ ЦСД. Центр современной драматургии. Официальный сайт URL: <https://uralcsd.ru/> (дата обращения 05.09.2019). См. также журнал «Театр.» С. 178.

Есть примеры финансовой поддержки театральных проектов частными благотворительными фондами, например Фондом Михаила Прохорова – «Летнего фестиваля искусств “Точка доступа”» (Петербург, с 2018 года) [24, 52], фондом поддержки социальных и культурных проектов «Альма матер» – проекта «Разговоры» Бориса Павловича (Петербург) [24, 63].

Начиная с 2014 года Правительством Российской Федерации учреждены гранты, направленные на поддержку творческих проектов театров и независимых театральных коллективов [36; 37]. Но эта государственная помощь не является ни значимой, ни регулярной, как и гранты от Союза театральных деятелей РФ, что, впрочем, не противоречит тем принципам, по которым живут негосударственные театры.

Все рассмотренные в статье субъекты культурной жизни являются элементами гражданского общества как «сферы самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти» [38, 73]. Результаты добровольческой деятельности в сфере культуры, деятельности институтов благотворительности и народного финансирования, работы независимых организаций, общественных движений и отдельных инициатив, самоорганизующихся и дистанцирующихся от государственных структур, свидетельствуют о том, что сегодня можно решать сложные социальные, культурные, просветительские, образовательные, творческие, профессиональные задачи, причем финансово-емкие, не прибегая к помощи государства, а точнее сказать – в помощь государству и обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жидков В.С. Культурная политика и театр. М.: Изд-во лит. по атом. технике, 1995.
2. Лауреаты // Международная общественная Премия имени Алексея Комеча / Официальный сайт: URL: <http://komechaward.ru/awardee.html> (дата обращения 12.05.2018).
3. Мнение: Почему краудфандинг в России – это не *Kickstarter* // *TJ (Twitter Journal)*. Российское интернет-издание и агрегатор новостей. 17.01.2016. URL: <https://tjournal.ru/21042-mnenie-pochemu-kraudfanding-v-rossii-eto-ne-kickstarter> (дата обращения 20.05.2018).
4. «Планета.ру» собрала миллиард рублей // РБК-1. 7.03.2019. URL: <http://plus-one.rbc.ru/economy/planetaru-sobrala-milliard-rublej> (дата обращения 12.09.2019).

5. Как собрать миллиард: опыт самых успешных крауд-кампаний на «Planeta.ru» // Теплица социальных технологий. 28.03.2019. URL: <https://te-st.ru/2019/03/28/experience-of-planeta-ru/> (дата обращения 12.09.2019).
6. Краудфандинг. Сегодня и завтра // Дистанция. Актуальные вакансии, удаленная работа. 6.03.2017. URL: <http://distantiya.ru/read/kraudfanding-segodnya-i-zavtra/> (дата обращения 20.05.2018).
7. Новая жизнь «Искусства кино» // Planeta.ru. Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/kinoart> (дата обращения 22.08.2018).
8. Новый мультфильм Гарри Бардина «Болеро-2017» // Planeta.ru. Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/bolero> (дата обращения 22.08.2018).
9. Студия Дианы Арбениной и «Ночных снайперов» // Planeta.ru. Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/arbenina> (дата обращения 22.08.2018).
10. Театральная экспедиция (событие киноколледжа) » // Planeta.ru. Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/teatralka> (дата обращения 29.08.2018).
11. XVI Театральный фестиваль «Остров сокровищ // Planeta.ru. Проекты. URL: https://planeta.ru/campaigns/xf_os (дата обращения 29.08.2018).
12. Театр без границ // Planeta.ru. Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/bezgraniz> (дата обращения 29.08.2018).
13. Спектакль «Записки сумасшедшего». Н. Гоголь // Planeta.ru. Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/833> (дата обращения 29.08.2018).
14. «Петербургский театральный журнал»: быть? // Planeta.ru. Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/ptj-2016> (дата обращения 29.08.2018).
15. Создание сайта Театральный Кузбасс // Planeta.ru . Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/teatrkuz> (дата обращения 30.08.2018).
16. Оснащение театральной площадки порох» // Planeta.ru . Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/akheporokh> (дата обращения 30.08.2018).
17. Развитие и сохранение проекта «СЦЕНА|СПУТНИК» // Planeta.ru . Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/sputnik> (дата обращения 30.08.2018).
18. Спектакль «Большая руда» Planeta.ru . Проекты. <https://planeta.ru/campaigns/bolshayruda> (дата обращения 30.08.2018).
19. «Билли Миллиган». Спектакль «Такого театра» // Planeta.ru . Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/billymilligan> (дата обращения 30.08.2018).
20. Любовь и деньги. Новый Императорский Театр // Planeta.ru . Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/loveandmoney> (дата обращения 30.08.2018).
21. Троянки. Новый Императорский Театр // Planeta.ru . Проекты. URL: <https://planeta.ru/campaigns/newimperialtheatre> (дата обращения 30.08.2018).
22. Театр. 2018. № 35.
23. География независимости: Колонка главного редактора // Театр. 2018. №35. С. 5–7.
24. Боева Т., Каммари О., Козич С., Ким А., Кушляева О., Пушкина О. Каталог лучших независимых театров. Петербург. XXI век / Сост. Заецкая Ж. // Театр. 2018. №35. С. 10–75.

25. *Смородинова Е.* Русское небедное: путеводитель по независимым иммерсивным постановкам Москвы // Театр. 2018. №35. С. 108–117.
26. *Сердечная В.* Ульяновск: «Анфан террибль» не говорит по-французски // Театр. 2018. №35. С. 224–229.
27. *Кулакова Е.* Омск: не ЛСД, а ЦСД // Театр. 2018. №35. С. 210–215.
28. *Ковальская Е.* Ростов-на-Дону // Театр. 2018. №35. С. 172–177.
29. *Кадырова А.* «Угловатая» Казань // Театр. 2018. №35. С. 190–201.
30. О нас // Театр КнАМ. Официальный сайт. URL: <https://www.knam.online/blank-mpvle> (дата обращения 18.09.2019).
31. Театр 18+. Театр современной драматургии. Официальный сайт. URL: <https://teatr18.ru/> (дата обращения 18.09.2019).
32. Центр современной драматургии // Свердловское региональное отделение Союза театральных деятелей Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://www.domaktera.ru/centr-sovremennoy-dramaturgii.html> (дата обращения 05.05.2018).
33. ЦСД. Центр современной драматургии. Официальный сайт. URL: <https://uralcsd.ru/> (дата обращения 05.09.2019).
34. *Брандт Г.* Екатеринбург: театр по краям // Театр. 2018. №35. С. 178–189.
35. *Губайдуллин Д.* Рабочий процесс: Как устроена творческая лаборатория «Угол» // Enter. интернет-журнал. URL: <http://entermedia.io/city/rabochij-process-kak-ustroena-tvorcheskaya-laboratoriya-ugol/> (дата обращения 05.09.2019).
36. О государственной поддержке (грантах) театрам, находящимся в ведении субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также независимым театральным коллективам: постановление Правительства РФ от 18 апреля 2014 года № 354 // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70541362/> (дата обращения 09.09.2019).
37. Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий некоммерческим организациям на оказание государственной поддержки (грантов) независимым театральным и музыкальным коллективам для реализации творческих проектов: постановление Правительства РФ от 31 декабря 2016 года № 1579 // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71481172/> (дата обращения 09.09.2019).
38. *Власенко О.В., Мирошниченко Е.В.* Гражданское общество в Российской Федерации: состояние, проблемы развития // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. №14(25). С. 73, 74. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=31880> (дата обращения 23.09.2019).

Юдина Татьяна Николаевна,

доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет,
кафедра социологии факультета социологии,
129226, Москва, ул. В. Пика, дом 4, стр.1
JudinaTN@rgsu.net

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье обосновывается актуальность социального здоровья с точки зрения дальнейшей научной разработки данной категории и социальной практики. Автор на основе теоретико-методологического анализа обосновывает многоплановость категории «социальное здоровье», раскрывает существенные характеристики социального здоровья с точки зрения различных научных подходов, дает их основные характеристики и выделяет методологические проблемы исследования. Автор предлагает изучать социальное здоровье как социально-ценностную модель поведения. Показывает, что социальное здоровье – это не только система ценностей, установок и мотивов поведения в социальной среде, мера социальной активности и, прежде всего, трудоспособности, форма активного, деятельного отношения к миру, но и критерий высокого уровня жизни общества в целом. Автор отмечает, что в настоящее время возрастает ценность социального здоровья населения и сделан вывод о том, что улучшение социального здоровья населения стало общероссийской задачей, для реализации которой разработаны государственные программы по социальному здоровью населения. Автор на примере московского мегаполиса показывает, как социальное здоровье через государственные программы стало объектом управленческого воздействия со стороны российского государства.

Ключевые слова. Здоровье; социальное здоровье; ценностно-социальная модель; государственная программа; мегаполис.

Yudina Tatyana N.

doctor of sociology, Professor,
Russian State Social University, Department of sociology, faculty of sociology,
129226, Moscow, 4, V. Pika str., b. 1
JudinaTN@rgsu.net

THE STATE PROGRAM ON THE SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN CITIES: THE VALUE ASPECT

Abstract. The article substantiates the relevance of social health in terms of further scientific development of this category and social practice. The author on the basis of theoretical and methodological analysis substantiates the diversity of the category «social health». The author reveals the essential characteristics of social health in terms of different scientific approaches, gives their main characteristics and highlights the methodological problems of research. The article offers to study social health as a socio-value model of behavior. The article shows that social health is not only a system of values, attitudes and motives of behavior in the social environment, a measure of social activity and, above all, working capacity, a form of active, active attitude to the world, but also a criterion of a high standard of living of society as a whole. The article notes that at present the value of social health of the population is increasing. Moreover it is concluded that the improvement of social health of the population has become an all-Russian task, for the implementation of which state programs on social health of the population have been developed. The author on the example of the Moscow megalopolis shows how social health through the state programs became the object of administrative influence on the part of the Russian state.

Keywords. Health; social health; value-social model; Government program; metropolis.

Реформы, проходящие в России в последнее десятилетие, изменили качественную оценку показателей социального благополучия индивида и российского социума в целом. Ключевым индикатором данного показателя стала служить категория «социальное здоровье населения». Улучшение социального здоровья населения превратилось в общегосударственную задачу.

ЦЕННОСТНО-СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

В настоящее время в современной науке не существует единой теоретической позиции, раскрывающей сущность категории «социальное здоровье». Представления о социальном здоровье варьируются в разных социальных стратах, культурах и на разных исторических этапах развития общества, продолжаются дискуссии и поиск новых подходов [1]. При попытках дать точное научное обоснование, объект изучения «расплывается», диапазон его трактовок расширяется, обыденные представления людей также варьируются. Это в свою очередь влияет на уровень понимания сущности и значимости социального здоровья как в науке, так и социальной практике.

Анализ российской и зарубежной литературы по проблемам социального здоровья позволяет отметить, что нет единого подхода к раскрытию

сущности данной категории. Так, А.Б. Соколов в своей диссертации «Социальное здоровье населения в контексте трансформационных процессов в современном российском обществе» предлагает выделять следующие принципиальные направления в области изучения социального здоровья. Во-первых, плюралистический. Здесь он предлагает рассматривать социальное здоровье – «как отражение не только традиционно констатируемых физического (физиологического) и психического статусов человека, но также и его социального статуса, детерминированного в том числе определенным ценностным мировосприятием» [2]. Второй подход он предлагает обозначить как гносеологический, который, по его мнению, должен опираться на положение о том, что «социальное здоровье представляет собой интегративный показатель совокупности определенных объективных и субъективных социальных характеристик личности» [2]. При этом физические и психические характеристики он рассматривает вне структуры социального здоровья в системе его личностных факторов.

О.А. Рагимова рассматривает социальное здоровье общества или его общностей (страт, групп) как ресурс и социальный капитал, необходимый для успешной социализации и социальной адаптации в новых общественно-экономических условиях, а также в условиях модернизации общества, предлагая следующую его модель: «социальное здоровье – здоровье общества – здоровье общности – здоровье слоев населения – здоровье семьи» [3, 29]. Кроме того, она предлагает определять социальное здоровье как систему взаимодействия социальных субъектов на принципах гражданского участия, уважения человеческого достоинства, признания прав индивидуума, соблюдение социальной справедливости и прав человека. Е.В. Дмитриева дает определение социального здоровья как состояния человека, не сводимого к клиническим проявлениям организма, а выражающегося в удовлетворенности условиями труда, социально-экономическим положением и семейно-бытовыми условиями [4, 62].

Заслуживает внимания систематизация подходов к определению содержания понятия «социальное здоровье», предложенная В.Л. Гатило и Т.В. Городовой в их работе «Социальное здоровье студенческой молодежи: подходы к определению» [5]. Они выделяют пять подходов. Первый, это девиантологический подход, в рамках которого социальное здоровье ставится в зависимость от отсутствия аномий, а также в определенной степени становится биологическим феноменом [6; 7, 15–22]. Второй подход максимально сближает категории «Социальное здоровье» и «социальное благополучие», трактуя социальное здоровье через «степень удовлетворенности индивида своим материальным состоянием, питанием, жилищными условиями, социальным статусом в обществе,

его социальной политикой» [8; 9]. Данный подход позволяет соотнести социальное здоровье с конкретными социальными группами, но не дает достаточно возможностей охарактеризовать социально здоровые или социально нездоровые практики поведения отдельной личности. Третий подход рассматривает социальное здоровье как «комфортное состояние человека в рамках той или иной социальной системы» [10, 449; 11, 76]. Важно, что данный подход дает возможность использовать категорию социального здоровья применительно как к отдельной личности, так и к социальным группам. Однако данный подход справедливо сегодня критикуется за синкретизм, который проявляется в смешивании социальных и биологических показателей в определении социального здоровья. В четвертом подходе основным критерием социального здоровья авторы выделяют социальную адаптацию и успешное взаимодействие личности с внешней средой. Так, И.В. Кузнецова и ряд других исследователей характеризует социальное здоровье как «определенный уровень развития, сформированности и совершенства форм, способов взаимодействия индивида с внешней средой (приспособление, уравнивание, регуляция); определенный уровень психического и личностного развития, позволяющий успешно реализовывать это взаимодействие» [12, 6; 13, 183; 14, 124; 15, 16]. Пятый подход акцентирует внимание на личностной сущности социального здоровья как его интегральном качестве, позволяющем человеку эффективно взаимодействовать со средой на уровне субъект-субъектных взаимно выгодных и взаимно совершенствующих отношений [16; 17, 45; 18, 19].

Ряд исследователей предлагает интерпретировать социальное здоровье как сложную систему, состоящую из ряда взаимосвязанных, взаимодополняющих и взаимообусловленных подсистем духовной, морально-нравственной, социально-политической, социально-экономической, социально-правовой, медико-биологической, в том числе и психической, а также социально-демографической [29, 222–231]. Они предлагают рассматривать все это в контексте общественного здоровья и здравоохранения, что, на их взгляд, дает дополнительные возможности органам исполнительной и законодательной власти всех уровней, а также учреждениям и организациям здравоохранения принимать необходимые управленческие решения.

Другие исследователи, например Д.Д. Венедиктов, под социальным здоровьем общества понимают своеобразный индикатор жизнеспособности общества как социального организма и возможности его роста и социально-экономического развития, а также поддержание экологического равновесия с окружающей природной и социальной средой [20, 24–37].

Заслуживает внимания и подход Т.Б. Соколовой, которая говорит о необходимости двухуровневого анализа феномена «социальное здоровье»: с позиций конкретного общества (степень, в которой индивид вовлечен в социальные отношения) и отдельного индивида (удовлетворенность этими отношениями) [21, 125].

Противоречия в интерпретации категории «Социальное здоровье», на наш взгляд, вполне понятны и объяснимы по той очевидной причине, что априорно сам по себе термин «здоровье» имеет биомедицинскую, экономическую, психологическую, духовную, профессиональную, социальную, культурологическую и другие составляющие в зависимости от научного интереса исследователя.

Сегодня, на наш взгляд, наиболее актуальным становится применение ценностно-социальной модели социального здоровья, что в значительной мере отвечает модели ВОЗ: «здоровье для активной полноценной жизнедеятельности, всестороннего развития и свободной самореализации каждого индивида» [22]. В рамках этой концепции: здоровье – это социальная ценность, представляющая собой важную предпосылку для полноценной жизнедеятельности, удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей, участия в экономической, научной, культурной и других сферах деятельности.

Заметим, что именно в рамках данной модели значимым остается и подход Н.М. Римашевской о социальном нездоровье населения, которое, по ее словам, проявляется «в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения: алкоголизме; наркомании, особенно среди молодежи; криминализации социальной среды; резком увеличении числа самоубийств» [23].

Данный подход дает возможность определить, что социальное здоровье – система ценностей, установок и мотивов поведения в социальной среде, мера социальной активности и, прежде всего, трудоспособности, форма активного, деятельного отношения к миру. То есть социальное здоровье означает способность к общению с другими людьми в условиях окружающей социальной среды и наличие личностных взаимоотношений, приносящих удовлетворение, которое непосредственно связано с многочисленными социальными и культурными условиями. Автор разделяет подход, предложенный П.И. Калью, заключающийся в том, что социальное здоровье относится к ценностно-социальной модели, для которой здоровье – это социальная ценность, представляющая собой важную предпосылку для полноценной жизнедеятельности, удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей, участия в экономической, научной, культурной и других сферах деятельности. Заметим, что

данный подход в значительной мере может быть использован в системе современного здравоохранения и образования.

Как показывают исследования влияния на здоровье социальных связей и отношений, в которые включена личность, что показатели самооценки здоровья выше у тех людей, которые входят в формальные и неформальные сети, имеют возможность опереться на друзей во время болезни, обладают более высоким уровнем доверия и способностью контролировать свою жизнь. А показатели смертности ниже в тех регионах, где выше ресурсы социального капитала, измеренного с помощью агрегированных показателей социальной сплоченности, гражданского участия, доверия руководству. Более высокий уровень здоровья существует среди респондентов, у которых «сильные» неформальные связи дополняются «слабыми» – с представителями формальных объединений, у которых выше уверенность в поддержке со стороны других людей в случае возникновения проблем. А вступление в группу по интересам снижает риск смерти в следующем году вдвое [24].

Люди, включенные в разнообразные сети общения, обычно имеют больше причин для активного применения своего интеллектуального потенциала, тем самым непрерывно развивая его. В силу этого, в частности, пожилые люди с высоким уровнем социальной активности в сетях общения, участвующие в добровольческой деятельности, реже, чем их более «атомизированные» ровесники, испытывают снижение когнитивного функционирования, у них на 60% снижается риск наступления старческой деменции. Пожилые люди, оказывающие поддержку другим, также чаще сообщают о положительных эмоциях, наличии жизненных целей, что коррелирует с более высокими значениями здоровья [2, 42–46].

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

Улучшение социального здоровья населения стало общегосударственной задачей. Именно на это и направлены государственные программы по социальному здоровью населения, которые включает в себя федеральные целевые программы и подпрограммы разных видов и направленности.

Есть несколько подходов к трактовке понятия «Государственная программа». В самом широком смысле – это целевая программа планирования действий организационного, производственно-технологического и социального характера, взаимосвязанных по срокам, направленная на достижение поставленной государством единой цели и решение

проблемы, сбалансированная по финансовым, кадровым и прочим ресурсам. В более узком смысле Государственная программа определяется как программа действий по достижению поставленных целей, сбалансированная по ресурсам (финансовым, кадровым и др.). В нашем случае цель – это достижение высокого уровня социального здоровья населения [26].

На сегодняшний день государственные программы делятся на общегосударственные программы экономического, научно-технического, социального, национально-культурного развития, охраны окружающей среды; то есть это программы, охватывающие всю территорию государства или значительное количество его регионов, имеют долгосрочный период выполнения и осуществляются центральными и местными органами исполнительной власти и ряд других программ, целью которых является решение отдельных проблем развития экономики и общества, а также проблем развития отдельных областей экономики и административно-территориальных единиц, требующих государственной поддержки.

Все государственные программы распределены по пяти блокам:

- новое качество жизни (13 программ);
- инновационное развитие и модернизация экономики (17 программ);
- обеспечение национальной безопасности (2 программы);
- сбалансированное региональное развитие (5 программ);
- эффективное государство (5 программ), что соответствует стратегическим направлениям социально-экономического развития страны, сформулированным в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

Таким образом, полный перечень государственных программ Российской Федерации содержит 42 государственные программы. К моменту написания статьи Правительством Российской Федерации утверждено 38 государственных программ.

В программы по «Новому качеству жизни» в свою очередь входят следующие целевые программы:

1. Программа развития здравоохранения России.
2. Программа развития образования.
3. Программа охраны окружающей среды.
4. Государственная целевая программа «Жилище».
5. Государственная программа автокредитования.
6. Программа социальной поддержки граждан.
7. Государственная программа Доступная среда.
8. Программа обеспечения жильем и услугами ЖКХ.
9. Программа обеспечения общественного порядка.

10. Программа противодействия незаконному обороту наркотиков.
11. Программа защиты от чрезвычайных ситуаций.
12. Программа развития культуры и туризма.
13. Программа развития физической культуры и спорта.
14. Программа развития науки и технологий.

Хотелось бы отметить, что многие государства в целях достижения социальных целей также используют в своей практике программный подход. Так, в США действует программа здравоохранения «Medicaid» [27], рассчитанная на помощь людям с низким уровнем доходов, финансируется как федеральным правительством, так и на уровне штатов. По этой программе предоставляется 5 услуг: стационарное и амбулаторное лечение, консультации различных специалистов, пребывание в домах престарелых, лабораторная диагностика и рентгенологические методы исследования. «Medicaid» играет огромную роль с точки зрения выстраивания стартовых возможностей для разных категорий населения и перераспределения доходов в стране. Другая программа, «Medicare», нацелена на помощь лицам старше 65 лет, а также гражданам предпенсионного возраста, имеющим проблемы со здоровьем. Вторая программа США «Medicare» стабильно обеспечивает от 35% до 50% дохода больниц. Среди услуг, охватываемых программой, стационарное лечение, некоторые профилактические услуги, домашнее обслуживание, диагностические процедуры и короткое проживание в домах престарелых. Отметим, что данная социальная программа столкнулась со значительными сложностями, связанными со старением населения и увеличением доли пенсионеров [28].

Во Франции действует программа здравоохранения, которая предоставляет жителям Франции с доходами ниже среднего и которые не в состоянии самостоятельно оплатить стандартную соцзащиту, специальные социальные программы здравоохранения – универсальное страхование здоровья (CMU) или же услуги в рамках Государственной программы здравоохранения (AME) [26].

Важное место в обеспечении социального здоровья населения имеют программы мегаполисов России, в которых проживает практически 20% населения страны. Так, в Москве действуют Государственная программа города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы», направленная на повышение уровня и качества жизни граждан, нуждающихся в социальной поддержке, сокращение бедности за счет развития адресных форм социальной защиты населения.

Государственная программа города Москвы «Развитие здравоохранения города Москвы (Столичное здравоохранение)» включает в себя следующие подпрограммы:

- профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Совершенствование первичной медико-санитарной помощи;
- кадровое обеспечение государственной системы здравоохранения города Москвы;
- формирование эффективной системы организации медицинской помощи. Совершенствование системы территориального планирования;
- создание условий и предпосылок для привлечения внебюджетных источников финансирования государственной системы здравоохранения города Москвы. Развитие государственно-частного партнерства в сфере охраны здоровья граждан;
- совершенствование оказания специализированной, включая высокотехнологичную, медицинской помощи, скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, а также паллиативной помощи;
- охрана окружающей среды и улучшение экологической ситуации в городе Москве в целях укрепления здоровья населения;
- охрана здоровья матери и ребенка;
- информатизация государственной системы здравоохранения города Москвы;
- развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения.

Жители Москвы активно пользуются бесплатно «горячей линией» портала о здоровом образе жизни Министерства здравоохранения Российской Федерации по вопросам здорового питания; физической активности; отказа от табака; рисков потребления алкоголя; рисков потребления наркотиков; работы центров здоровья, в которых любой гражданин России может бесплатно получить рекомендации по поводу здорового образа жизни и отказу от вредных привычек, подобрать диету, узнать, как правильно двигаться или бросить курить; многопрофильные специалисты ответят на вопросы, проведут тестирование и дадут рекомендации.

Активно набирает обороты государственная программа города Москвы «Развитие городской среды», которая одной из своих задач, например, ставит развитие инфраструктуры территорий музеев-усадеб и музеев-заповедников в целях улучшения качества и количества услуг, оказываемых населению города Москвы: развитие активного семейного и оздоровительного отдыха на территориях парков и музеев.

С 1 марта 2017 года в Москве стартовал еще один очень важный проект для старшего поколения, благодаря которому москвичи старшего возраста смогут укрепить здоровье, заняться спортом или творчеством, а также завести новые интересные знакомства, оставаться активными и продолжать реализовывать себя. Эту программу называют также «Возраст новых

возможностей». Значимость данной программы во многом обусловлена новой социально-демографической ситуацией в Москве. За последние семь лет средняя ожидаемая продолжительность жизни в Москве увеличилась на три года и превысила 77 лет. Сейчас в столице живут свыше трех миллионов человек, перешагнувших пенсионный рубеж. Из них более 650 тысяч – молодые пенсионеры (до 65 лет). Еще порядка 600 москвичей достигли возраста 100 лет. Рост продолжительности жизни, повышение качества медицинских услуг, улучшение состояния здоровья пожилых постепенно формируют новое отношение к старшему возрасту, как к лучшей половине жизни. Люди старшего поколения стремятся получить больше возможностей для активной и насыщенной жизни.

В 2017 году в Москве запущен еще один проект «Серебряный университет», который предоставляет услуги по трем основным направлениям:

- спорт и здоровый образ жизни – физическая активность, к примеру, скандинавская ходьба, волейбол, теннис, шахматы, а также образовательные курсы на темы поддержания и защиты здоровья;
- досуг и творчество – занятия от живописи, пения и танцев до кулинарии, рисования и рукоделия;
- обучение и развитие – курсы английского языка, компьютерной грамотности и владения интернетом.

Подводя итоги, следует отметить проблемный характер определения дефиниций индивидуального социального здоровья и социального здоровья общества, существующий в научной литературе. Наиболее перспективным подходом к определению сущности социального здоровья представляется социально-ценностный подход, который может в значительной мере способствовать становлению необходимых для жизни социально-ценностных, мировоззренческих и нравственных качеств человека, формирующих его психическое, социальное и физическое здоровье.

Дальнейшее теоретическое осмысление и практическое изучение социального здоровья как социального феномена, безусловно, позволит выделить и описать его новые модели. Тем не менее проведенный нами анализ различных подходов к пониманию сущности социального здоровья человека позволяет сделать вывод, что «социальное здоровье» – общественный феномен и продукт человеческого развития, который непосредственно связан с многочисленными социальными и культурными условиями жизнедеятельности индивида и общества в целом. Достаточно очевидным является тот факт, что люди, имеющие обширные социальные связи с другими членами общества, менее подвержены болезням и чувствуют себя более здоровыми и счастливыми.

Роль социального здоровья населения все в большей степени будет возрастать и усиливать свое воздействие на управление государством, создавая новые виды социального проектирования и управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гафиагулина Н.Х.* Социологический анализ концептуальных моделей социального здоровья индивида. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiy-analiz-kontseptualnyh-modeley-sotsialnogo-zdorovya-individa> (дата обращения 29.01.2019).
2. *Соколов А.Б.* Социальное здоровье населения в контексте трансформационных процессов в современном российском обществе. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-zdorove-naseleniya-v-kontekste-transformatsionnykh-protssosov-v-sovremennom-rossi#ixzz5NWtT10hC> (дата обращения 04.02.2019).
3. *Рагимова О.А.* Социальное здоровье младших школьников в условиях трансформации российского общества: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
4. *Дмитриева Е.В.* Теоретико-методологические и методические основы социологии здоровья: дисс. ... д-ра социол. наук: спец. 22.00.01. М.: РГБ, 2005.
5. *Гатило В.Л., Городова Т.В.* Социальное здоровье студенческой молодежи: подходы к определению // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17259> (дата обращения 08.11.2018).
6. *Гурвич И.Н., Гилинский Я.И., Юнацкевич П.Я.* Социальное здоровье. URL: http://deviantology.spb.ru/old/ru/publications/Gurvich_social_health.pdf (дата обращения 18.11.2018).
7. *Гилинский Я.И., Юнацкевич П.И.* Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учеб. пособие. СПб.: СПб. филиал Ин-та социологии РАН, 1999.
8. *Тарасенко Т.Н.* Здоровьезазывающие и здоровьесберегающие технологии в социально-педагогической практике. URL: http://www.rusnauka.com/ESPR_2006/Ecologia/6_tarasenko%20t.n.doc.htm. (дата обращения 18.12.2018).
9. *Берендеева А.Б.* Предмет исследования – благополучие населения. 2006 URL: http://ecsocman.hse.ru/data/734/767/1219/Sotsis_5_06_p127-133.pdf (дата обращения 18.12.2018).
10. *Рагимова О.А., Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Человечествознание: самореализация человека: учебник для студентов университетов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям «Социальная работа», «Социология». СПб.: СПбГУ, 2008.
11. *Рагимова О.А.* Социальное здоровье младших школьников в условиях трансформации российского общества. Саратов: Изд-во СГУ, 2004.
12. *Кузнецова И.В.* Психологические основания реализации здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М.: Психол. ин-т Рос. акад. образования, 2003.
13. *Овчарова Р.В.* Справочная книга социального педагога. М.: Сфера, 2004.
14. *Приступа Е.Н.* Междисциплинарное теоретическое обоснование понятия «социальное здоровье» личности ребенка // Социальная политика и социология. 2007. № 2.

15. *Курашкина Е.В.* Социально-управленческий механизм формирования социального здоровья учащихся: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М.: Финансовый ун-т при Правительстве РФ, 2011.
16. *Васютенкова И.В.* Социальное здоровье личности в поликультурной образовательной среде // Здоровье и образование: материалы IV Научно-практической межвузовской конференции. СПб.: ЛОИРО, 2007. URL: <http://www.loiro.ru/index.php?module=articles&action=view&cid=0&id=46> (дата обращения 18.12.2017).
17. *Байкова Л.А.* Психология здоровья: методология, теория и практика: материалы конференции / под ред. Л.А. Байковой. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2006.
18. *Цикалюк Е.В.* Формирование социального здоровья студенческой молодежи в условиях организационной культуры вуза: автореф. дис... канд. социолог. наук: 22.00.08. Чита: Забайк. гос. ун-т, 2012.
19. *Чирков В.А., Бреусов А.В., Лысенко И.Л.* Социальное здоровье населения как система (в контексте общественного здоровья и здравоохранения) // В мире научных открытий. 2014. 6 (54).
20. *Венедиктов Д.Д.* Общественное здоровье: пути оценки и прогнозирования // Общественные науки и здравоохранение. М.: Наука, 1997.
21. *Соколова Т.Б.* Социальное здоровье в социологическом измерении: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009.
22. Устав ВОЗ. URL: <https://www.who.int/about/mission/ru/> (дата обращения 12.12.2018).
23. *Римашевская Н.М.* Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnaya-politika-sberezheniya-naroda-radikalnoe-izmenenie-negativnogo-trenda-zdorovya-rossiyskogo-naseleniya> (дата обращения 18.12.2018).
24. *Колтина Л.В.* Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы / Синергия. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-opredelenie-i-mehanizmy-vliyaniya-na-obshchee-zdorovie-obzor-literatury> (дата обращения 18.01.2019).
25. *Бабичев В.И., Марова Е.И., Кузнецова Т.А., Адамская Е.И., Кадашев Б.А., Астафьева Л.И., Яцишина О.Н., Шкарубо А.Н.* Рецепторы половых гормонов в пролактиномах гипофиза у больных разного пола // Проблемы эндокринологии. 2007. Т. 53. № 1.
26. Государственная программа (Government program) // URL: http://economic-definition.com/Economic_and_legal_terminology/Gosudarstvennaya_programma_Government_program_eto.html (дата обращения 18.01.2019).
27. Медицинская страховка в США: Medicaid, Medicare и другие расходы на здравоохранение. URL: <https://vesti.la/novosti/likbez/74832-strahovka-medicaid-medicare-i-dругие-raskhody-na-zdravookhranenie-v-sshа> (дата обращения 18.02.2019).
28. Здравоохранение в США. URL: https://abroadz.com/articles/Zdravookhranenie_v_SShа (дата обращения 18.02.2019).

Прохорова Людмила Васильевна

кандидат политических наук
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Центр непрерывного образования и повышения квалификации
творческих и управленческих кадров
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., дом 2
responsibility_k@mail.ru

ВУЗ КУЛЬТУРЫ КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (ПРИМЕР СПБГИК)

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблематике осуществления государственной культурной политики в современной России. Автор представляет ключевые положения Указа Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», рассматривает образовательные организации – вузы культуры – как субъект осуществления государственной культурной политики; анализирует деятельность Санкт-Петербургского государственного института культуры, являющегося участником реализации федерального проекта «Творческие люди», по проведению инновационных дополнительных профессиональных программ повышения квалификации для творческих и управленческих кадров в сфере культуры как фактор успеха в достижении целей и решении задач национального проекта «Культура».

Ключевые слова. Культурная политика, основы государственной культурной политики, субъекты государственной культурной политики, объекты государственной культурной политики, университет культуры, дополнительное профессиональное образование, национальный проект «Культура», федеральный проект «Творческие люди».

Prokhorova Liudmila V.

PhD (Political Science)
Saint-Petersburg State University of Culture,
Center for continuous education and professional development
of creative and administrative specialists
Saint-Petersburg, 2 Dvortsovaya nab.
responsibility_k@mail.ru.

UNIVERSITY OF CULTURE AS A SUBJECT OF IMPLEMENTATION OF THE STATE CULTURAL POLICY IN RUSSIA (EXAMPLE OF ST. PETERSBURG STATE INSTITUTE OF CULTURE)

Abstract. The article is devoted to the actual problems of implementation of the state cultural policy in modern Russia. The author presents the key points of the Decree of the President of the Russian Federation dated 24.12.2014 № 808 «On approval of the Base State cultural policy» and considers educational organizations – Universities of Culture – as the subject of the state cultural policy. The analysis of professional activities of the St. Petersburg State University of Culture – one of the participants in the implementation of the Federal project «Creative People» – in the sphere of conducting innovative additional professional training programs for creative and managerial personnel in the field of culture is presented as a factor of success in achieving the goals and objectives of the Russian national project «Culture».

Keywords. Cultural policy, bases of the state cultural policy, subjects of the state cultural policy, objects of the state cultural policy, university of Culture, additional professional training, national project «Culture», Federal project «Creative People».

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА – ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Понятие «государственная культурная политика» предполагает цель, наличие субъектов и объектов, определенную систему действий со стороны государства в сфере культуры. Национальные концепции культурной политики не являются единожды и навсегда определенными и статичными конструктами. «Наоборот, скорее можно говорить о постоянно изменяющейся природе культурной политики, потому что фокус ее приоритетов и интересов изменяется во времени» [1]. Каждый исторический период в жизни государства характеризуется определенными целями и достижением определенных результатов. Результатом реализации государственной культурной политики советского периода являлся значительный подъем в области культуры, индикаторами которого стали рост общего уровня культуры и образования среди населения страны, плановое финансирование и совершенствование материально-технической базы учреждений культуры и образования, внимание государства к организации дополнительных профессиональных программ для работников сферы культуры и искусств с целью повышения уровня их профессиональной квалификации, вовлечение значительного количества людей в культурную деятельность.

Период трансформации тоталитарной политической системы в демократическую и начало формирования и развития демократии в 1990-х годах XX века в России сопровождалось ослаблением внимания со стороны

государства к сфере культуры и ее развитию: финансирование сферы культуры осуществлялось по остаточному принципу, нормативная правовая база, регламентирующая деятельность учреждений культуры и искусств была в состоянии стагнации, в целом сфера культуры оказалась в ситуации выживания.

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В связи с вышеизложенным представляются исторически важными меры молодого демократического российского государства, направленные на формирование нормативной правовой базы и совершенствование кадровой политики в сфере культуры.

Базовыми современными нормативными документами, основанными на положениях Конституции Российской Федерации, стали Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении «Основ государственной культурной политики», Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года N326-р, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Прежде всего, следует отметить, что Основы государственной культурной политики определяют цели, задачи, ключевые принципы ее реализации. В Указе представлены основные понятия, характеризующие деятельность в сфере формирования и реализации государственной культурной политики:

– «культурная политика» – «действия, осуществляемые органами государственной власти осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей;

– «субъекты государственной культурной политики» – органы государственной власти Российской Федерации и органы местного самоуправления, образовательные, научные организации, организации культуры, общественные объединения и организации, иные организации, осуществляющие деятельность в области искусства, науки, образования, просвещения, воспитания, семейных отношений, работы с детьми и молодежью;

– «объекты государственной культурной политики» – материальное и нематериальное культурное наследие, все виды и результаты творческой деятельности, система образования, наука, русский язык и языки народов Российской Федерации, семья, системы межличностной и общественной коммуникации, медийное и информационное пространство, международные культурные и гуманитарные связи» [2].

Как это следует из Указа, государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны; государственная культурная политика рассматривается как фактор национальной безопасности.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ВУЗЫ КУЛЬТУРЫ КАК СУБЪЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Основы государственной культурной политики – это базовый документ, определяющий задачи развития различных направлений в сфере культуры на среднесрочный и долгосрочный период, одним из необходимых условий выполнения задач, поставленных Президентом России, представляется, прежде всего, знание этих задач специалистами сферы культуры и искусства, а также теми, кто обучается в образовательных организациях, готовящих работников для осуществления профессиональной деятельности в сфере культуры и искусств. Этим обстоятельством была обусловлена рекомендация субъекта государственной культурной политики – Министерства культуры Российской Федерации о введении в вузах культуры и искусства специального учебного курса «Основы государственной культурной политики». Этот курс с сентября 2016 года введен и изучается студентами многих государственных вузов культуры.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» является одной из образовательных организаций высшего образования, где коллективом авторов во главе с профессором Тургаевым А.С., ректором института, в 2017 году было разработано и издано учебное пособие по Основам государственной культурной политики, специальный учебный курс «Основы государственной культурной политики в Российской Федерации» [3] включен в учебные планы образовательных программ по основным направлениям подготовки, а также в учебные планы ряда дополнительных образовательных программ профессиональной переподготовки и программ повышения квалификации.

Цель учебного пособия «Основы государственной культурной политики Российской Федерации» состоит в том, чтобы сформировать у обучающихся четкое представление о государственной культурной политике и направлениях ее дальнейшего развития в России, современной модели государственной культурной политики, о социальной роли культуры.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Задачи изучения Основ государственной культурной политики слушателями дополнительных программ профессионального образования творческих и управленческих кадров в сфере культуры связаны с определением и/или уточнением личной роли каждого специалиста, руководителя учреждения культуры в работе по достижению ожидаемых результатов реализации государственной культурной политики.

Раздел VIII Указа «Ожидаемые результаты реализации государственной культурной политики» регламентирует следующее:

«Результатами реализации государственной культурной политики должны стать:

- повышение интеллектуального потенциала российского общества;
- рост общественной ценности и повышение статуса семьи, осознание семейных ценностей как основы личного и общественного благополучия;
- увеличение числа граждан, прежде всего молодежи, стремящихся жить и работать на родине, считающих Россию наиболее благоприятным местом проживания, раскрытия творческих, созидательных способностей;
- владение русским литературным языком, знание истории России, способность понимать и ценить искусство и культуру – как необходимые условия личностной реализации и социальной востребованности;
- гармонизация социально-экономического развития регионов России, особенно малых городов и сельских поселений, активизация культурного потенциала территорий;
- качественный рост культурных и досуговых запросов граждан, в том числе в отношении медиапродукции» [2].

Анализ результатов обучения слушателей в 2017, 2018 годах в Центре непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры СПбГИК по дополнительным образовательным программам профессиональной переподготовки «Менеджмент международного и регионального культурного туризма», «Основы вокальной педагогики», «Преподавание музыкальных

историко-теоретических дисциплин и фортепиано», «Экспертиза и менеджмент объектов культуры», «Педагогическая деятельность в учреждениях культуры и образования», «Режиссура эстрады» свидетельствует об исключительной значимости данного курса в структуре дополнительных профессиональных программ для обучаемых: слушатели дополнительных профессиональных программ на основе изучения основных положений документа разрабатывают в процессе обучения социально-значимые проекты, ориентированные на участие конкретного учреждения культуры и обучаемого лично в осуществлении государственной культурной политики на территории конкретного муниципального образования, в целом перестраивают свою профессиональную деятельность, ориентируясь на исполнение задач, определенных Указом Президента России.

Объем дополнительных профессиональных программ повышения квалификации значительно меньше, чем программ профессиональной переподготовки, но и в этом случае работа слушателей с Основами государственной культурной политики дает не менее значимые результаты. Ярким примером, подтверждающим последнее, являются проекты, разработанные слушателями курсов повышения квалификации по теме «Государственная культурная политика и развитие художественного образования и воспитания» в городах Псков и Суздаль в октябре 2017 года. Каждый из разработанных в ходе курсов проектов был осуществлен, получателями проектных услуг в сфере культуры стали жители муниципальных образований Псковской и Владимирской областей.

С 1 января 2019 года в рамках национального проекта «Культура» федерального проекта «Творческие люди» во исполнение достижения поставленных целей государственной культурной политики на базе семи российских вузов открыты и действуют центры непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры. Одна из задач центров – предоставление дополнительных образовательных услуг по повышению квалификации специалистам и руководителям учреждений культуры и образования. Профессорско-преподавательским составом Санкт-Петербургского государственного института культуры разработаны и в 2019 году реализуются 20 дополнительных профессиональных программ повышения квалификации, каждая из которых имеет инновационную составляющую. Планируемое количество слушателей на 2019 год – 4 200 человек, на период 2019–2024 годы – 17 000 человек. Ожидаемым результатом проведения этой работы представляется использование освоенных слушателями образовательных программ инновационных форм и методов предоставления культурных услуг, в том числе реализации культурных проектов, жителям сельских и городских

поселений, что будет способствовать массовому вовлечению населения страны в культурные мероприятия, повышение общего уровня культуры россиян. Работа Санкт-Петербургского государственного института культуры, других вузов России – участников федерального проекта «Творческие люди» по осуществлению инновационных дополнительных профессиональных программ повышения квалификации является значимым вкладом образовательных организаций в достижение целей и решение задач национального проекта «Культура».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Востряков Л.Е.* Государственная культурная политика: понятия и модели. СПб.: Изд-во СЗИ РАХНиГС, 2011.
2. Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52 Ч. 1. Ст. 7753.
3. Основы государственной культурной политики Российской Федерации: учеб. пособие / А.С. Тургаев, Л.Е. Востряков, В.В. Брежнева и др.; под ред. А.С. Тургаева. СПб: СПбГИК, 2017.

Южина Евгения Васильевна

кандидат политических наук
заместитель начальника учебно-методического управления
Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России
Россия, Санкт-Петербург, л. Торжковская, 10
prmarket@mail.ru

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье представлены соображения по вопросам формирования антикоррупционной культуры в современной России, делается вывод о преждевременности утверждений о наличии таковой в силу специфического характера общественного сознания и отсутствия антикоррупционного сознания в его истинном смысле. Предпринята попытка обоснования целесообразности исследования антикоррупционной культуры сквозь призму гигиены культуры.

Ключевые слова. коррупция, антикоррупционное сознание, антикоррупционная культура, противодействие коррупции, гигиена культуры, антикоррупционная политика, коррупционные риски.

Yuzhina EvgeniaV.

PhD in Sci. Pol.,
North-West Federal Tax Service Training Institute (Saint Petersburg),
Deputy head of educational and methodical Department.
Russia, Saint Petersburg, Torzkovskaya st., 10
prmarket@mail.ru

ANTI-CORRUPTION CULTURE AS AN AXIOLOGICAL ASPECT OF CULTURAL POLICY

Abstract. The article briefly presents views on the formation of anti-corruption culture in modern Russia. The author concludes that it is premature to claim the existence of anti-corruption culture because of the special features of mass consciousness and unformed anti-corruption consciousness. Also the author attempts to justify the feasibility of the study of anti-corruption culture by means of hygiene of culture.

Keywords. Corruption, anti-corruption consciousness, anti-corruption culture, countering corruption, hygiene of culture, anti-corruption politics, corruption risks.

Проблематика противодействия коррупции в очередной раз актуализировалась в социально-политическом пространстве современной России. В конце июня 2018 года Президент Российской Федерации утвердил новый Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы [1].

Со времен введения в действие Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [2], каждые 2–3 года появлялся новый национальный план, смысл которого заключался в определении основных направлений антикоррупционной политики в государстве.

Однако можно ли признать, что в России действительно существует полноценная стратегия антикоррупционной деятельности, действующая антикоррупционная политика и политическая воля к ее реализации? К сожалению, нет. По-прежнему при многообразии нормативных норм и достаточно жестких мерах ответственности за нарушения в этой области степень коррумпированности на государственном уровне и в обществе в целом достаточно высока и не имеет тенденции к снижению.

В чем причины того, что в России коррупция стала восприниматься как обыденное социальное явление, стала почти нормой во многих общественных отношениях?

Принято считать, что именно государство ответственно за формирование такого законодательного регулирования, чье несовершенство и противоречивость способствуют укреплению коррупционных связей и все увеличивающейся «взяткостности» проектов и программ, финансируемых из бюджета. Безусловно, данное обстоятельство с очевидностью признается большинством игроков общественно-политического поля как существенное и, конечно, является препятствием для снижения уровня коррупции в России.

На мой взгляд, главной причиной разрастания коррупциогенности на государственном и социальном уровне выступает не само право как регулятор общественных отношений, а культура как «вращивание, возделывание», утверждение определенной системы ценностей.

Таким образом, взгляд на антикоррупционную политику и выявление основ ее формирования не будет панорамным без рассмотрения вопросов антикоррупционной культуры.

Антикоррупционная культура – феномен антикоррупционного сознания, однако дать ее корректное определение довольно сложно в силу многогранного характера самого понятия. По моему мнению, очень затрудняет понимание данного общественного явления законодательное определение, закрепленное в Федеральном законе «О противодействии коррупции» [2]. Отечественный законодатель пошел по пути

перечисления возможных проявлений коррупции (дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление служебным положением, злоупотребление полномочиями, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицам) вместо того, чтобы раскрыть суть описываемого явления. Указанное обстоятельство обуславливает весьма опасную с этической точки зрения тенденцию: в общественном сознании как коррупционные воспринимаются преимущественно такие нарушения, как взятка и злоупотребление полномочиями. Запутанность определения и наличие в нем указания на «иные» нарушения формируют ограниченность, узость понимания, т.к. когда нет представления о чем-либо, это невозможно увидеть и классифицировать.

Антикоррупционное сознание можно рассматривать как «совокупность понятий, теорий, представлений и чувств, взглядов и эмоций, оценок и установок, выражающих отношение людей к коррупции как социальному злу» [3, 12].

Когда же в общественном сознании не закреплено представление о сущности данного явления во всех ее многообразных проявлениях, а сами проявления перечислены не в полном объеме, следовательно, сформировать устойчивое правосознание в целом и антикоррупционное сознание – в частности, на данном этапе социально-политического развития почти невозможно.

Является ли коррупция социальным злом для большинства россиян? Вполне предсказуемо и не удивительно, что нет, не является. Интересные факты, подтверждающие весьма прагматичное отношение к коррупции в стране, приведены заместителем директора «Левада-центра» Алексеем Гражданкиным по итогам опроса общественного мнения в 2017 году. Опрошенными считают, что коррумпирована власть в России, однако на бытовом уровне дача взятки воспринимается довольно спокойно. Алексей Гражданкин отмечает также: «...обвинения в коррупции не являются решающими в определении отношения к той или иной политической фигуре. Есть другие качества, которые перевешивают. И то, что президент не может справиться с коррупцией, не является решающим в общественном мнении». По его словам, социологи сталкиваются с двойными оценками: коррупция в целом – это плохо, но в существующей системе нужно использовать имеющиеся механизмы. «Нормальная жизнь оказывается

невозможной без этих сомнительных средств, поэтому люди готовы их простить на бытовом уровне. Но они не понимают проблем тех, кто находится во власти, полагая, что они более свободны и могли бы и без коррупции решать проблемы», – резюмирует Гражданкин [4].

Политолог Николай Петров, развивая мысль о двойных стандартах наших соотечественников, полагает: «Причина – в известной формуле «жесткость законов компенсируется необязательностью их исполнения», коррупция как раз и обеспечивает эту необязательность. Люди считают, что в такой системе можно жить, поскольку она гибкая и в ней не обязательно исполнять требования закона» [4].

Таким образом, в общественном сознании живуч стереотип о допустимости коррупции на бытовом уровне как способе выживания и невозможности противостоять коррумпированности в высших эшелонах власти просто потому, что это мероприятие не имеет перспектив, а в ряде случаев является небезопасным занятием.

Исследователи Фонда ИНДЕМ¹ приводят результаты анализа, проведенного с целью выявить отношение россиян к коррупции как к социальному явлению. Вывод неутешителен, т.к. «чем чаще граждане общаются с государством, тем более высокий уровень понимания коррупции они демонстрируют. Напрашивается следующий вывод: «Российская власть – школа коррупции». Чем лучше граждане понимают коррупцию, тем пессимистичнее они в оценке уровня коррупции в нашей стране. Есть основания предполагать, что оценка уровня коррупции формируется практикой: опосредованно через социальный интеллект, от него – к пониманию коррупции, а от последней – к оценке. Ориентация в социальном пространстве России сопряжена с ориентацией в сфере коррупции» [5].

Естественно, что общественное сознание, настроенное на вольную интерпретацию коррупции и пессимистичное видение, воспроизводит такого же свойства и противонаправленную культуру. Что является одним из важных элементов системы духовной культуры, которой присущи специфические функции в силу тесной связанности по содержанию с правом и моралью.

Терминологического единства в определении антикоррупционной культуры в научной среде к настоящему моменту не достигнуто. Ряд авторов считает, что это «способность человека сознательно и нравственно противостоять коррупции, это система ценностей, лежащая в основе неприятия коррупции» [3, 14]. Заслуживает внимания исследовательская

¹ Региональный общественный фонд «Информатика для демократии»
<http://indem.ru/russian.asp> (дата обращения 05.08.2020).

позиция, согласно которой вышеупомянутая культура – это «качество личности, включающее знания о пагубности коррупции для благосостояния и безопасности общества; это состояние индивида, который не просто не желает мириться с проявлениями коррупции, а стремится к устранению этого явления. Отсюда антикоррупционная культура – это определенные ценностные установки и способности, направленные на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции» [6].

В настоящее время с переменным успехом формируются навыки законопослушного поведения, обусловленные не столько внутренним убеждением, сколько угрозой наказания, т.е. мотивацией страха. Страх наказания (в том числе за упомянутые в законе нарушения) предполагает если не знание, то хотя бы представление о том, что определенное деяние наказуемо. Данное представление основано скорее на примерах – показательных процессах в отношении зарвавшихся чиновников, слухах, историях, но, увы, не на усвоенных нормах закона.

И практически не уделяется внимание главному – осознанному восприятию себя (как личностью, так и социальными группами) носителями прав и обязанностей, которые корреспондируют друг с другом и составляют понятие правового статуса. Следовательно, активная гражданская позиция по неприятию и противодействию коррупционным проявлениям отсутствует, более того, редкие проявления активности отдельных личностей по обнародованию фактов коррупции воспринимаются неоднозначно.

Исходя из вышеизложенного, приходится констатировать, что сейчас в России антикоррупционная культура существует как умозрительная конструкция.

Возможно ли в обозримом будущем перевести дискуссию об антикоррупционной культуре из чисто теоретической плоскости в русло практических исследований?

В данном контексте особую актуальность и безусловную целесобразность приобретают вопросы гигиены культуры как теоретического и практического направления, позволяющего на новом уровне подойти к анализу проблем формирования правовой культуры в целом и антикоррупционной культуры в частности.

Каковы основания для такой убежденности?

На наш взгляд, гигиена культуры – именно та междисциплинарная область, которая имеет инструментарий и для исследований, и для измерений. И, что еще важнее, гигиена культуры содержательно наиболее близка к праву в силу своей нормативности. Культура в целом – это и смыслы, и ценности, и нормы, тогда как гигиена культуры – это в первую

очередь – нормы. Именно в рамках гигиены культуры целесообразно комплексно и всесторонне определить границы допустимого как с точки зрения закона, так и с точки зрения нравственности, включая в этот процесс и ценностный аспект, и смысловую нагрузку. Данный подход позволит сделать очень важный шаг на пути формирования антикоррупционной культуры – перевести человеческое сознание из зоны «негативной» мотивации (из страха быть наказанным) на уровень «позитивной» мотивации (с чувством неприятия противоправного и общественно опасного поведения и способности противодействовать таковому).

Сообразуясь с целями формирования антикоррупционной культуры, можно выделить следующие основные задачи гигиены культуры:

- выявление общественно и лично опасно установленных, способствующих развитию и расцвету «коррупциогенной личности», что уже зачастую приводит к тому, что «отрицательный отбор» во властные структуры становится практически нормой;

- оценка коррупционных рисков и их последствий в культурной, образовательной, научной и социальной политике;

- определение механизмов воздействия (мотивации) для социально мотивированного поведения по выраженному неприятию явлений такого рода.

Без решения указанных задач сложно, на наш взгляд, говорить о становлении антикоррупционной культуры и тем более преждевременно – о формировании антикоррупционной политики в государстве.

По определению Фонда ИНДЕМ, антикоррупционная политика – это «разработка и постоянное осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества в рамках принятых данным государством основ конституционного строя с целью устранения (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни» [7]. Следовательно, для выработки таких мер и их реализации необходимо выявить причины и условия, способствующие возвращению коррупции. В свою очередь, причины и условия не могут быть обнаружены до тех пор, пока:

- не сформировано общественное согласие по критериям «приемлемо-неприемлемо» (условно, не определена граница добра и зла);

- не оценены риски в различных сферах деятельности;

- отсутствует потребность как общества, так и государства изменить тренд в традициях решения вопросов, т.е. осуществить переход из «серой» зоны решения вопросов «по понятиям» и договоренностям в «белую» зону договоров, правового регулирования, этической недвусмысленности. Иными словами, сменить культурный код.

Мы живем в ситуации, когда телега поставлена впереди лошади, т.е. активно заявляется о направлениях политики, которой нет (есть элементы в виде деятельности государства по принятию нормативных актов и программ), тогда как основа этой политики – антикоррупционная культура еще не имеет целостного вида ни по содержанию, ни по форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (дата обращения 15.08.2019).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (редакция от 03.08.2018 с изм. и доп., вступившими в силу с 03.09.2018). URL: <https://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения 15.08.2019).
3. Основы антикоррупционной культуры: учебное пособие / под общей редакцией д.б.н., профессора Б.С. Абдрасилова. Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2016.
4. *Мухаметшина Е.* Россияне против коррупции во власти, но к бытовым взяткам относятся спокойно // Ведомости. 27.03.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/28/682969-rossiyane-protiv-korrupsii> (дата обращения 26.05.2019).
5. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа / Под ред. Г.А. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013.
6. *Ибрагимова Е.М., Хамдеев А.Р.* Сущность понятия антикоррупционная культура и ее функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9329> (дата обращения 26.05.2019).
7. ИНДЕМ – антикоррупция. URL: <http://www.indem.ru/corrupt/uc2004/glava6.pdf> (дата обращения 27.05.2019).

Хаунина Екатерина Андреевна

Старший научный сотрудник
Отдела общей теории искусства и культурной политики
Государственного института искусствознания
Россия, 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5
haunina@mail.ru

ИНСТИТУТ ЦЕЛЕВЫХ КАПИТАЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается эндаумент-фонд (целевой капитал в формулировке федерального закона) как один из ресурсов финансирования культурной деятельности в России. Отмечается, что модель фондов целевого капитала может обеспечить некоммерческим организациям дополнительную финансовую поддержку в долгосрочном периоде, снизив их зависимость от разовых финансовых поступлений и расширив возможности планирования проектов на долгосрочную перспективу. В работе представлены основные отличия российской модели целевого капитала от зарубежных аналогичных фондов. Несомненно, внедрение в российское правовое поле модели целевого капитала значительно расширило возможности некоммерческого сектора экономики в деятельности на благо общества. Однако в области культуры этот институт пока не получил широкого распространения. Отдельные примеры использования эндаумент-фондов мы наблюдаем лишь в музейной деятельности при практически полном отсутствии подобных инициатив в организациях исполнительского искусства и сфере культурного наследия. В работе рассмотрен ряд аспектов, которые оказывают значимое влияние и выступают факторами, ограничивающими развитие института целевых капиталов в России. Среди них: налоговые льготы, проблемы эффективности управления, доверие общества и потенциальных благотворителей. В заключении статьи автор предлагает некоторые направления развития целевого капитала в области культуры, охватывающие как законодательные инициативы, так и институциональные изменения.

Ключевые слова. Целевой капитал, эндаумент-фонд, некоммерческие организации, финансирование культуры, культурная политика, благотворительность, налоговые льготы.

Khaunina Ekaterina A.

Senior research officer
Department of the theory of arts and cultural policy of the State Institute
for Art Studies
125009 Russia, Moscow, Kozitsky pereulok, 5
haunina@mail.ru

ENDOWMENT INSTITUTE AS A CULTURAL POLICY TOOL

Abstract. The article examines the institution of endowment (reserve funds according to the Federal law) as one of resources of financing of cultural activity in Russia. It is noted that the model of endowment can provide additional financial support to non-profit organizations in the long term, reducing their dependence on one-time financial income and increasing the capacity to plan their projects. In the article the main differences of the Russian model of endowment-funds from foreign models are designated. Undoubtedly, the implementation of the endowment model in the Russian legal framework considerably expanded opportunities of the non-profit sector of economy in its activity for public benefit. However, after more than 10 years after adoption of the law in the field of culture this institution has not been widely disseminated yet. Some examples one can observe in the museum activity and practically the absence of such initiatives in organizations of performing arts and cultural heritage. In this regard a number of presented aspects have significant impact and act as the factors limiting development of institution of the endowment-fund in Russia, among them: tax incentives, management efficiency problems, social trust and potential philanthropists. In conclusion of the article the author proposes some directions of the development of the model of endowment-funds in the field of culture, covering both legislative initiatives and institutional changes.

Keywords. Reserve fund, endowment fund, non-profit organizations, financing culture, cultural policy, philanthropy, tax deductions.

Эндаумент-фонды, или фонды целевого капитала организаций культуры зарекомендовали себя в качестве эффективного механизма управления целевыми благотворительными пожертвованиями и источника получения дополнительных, так называемых инвестиционных доходов. Следует отметить, что эндаумент-фонды имеют достаточно продолжительную историю в зарубежной практике финансирования некоммерческих организаций, что особенно справедливо для стран с англо-саксонской моделью культурной политики, прежде всего США и Великобритании.

В широком понимании, эндаумент – инструмент долгосрочного финансирования, гарантирующий устойчивость поддерживаемой организации и ее целей. В отличие от благотворительных фондов и иных НКО, расходуемых привлеченные от доноров пожертвования, как правило, в текущем периоде, эндаумент направляет на заранее установленные цели не сами пожертвования, а доход, полученный от их инвестирования. Таким образом, пожертвования, которые были выделены донорами для организации, влияют на ее финансовую стабильность длительный период времени.

В России правовая основа для создания эндаумент-фондов появилась более 10 лет назад после принятия Федерального закона от 30 декабря 2006 года № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (далее – Закон № 275-ФЗ). Отметим, что предложенная схема долгосрочного финансирования уставной деятельности на основе договора доверительного управления имуществом не является новой технологией для России. Обращение к истории российской благотворительности показывает, что сама схема эндаумента применялась в России еще с начала XIX века.

Первый закон об аналогах современных целевых капиталов был издан в Российской империи 27 декабря 1817 года (в виде сенатского указа) и носил название «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений и об употреблении оных, согласно с волею жертвователя». Этот закон впервые установил правило, по которому приступать к учреждению богоугодных заведений следовало только в случае, «когда к содержанию их назначены будут достаточные средства; в противном же случае пожертвования, на сии заведения назначаемые, обращать в общую массу, и тогда уже приступать к учреждению общественных заведений, когда накопится достаточное количество суммы». Исполнение закона «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений» возлагалось на гражданских губернаторов и начальников ведомств, в пользу которых шли пожертвования¹. Приведем лишь один пример применения целевого капитала в дореволюционной России. Считается, что первая литературная премия в России была учреждена в 1872 году генеральным консулом в Одессе И.Г. Вучиной, который создал специальный премиальный фонд в размере 10000 руб. На проценты от этих денег историко-филологический факультет Новороссийского университета присуждал ежегодную премию в размере 500 руб. серебром за лучшее драматическое произведение.

На современном этапе в России за основу модели целевого капитала были положены механизмы, свойственные англо-саксонской системе, прежде всего характерные для эндаумент-фондов США. Российский закон хоть и имел зарубежную основу, все-таки строился по принципам, характерным для российского законодательства, и достаточно успешно встроился в систему² [1, 60, 61].

¹ Подробнее см.: *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005; *Эндаументы в России: вызовы времени.* М.: Благотворительный фонд В. Потанина, 2018.

² В странах Европы понятие эндаумента чаще всего содержится в законах, регулирующих деятельность фондов и/или организаций общественной пользы. Этим статьям соответствуют нормы налогового законодательства.

Обозначим некоторые принципы формирования и функционирования современной российской модели целевого капитала, согласно Закону № 275-ФЗ:

1. Целевой капитал формируется в рамках некоммерческой организации на заранее установленные цели (например в сфере культуры, искусства, образования, науки, соц. поддержки и пр.).

2. Для формирования целевого капитала открывается отдельный банковский счет и отводится один фактический год на привлечение на этот счет не менее 3 млн рублей.

3. Все привлеченные средства – пожертвования или активы по завещанию, в рублях или иностранной валюте. Пожертвования не могут быть обусловлены чем-либо, включая сроки, а также не могут быть возвращены жертвователям (только в случае их обоснованного заявления о нецелевом использовании пожертвований).

4. Собранную сумму в размере не менее 3 млн руб. необходимо передать в доверительное управление управляющей компании (УК) не позднее двух месяцев с момента превышения такого «порога».

5. По окончании календарного года УК передает полученный инвестиционный доход (за вычетом вознаграждения и расходов) в эндаумент-фонд, который, в свою очередь, распределяет этот доход на заранее установленные цели. Налог на прибыль от целевого капитала отсутствует (подп. 14 п. 2 ст. 251 НК РФ). Оставшийся в управлении капитал продолжает инвестироваться. Минимальный срок существования эндаумента – 10 лет.

Основное преимущество эндаумента заключается в том, что инвестиционные доходы, которые он приносит, обеспечивают организациям определенную степень уверенности в наличии финансирования, что не всегда возможно при использовании ресурсов фандрейзинга и в условиях сокращения государственного финансирования. Кроме того, эндаумент дает организации свободу и гибкость в выборе видов деятельности, даже если на отдельные проекты, которые организация / фонд считает целесообразными, не удастся привлечь средства целевого или государственного финансирования.

Эндаументы являются значимым социальным институтом, обеспечивающим определенную устойчивость некоммерческих организаций, что порождает доверие общества и возможность работать на долгосрочную перспективу. При этом взнос в целевой капитал имеет преимущества перед иными формами благотворительности, поскольку гарантирует целевой характер использования и строгую систему отчетности перед жертвователями. Важное преимущество статуса целевого капитала перед «обычным» благотворительным фондом состоит в том, что доходы от

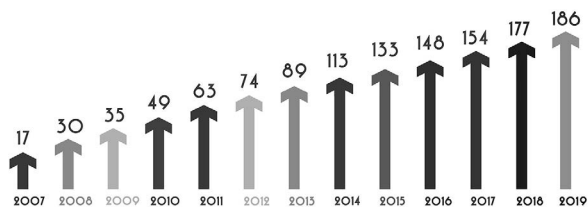

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных эндаумент-фондов в РФ (по состоянию на 2018 год)¹

управления поступивших в эндаумент средств освобождаются от уплаты налога на прибыль.

На март 2018 года в России было зарегистрировано 194 эндаумента, из них 177 являются действующими, 17 фондов целевого капитала были расформированы (рисунок 1).

По статистике, представленной в рамках форума «Эндаументы – 2018», среди функционирующих в России эндаумент-фондов в различных сферах деятельности: 59% (104) – в образовании, 6,7% (12) – в искусстве и 5,6% (10) – в сфере культуры. Таким образом, при организациях культуры и искусства в настоящее время функционируют 22 фонда целевого капитала, отдельно выделяется эндаумент-фонд Общественного телевидения России. Рынок эндаумент-фондов за время действия 275-ФЗ растет: общий объем финансовых средств в фондах целевого капитала составляет 24,8 млрд руб. Согласно рейтингу, из 20 крупнейших фондов по объему целевого капитала половина приходится на высшие учебные заведения, на 9-м месте рейтинга находится фонд целевого капитала Еврейского музея и центра толерантности, а на 15-м – фонд целевого капитала Эрмитажа. Отдельные фонды целевого капитала в сфере культуры начинают постепенно приближаться по объему финансовых активов к аналогичным фондам в сфере образования. Также важно отметить, что география распространения фондов целевого капитала, в том числе и в сфере культуры, расширяется: начинают создаваться фонды целевого капитала при организациях культуры в регионах (Омск, Томск). Фонд развития музея им. М.А. Врубеля, основанный в 2016 году в г. Омске, стал

¹ Составлено на основе данных отчета: Аналитический отчет о динамике развития фондов целевого капитала за 2007–2017. Подготовлен Пензенским региональным общественным благотворительным фондом «Гражданский Союз». Данные УК «Апрель Капитал». Пенза. Март 2017.

первым в России фондом целевого капитала, созданным при региональном музее. В октябре 2017 года Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова получил грант Благотворительного фонда В. Потанина на поддержку создания в музее фонда целевого капитала.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ: РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Анализ российского и зарубежного законодательства о целевом капитале, показывает, что российская нормативно-правовая база обуславливает менее широкие возможности для создания и функционирования эндаумента (рис. 2). Согласно американскому законодательству, например, для формирования эндаумента не существует минимального срока, за который формируется фонд целевого капитала, и минимального размера «основного тела» этого фонда. В отечественной нормативно-правовой базе это обязательные условия для формирования фонда целевого капитала.

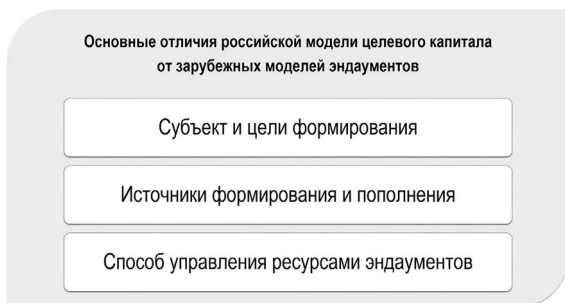

Рис. 2. Основные отличия российской модели целевого капитала от зарубежных моделей эндаументов

Изначально, согласно ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», это были только денежные средства в российской и иностранной валюте. Затем, с принятием ФЗ от 21 ноября 2011 года № 328-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», кроме налоговых льгот для жертвователей – физических лиц, были расширены сферы, для поддержки которых можно формировать целевой капитал, уставлена возможность пополнения целевого капитала не только денежными средствами, но и недвижимостью и определенными ценными

бумагами. При этом российская некоммерческая организация не вправе направлять собственные средства и использовать бюджетные средства на формирование и пополнение целевого капитала. Пожертвования в фонд целевого капитала могут поступать *только от доноров*. В зарубежном же опыте, отметим это особо, некоммерческие организации *могут* направлять *собственные средства* на формирование своего эндаумента. Государство также участвует в выделении денежных средств из бюджета на формирование и пополнение эндаумента, поощряя, таким образом, некоммерческие организации создавать эндаумент-фонды.

Зарубежное законодательство предоставляет жертвователю более широкие возможности: и формировать, и пополнять эндаументы, как правило, можно любыми видами имущества: денежными средствами, недвижимым имуществом, земельными участками, ценными бумагами. Кроме того, возможен вклад, сделанный нематериальным активом, результатом интеллектуальной деятельности. Есть, безусловно, ограничения, связанные с оценкой / переоценкой любого вклада – как материального, так и нематериального [1, 60, 61].

Еще одно из важнейших отличий – возможность американских некоммерческих организаций управлять эндаументом самостоятельно. В российской практике это законодательно запрещено – управление целевым капиталом должно осуществляться только специализированной управляющей компанией. И, наконец, еще одно существенное различие и проблема одновременно – отсутствие широкого спектра налоговых льгот для юридических и физических лиц в России, которые бы активизировали процессы, связанные с формированием фондов целевого капитала при некоммерческих организациях.

В зарубежном законодательстве нет нормы, обязывающей передать эндаумент в управление специализирующейся на этом компании, вся ответственность возложена на управляющий совет / совет директоров, которые вправе самостоятельно выбрать способ управления эндаументом, лично или с помощью нанятых специалистов, анализируя риски и возможности. По-видимому, такой подход российского законодателя свидетельствует о сложившемся уровне доверия к организациям, формирующим эндаумент.

ОГРАНИЧЕНИЯ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

Практика применения закона о целевых капиталах выявила ряд проблем в применимости существующих законодательных норм, в связи с чем есть необходимость дальнейшего совершенствования законодательного

регулирования этой сферы в России. В течение 10 лет законодательство почти не менялось, что не отражает изменения, происходящие в обществе и благотворительности в целом. Однако, как считают некоторые эксперты, развитие института целевого капитала поступательно и осторожно формирует правоприменительную практику, основываясь на нормах закона, которые в свое время были написаны для профессионалов и отчасти «на вырост». [2, 60, 61].

Обозначим некоторые аспекты, которые оказывают значимое влияние и выступают факторами, ограничивающими развитие института целевых капиталов, в том числе в сфере культуры:

- ряд ограничений в отношении пожертвований, поступающих из-за рубежа или от зарубежных жертвователей;

- ограничение видов имущества, направляемого жертвователями на формирование и пополнение целевого капитала. В соответствии с п. 1 ст. 4 закона № 275-ФЗ о целевом капитале действуют ограничения на форму пожертвований (только денежные средства). Таким образом, жертвователь не вправе передать на формирование целевого капитала недвижимое имущество, ценные бумаги;

- ограничения по налоговым льготам для организаций, которые готовы совершать пожертвования. Сложность взаимодействия с компаниями и корпорациями в рамках фандрайзинга по формированию и пополнению фондов целевого капитала состоит в том, что пожертвования бизнеса делаются из чистой прибыли в отсутствии каких-либо налоговых льгот и вычетов;

- недостаточная проработка тактических механизмов реализации идеи целевого капитала, что не позволяет фондам и НКО успешно и последовательно формировать целевой капитал, наращивая свой потенциал [3];

- проблема эффективности управления целевым капиталом. Выбор управляющей компании и уровень финансовых компетенций организации, сформировавшей целевой капитал. Организация не застрахована от убытков, как и все субъекты, действующие на финансовом рынке, что может привести к потере денег, переданных жертвователями. Важную роль играет угроза как потери средств от неэффективного вложения, так и недополученной прибыли [3];

- дополнительные расходы на обслуживание новой инфраструктуры. Любой целевой капитал потребует отдельного ведения бухгалтерского учета, обязательного аудита, в нем должны работать люди, которые разбираются и в стратегии, и в финансовой стороне дела.

- доверие общества и потенциальных благотворителей к механизму целевого капитала. Кроме того, до сих пор в обществе существует некоторое недоверие к профессиональным благотворительным организациям;

- отложенный эффект долгосрочных пожертвований в эндаументы;
- небольшое число реально работающих целевых капиталов в области культуры и, соответственно, описанных практик, которые можно проанализировать и принять решение о создании собственного эндаумент-фонда;

- конкуренция за пожертвования в эндаумент-фонды в сфере культуры с другими институциями, имеющими более актуальную для потенциальных доноров социальную направленность.

Как уже отмечалось, пока практика создания фондов целевого капитала в сфере культуры в России не так велика. В 2011 году была создана некоммерческая организация «Специализированный фонд управления целевым капиталом для развития Государственного Эрмитажа», а также, в фонд целевого капитала при государственном музее-заповеднике «Петергоф». Управляющей компанией в обоих случаях является ЗАО «Газпромбанк – Управление активами».

В России на сегодняшний день существует уже несколько организаций театрального профиля, в том числе и образовательных, создавших фонды целевого капитала: Академия танца Бориса Эйфмана, Российский институт театрального искусства (ГИТИС) и первый в России театр, создавший фонд целевого капитала – Российский академический молодежный театр (таблица 1).

Таблица 1

Фонды целевого капитала в театральной сфере

Название фонда	Год основания	Размер ЦК
Фонд развития балетного искусства Бориса Эйфмана	2013	45 млн руб. (2015)
Фонд управления целевым капиталом РАТИ – ГИТИС	2017	8,5 млн руб.
Фонд развития РАМТа	2018	3,5 млн руб.

Отдельные примеры не могут говорить о сложившейся системе целевого капитала как дополнительного ресурса для культурной деятельности. В связи с этим скорее всего участие государства в нашей стране не может ограничиваться только разработкой законодательной базы, должны быть задействованы и другие формы участия. Это не противоречит практике, реализуемой в некоторых странах, например в Великобритании и Канаде.

Государство все больше начинает искать партнеров для решения социальных задач и готово поддерживать те механизмы, которые могут привести к большей финансовой независимости организаций образования и культуры от государственного финансирования.

Остановимся более подробно на том, как это работает. Данная модель основывается на предоставлении на конкурсной основе эндаумент-грантов, когда грантовые средства направляются в эндаумент некоммерческой организации, а доходы от эндаумента должны быть израсходованы на определенные жертвователем цели. Средства выделяются на конкурсной основе, в том числе на условиях софинансирования, а также создания партнерских программ. В основном такие эндаумент-гранты предоставляются на поддержку университетов (кафедр, исследовательских центров, профессорских позиций и др.), организаций культуры (музеев, театров, галерей, музыкальных школ и школ искусств), фондов местных сообществ. [4, 72, 73].

Правительство Канады содействует развитию эндаументов, полагая, что именно этот механизм поддержки сможет обеспечить организации культуры в долгосрочной перспективе, сделать искусство и культуру более независимыми от других источников финансирования. Например, начиная с 2001 года Канадский Инвестиционный фонд в сфере культуры в рамках своей специальной программы по стимулированию создания эндаументов предоставил 170 организациям, работающим в сфере культуры, средства в эндаументы на условиях, что они привлекут пожертвования со стороны частных и корпоративных доноров. Цель данной программы – содействовать созданию в стране определенной среды, которая бы стимулировала доноров как частных, так и корпоративных, делать пожертвования в эндаумент-фонды организаций культуры.

Например, в Шамейнусе ежегодно проводится театральный фестиваль («Chemainus Theatre Festival»). В 2015 году при фестивале был основан эндаумент-фонд, который управляется благотворительным фондом Ванкувера, он в свою очередь управляет различными фондами целевого капитала на сумму более чем 1 млн долл. Индивидуальные пожертвования в эндаумент-фонд фестиваля поддерживаются Канадским инвестиционным фондом в сфере культуры. Денежные средства выделяются в форме гранта, который представляет собой систему «доллар за доллар»: грант предоставляется на сумму всех собранных пожертвований эндаумент-фондом театра, таким образом, удваивая размер эндаумента.

Другим примером эндаумент-грантов является совместная программа Министерства культуры, средств массовой информации и спорта Великобритании, Совета по культуре и благотворительного фонда «Heritage

Lottery Fund» (фонд, сформированный на основе поступлений от проведения национальной лотереи). Программа была объявлена в 2012 году частью новой стратегии правительства Великобритании по расширению источников финансирования организаций культуры и привлечения в эту сферу частных средств. Оператором программы стал благотворительный фонд, у которого есть значительный опыт распределения средств на конкурсной основе. Другие аналогичные программы направлены на привлечение существенных средств в сферу культуры, предполагая не только финансовую поддержку эндаументов, но и стимулирование развития фандрайзинговых технологий (*matching grants*), привлечение частных доноров к финансированию в сфере культуры, способствует продвижению модели эндаумента, дает импульс к их дальнейшему развитию [4, 73].

Эндаумент-гранты позволяют объединить усилия и ресурсы государства, благотворительных фондов и других доноров, что, в свою очередь, стимулирует создание партнерств. Такие совместные программы очень важны для развития некоммерческого сектора, они способствуют более эффективному расходованию ресурсов как со стороны фондов, так и со стороны государства.

Накопленный зарубежный опыт, несомненно, требует детального изучения точки зрения его возможного использования для дальнейшего развития модели целевых капиталов в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эндаумент-фонды – это современный и эффективный инструмент поддержки социальной сферы, который доказал свою эффективность во многих развитых странах. Несмотря на ряд ограничений модель целевого капитала имеет значительный потенциал для своего дальнейшего развития в России, в том числе и в сфере культуры. Важнейшими предпосылками для развития являются прозрачность и доверие. Формируя эндаумент-фонды организации культуры закладывают основу для своего дополнительного стабильного финансирования. Но очень многое зависит от того, как в нашей стране будет развиваться институт благотворительности в сфере культуры, ведь недостаточность средств меценатов, их неосведомленность и недоверие не позволит формировать и пополнять целевые капиталы. В этой связи отметим позитивное движение российского законодательства в области расширения налоговых преференций для благотворителей. С 1 января 2019 года вступил в силу закон о введении налоговых льгот для физических лиц и организаций, совершающих

пожертвования в пользу государственных учреждений культуры¹. Согласно принятому закону, регионы получают право увеличить предельный размер социального налогового вычета по НДФЛ с 25 до 30%, если получателями пожертвований являются государственные и муниципальные учреждения культуры, а также некоммерческие организации – при перечислении им пожертвований на формирование целевого капитала. Размер вычета, а также категории учреждений культуры и некоммерческих организаций будут устанавливаться законами регионов. Кроме того, закон позволяет уменьшать налог на прибыль для организаций, оказывающих помощь учреждениям культуры.

Отметим несколько принципиально важных моментов, которые должны способствовать выстраиванию эффективной институциональной среды эндаумент-фондов в России:

1. Предоставление налогоплательщику – физическому лицу права получать социальный налоговый вычет в связи с совершенным пожертвованием не напрямую, что требует больших временных затрат, а через НКО, что повысит экономическую устойчивость организаций через увеличение объема пожертвований.

2. Расширение возможностей инвестирования средств целевого капитала в различные активы. Министерства экономического развития РФ и Центральный Банк обсуждают возможность предоставить фондам целевого капитала право самостоятельного размещения средств, без управляющей компании в случае, если фонд целевого капитала инвестирует в консервативные инструменты (банковские депозиты и пенсионные фонды).

3. Создание общего эндаумент-фонда на федеральном и региональном уровнях. Целесообразно создать систему отраслевых эндаументов «в форме независимых некоммерческих организаций на региональном и федеральном уровнях для культурной, научной и образовательной деятельности»².

¹ Федеральный закон от 27.11.2018 № 426-ФЗ «О внесении изменений в статьи 219 и 286-1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации».

² Данная идея была предложена и при разработке проекте Закона о культуре 2014 года, где предполагалось формирование системы эндаумент-фондов для разных видов культурной деятельности: театр, кино, музеи, художественное образование и т.д. Помимо этого, предполагалось направлять финансовые средства, полученные от института индивидуальных бюджетных назначений и маркированных налогов в эти фонды,

4. Популяризации в обществе пожертвований в эндаументы как среди граждан, которые могут стать жертвователями, так и среди профессиональных благотворителей и доноров. Большую роль здесь играют некоммерческие организации, которые взяли на себя миссию продвижения института эндаументов. В качестве конкретных практических шагов по поддержке института целевого капитала в нашей стране можно назвать деятельность благотворительного фонда В. Потанина, одного из первых частных фондов в современной России, созданного в 1999 году для реализации программ в сфере образования и культуры. Работа Фонда направлена на продвижение лучших практик стратегической благотворительности и меценатства, в том числе создания фондов целевого капитала. В рамках этого направления деятельности запущены программы «Эффективная филантропия» и «Развитие целевых капиталов в России», ориентированные на развитие фондов целевого капитала некоммерческих организаций как эффективного инструмента финансирования их деятельности.

5. Активизация деятельности профильных министерств по разработке и продвижению механизмов более широкого распространения фондов целевого капитала. Так, Министерство экономического развития РФ поддерживает развитие института целевого капитала, содействуя выстраиванию эффективной системы правового регулирования их деятельности, формированию и распространению лучших практик деятельности эндаументов в стране. Подобная работа очень необходима со стороны Министерства культуры РФ, чтобы стимулировать развитие фондов целевого капитала при учреждениях культуры на федеральном и региональном уровне.

6. Самоорганизация как самих фондов целевых капиталов, так и донорских организаций, которые могут поспособствовать широкому распространению эндаументов в России. Разработка и реализация партнерских программ, которые бы демонстрировали приоритетность развития данного механизма среди организаций социально-культурной сферы.

где они будут сохраняться и накапливаться. Затем эти средства будут распределяться на конкурсной основе в виде грантов. Такой подход помог бы небольшим учреждениям культуры, которые не могут привлечь крупных жертвователей на формирование целевого капитала, использовать инвестиционный доход от общего эндаумент-фонда в качестве долгосрочной и стабильной поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Целевые капиталы: как собрать свой пазл. Неклассическое пособие для некоммерческих организаций. М.: Благотворительный фонд В. Потанина, 2017.
2. Эндаументы в России: вызовы времени. М.: Благотворительный фонд В. Потанина, 2018.
3. *Французова С.* Аналитический отчет о динамике развития фондов целевого капитала за 2007–2017. Подготовлен Пензенским региональным общественным благотворительным фондом «Гражданский Союз». Пенза, 2017.
4. Целевой капитал: как его создать и что нужно знать о функционировании данной модели: Сборник практических рекомендаций / Под общ. ред. А.А. Барковец. М.: Форум Доноров, 2014.

Постернак Кирил Владимирович

заведующий сектором Биографического словаря архитекторов
Государственного научно-исследовательского музея архитектуры
им. А.В. Щусева
119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 5/25
kir-posternak@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ УТРАЧЕННОГО НАСЛЕДИЯ (на примере послевоенного восстановления городов)

Аннотация. Отношение к утраченным памятникам культурного наследия в крупных городах – болезненная тема для современной России. Общественность обычно требует их точного восстановления в прежних формах, тогда как инвесторы и застройщики убеждают в невозможности этого и настаивают на возведении новых зданий больших размеров и площади. Как примирить требования сохранения исторического облика города и его нормального повседневного функционирования? Ответ на этот вопрос может дать обращение к опыту европейских стран по восстановлению разрушенных городов после Второй мировой войны. В разных странах принимались разные решения: от точного воссоздания утраченных исторических районов (Варшава, Гданьск), восстановления рядовой застройки в виде упрощенных реплик погибших зданий (Сен-Мало, Жьен, Абвилль, Фройденштадт) до возведения городов заново в формах модернизма (Гавр) или неоклассики (города СССР). Каждое из этих решений по-своему сказывалось на облике исторических городов. Опыт последних десятилетий показывает, что бескомпромиссно современная архитектура в этой области теряет свои позиции, и в настоящее время при воссоздании исторических мест торжествует принцип контекстного восстановления. С другой стороны, новые здания, построенные сразу после Второй мировой войны в формах старых архитектурных стилей, сейчас неожиданно сами явились заменой утраченной исторической застройке.

Ключевые слова. Вторая мировая война, культурная политика, утраты наследия, архитектура XX века, модернизм, неоклассика, «сталинская» архитектура.

Posternak Kirill V.

head of Sector of the Biographical Dictionary of Architects,
Schusev State Museum of Architecture
119019, Moscow, St. Vozdvizhenka, d. 5/25
kir-posternak@yandex.ru

EUROPEAN POLICY REGARDING THE LOST CULTURAL HERITAGE (the Example of the Post-War Restoration of Historical Cities)

Abstract. Preservation of cultural heritage is a painful topic in modern Russia. The public demands the restoration of historical buildings in their original form, while investors and developers insist on the construction of new buildings of larger size and area. How to reconcile the requirements of preserving the historical appearance of the city and its normal daily functioning? The answer can be drawn from the experience of the restoration of historical cities in Europe after the Second World War. Different decisions were made in different countries: from the exact reconstruction of the lost districts (Warsaw, Gdansk), the restoration of ordinary buildings in the form of replicas of dead buildings (Saint-Malo, Gien, Abbeville, Freudenstadt) to the construction of cities anew in the forms of modernism (Le Havre) or neoclassicists (cities of the USSR). The experience of recent decades shows that modern architecture in this area is losing its position, and now the principle of contextual restoration triumphs.

Keywords. World War II, cultural policy, loss of heritage, XXth century architecture, modernism, neoclassic, «Stalinist» architecture.

Вторая мировая война стала причиной самых значительных разрушений памятников материальной культуры в истории человечества. Многие города были буквально стерты с лица земли. В послевоенный период остро встала проблема выбора: следует ли пожертвовать исторической памятью ради скорейшего налаживания повседневной мирной жизни в новом архитектурном окружении или необходимо претерпеть временный дискомфорт ради воссоздания утраченных памятников и ансамблей? Возможен ли компромисс, и имеются ли иные пути решения проблемы?

В разных странах ответ на эти вопросы давался разный. Разумеется, не везде граждане были готовы смириться с тем, что привычные городские ландшафты стали достоянием прошлого. В то же время далеко не всегда они были готовы и к значительным тратам на кропотливое воссоздание разрушенных исторических зданий, особенно когда речь шла о рядовой городской застройке. В странах Западной Европы многое зависело от настроения владельцев земельных участков и домов.

В тех случаях, когда главные исторические достопримечательности пережили войну, городская застройка могла возобновляться лишь в приблизительном виде. Ярким примером такого подхода может служить восстановление городов Сен-Мало, Жьен и Абвиль во Франции. Новые линии улиц были сформированы современными жилыми домами, фасады

которых воссоздавали образ утраченных построек, служили своего рода аккомпанементом к главным памятникам – замкам и готическим соборам. Удивительным образом здесь сочетались эстетические и материальные запросы. Например, Жьен являлся исходным пунктом ряда туристических маршрутов по Луаре, и его жители не хотели лишиться потока туристов в случае восстановления рядовой застройки в формах современной функциональной архитектуры.

В то же время метод упрощенного воспроизведения старых архитектурных стилей не находил всеобщего признания в профессиональной среде. Искренняя вера в прогрессивное будущее, свойственная первым послевоенным десятилетиям, порождала убеждение, будто новой модернистской архитектуре подвластны любые творческие задачи. Обращение к ретроспективным стилям признавалось фальшью. Современная архитектура должна была смело и открыто занимать место в историческом городском контексте. Дополнительным аргументом служило ускорение и удешевление строительства при использовании новых технологий и материалов.

Впечатляющим примером такого подхода является реконструкция Гавра. После войны восстановление города было поручено архитектору О. Перре. Прежде всего, требовалось в кратчайшие сроки восстановить жилой фонд города. Однако гигиенические требования не позволяли вернуться к прежней плотной застройке. Согласно новым стандартам вентиляции и инсоляции было необходимо расширить пространство между домами а, следовательно (ради сохранения прежних границ города) повысить этажность застройки. Муниципалитету пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить жителей принять этот план. Город был отстроен заново, причем облик его разительно отличался от прежнего Гавра: это был ансамбль модернистской архитектуры. С целью типизации строительства для всех сооружений был принят единый модуль – железобетонный прогон в 6,24 м, – который стал не только инженерной и планировочной, но также художественной константой города. Чтобы избежать монотонности застройки, в нее были введены высотные акценты, служащие исключительно художественным целям. Главной городской вертикалью стала церковь Св. Жозефа с башней высотой 106 м.

Следует отметить, что подобные сооружения не были редкостью в послевоенной Франции. Обычно они возводились там, где требовалось как можно скорее восстановить прежнюю функцию разрушенных зданий, но не их исторический облик. Однако нельзя отделаться от мысли, что это была своего рода «роскошь функционализма» в условиях еще сохраняющегося художественного богатства страны. Примечательно, что в наиболее ответственных местах модернистская архитектура отступала

на окраины – например при развитии Парижа в 1960–1980-х годах (район Дефанс).

О верности такого решения свидетельствует пример реконструкции пространства вокруг собора Св. Павла в Лондоне. Этот район британской столицы во время Второй мировой войны был опустошен немецкими ракетными обстрелами. Разработка в 1940–1950-х годах все новых и новых проектов восстановления сопровождалась сменой стилистических ориентиров в пользу бескомпромиссно современной архитектуры. Застройка, в скором времени окружившая собор, оказалась настолько ему чужеродной, что ни о каком «аккомпанементе», как это было во французских городах, не могло быть и речи. Благородная классическая архитектура собора вошла в резкий диссонанс с лапидарными стеклянными объемами окружающих зданий. Так было положено начало катастрофическому распаду городской среды лондонского Сити, превращению его в тот бесформенный конгломерат исторической и современной архитектуры, который он представляет ныне.

Аналогичные процессы происходили в Германии. Определенную специфику вносил раздел страны на зоны оккупации с последующим созданием на их основе двух государств – ФРГ и ГДР.

Немецкие города лежали в руинах после бомбардировок союзников и ожесточенных городских боев. Здесь также предпринимались попытки контекстного восстановления городской застройки, примером чему служит город Фройденштадт (ФРГ). Однако в первые послевоенные десятилетия такие проекты не могли быть многочисленными – слишком велики были разрушения и огромен объем предстоящих работ. В таких условиях обращение к функциональной архитектуре было естественным. Она воспринималась как знак разрыва с имперским и фашистским прошлым, как символ устремленности в будущее. С другой стороны, масштаб разрушений требовал максимального удешевления строительства. Это привело к заполнению немецких исторических городов не просто функциональной, но подчас чисто утилитарной архитектурой, причем как в Западной, так и в Восточной Германии. Ярким примером тому является застройка 1960–1970-х годов центров Кёльна (ФРГ) и Дрездена (ГДР). В зависимости от масштаба утрат она либо бесцеремонно вторгалась в историческую застройку, либо вовсе заменяла ее. В ГДР этот процесс усугублялся тем, что власти могли не учитывать мнение домовладельцев, что способствовало реализации преувеличенно масштабных градостроительных программ.

Уже в конце XX века, в период объединения Германии, стало ясно, что такой утилитарный подход убивает городскую среду. Практика

модернизации немецких городов начала подвергаться ожесточенной критике. Переломным моментом стало отклонение проекта современной застройки площади Ромерплатц во Франкурте в пользу исторически верной реконструкции фасадов зданий. Потребность возвращения к исторической архитектурной среде выразилась в ряде крупных работ 2000-х годов в Дрездене, где новые здания имитировали прежнюю беспорядочную застройку в духе «буржуазного барокко» (воссоздание площади Ноймаркт и прилегающих улиц). В сущности, это была реинкарнация контекстного восстановления городов, которое яростно отрицалось архитекторами 1960–1970-х годов.

В Польше общественное сознание очень болезненно переживало утрату исторических памятников. Не желая мириться с нею, жители предприняли смелую попытку обратить время вспять, «сделать вид», будто войны и разрушений вовсе не было. Показателен пример восстановления Варшавы. Центральная часть города – Старое Место – была разрушена примерно на 80%. Еще во время войны, в апреле 1945 года, начались работы по консервации зданий на рыночной площади Старого Места. Позднее был разработан план реконструкции города, предусматривавший его воссоздание по состоянию на XVII–XVIII века. Источниками служили довоенные обмеры и чертежи, фотографии, картины и гравюры; широко использовались уцелевшие фрагменты зданий. Реконструкция продлилась до 1962 года несмотря на экономические трудности послевоенного времени.

Результатом стало полное воссоздание довоенного облика Старого Места. Многие объекты восстанавливались с использованием старых строительных материалов, полученных при разборке зданий конца XIX – начала XX века. Такой подход в настоящее время критикуется как фальсификация. Тем не менее реконструкция центра Варшавы стала поразительным примером точного воспроизведения исторического облика утраченного города. Это не контекстное восстановление, а настоящий «прыжок в прошлое». На основе этих же принципов был реконструирован центр Гданьска.

Особым путем пошел Советский Союз. Мы не будем останавливаться на конкретных примерах восстановления: Сталинград, Киев, Минск и другие города представляют собой хрестоматийные образцы, которым посвящено немало публикаций. Постараемся отметить лишь главные отличия от восстановления городов в Западной и Восточной Европе.

Важнейшее из них – это отсутствие контекстной застройки. Одним из немногих примеров попытки воссоздания образа старого русского города является проект восстановления Новгорода архитекторов А. Щусева и В. Лаврова, где новые здания служили лишь фоном для памятников

древнерусского зодчества; но и он не был реализован. Во всех случаях строительство велось по заново создававшимся проектам в духе «сталинской неоклассики».

Согласно упрощенной точке зрения, активно поддерживающейся некоторыми современными авторами, «сталинское» восстановление городов являлось грандиозным планом монументальной пропаганды. Такой взгляд сильно упрощает проблему. Истоки «сталинских» проектов следует искать не только и не столько в официальной идеологии, сколько в общем историко-культурном контексте.

В Западной Европе ядром восстановления обычно становился компактный «старый город», включавший основные средневековые, ренессансные и барочные ансамбли. Ничего подобного не было в русских городах, историческая застройка которых обычно была весьма скромной, в значительной части деревянной, рассредоточенной на большой территории. Она не соответствовала облику современного города, не решала проблем расселения в условиях разрушений жилого фонда. Единственными крупными акцентами, оставшимися с прежних времен, являлись храмы; однако в условиях советского государства (даже с учетом официального признания Русской православной церкви в 1943 году) они не могли претендовать на центральное место в городском ландшафте. О. Перре возводил в Гавре 106-метровую церковную башню – в Сталинграде это было невозможно.

С другой стороны, образы скромной русской старины входили в непреодолимый конфликт с пафосом послевоенных лет. Народ-победитель нуждался в новой героической архитектуре – и это не было официозом. Как отмечает Ю.Л. Косенкова, советское правительство некоторое время вообще не выпускало директив относительно внешнего вида (и тем более архитектурного стиля) восстанавливаемых городов. Формирование облика новых градостроительных ансамблей было полностью отдано в руки архитекторов и инженеров, которые с искренним энтузиазмом пытались словно бы провидеть счастливое послевоенное будущее, сделать вновь проектируемые города лучше, красивее, величественнее, чем они были до войны.

В таких условиях «сталинское» восстановление городов превратилось в искусственное *создание наследия*, и даже больше – в *создание легенды*. На месте руин воздвигались преувеличенные подобию античных и ренессансных городов, которые заново конструировали историческую память. Это было не только новое будущее, это было отчасти и новое прошлое, заменяющее и вытесняющее память о неказистых деревянных городках дореволюционных времен.

Бесспорно, на фоне послевоенного разорения великолепие «сталинской» архитектуры было расточительством. Но сейчас, в начале XXI века, именно она неожиданно приняла на себя функции исторической застройки, особенно в новых промышленных городах (Норильск, Междуреченск и др.). «Сталинские» дома культуры, украшенные колоннадами и скульптурами, стали аналогами античных театров, а «сталинские» площади и проспекты – аналогами ренессансных и барочных ансамблей. Без них многие советские города были бы лишены даже подобия исторического центра – того, чем может похвастать любой населенный пункт старой

Илл. 1. «Сталинская» архитектура стала новой античностью советских городов. Вверху: Храм Адриана в Риме (II век, перестроен в XVII и XIX веках). Внизу: Дом Советов в Новгороде (1950-е, типовой проект архитекторов Н.Ф. Бровкина, М.Н. Михайлова, Л.Ю. Гальперина)

Европы. Таким образом, следует признать, что в исторической перспективе «сталинская» послевоенная архитектура была верным решением, хотя едва ли оправданным с экономической точки зрения.

Развитие этого архитектурного направления было пресечено во второй половине 1950-х годов. На смену ему пришел холодный утилитаризм хрущевского времени, экономически эффективный, но положивший начало безнадежной деградации архитектурной среды советских городов, подобно тому, как это происходило в ФРГ и ГДР.

* * *

Подводя итог, следует особо отметить, сколь разными были решения по восстановлению европейских городов в зависимости от политической, экономической и культурной ситуации. Во Франции потери были не очень велики по сравнению с другими странами. Там, где сохранялись главные достопримечательности, предпочтение отдавалось тактичной контекстной застройке. Современная архитектура не допускалась в центры исторических французских городов. Эксперименты, подобные восстановлению Гавра в формах модернистской архитектуры, были сравнительно немногочисленными и в большинстве случаев реализовывались на окраинах населенных пунктов.

В Польше тотальное разрушение важнейших исторических памятников привело к идее об их дословном восстановлении с использованием подлинных строительных материалов, что и было исполнено в 1940–1960-х годах.

В Советском Союзе восстановление велось полностью по новым проектам, которые заново конструировали художественный образ городов, создавали новую историческую память.

Каждое из рассмотренных решений было по-своему верным. Ошибкой, пожалуй, представляется лишь переоценка возможностей новой модернистской архитектуры в условиях масштабных разрушений. В некоторых случаях это привело к полному уничтожению атмосферы старых городов, их обезличиванию (лондонский Сити, города ФРГ и ГДР). В Германии многие кварталы 1960–1970-х годов были впоследствии снесены, чтобы уступить место более человеческой архитектуре, а при воссоздании исторических районов Франкфурта и Дрездена на рубеже XX–XXI веков предпочтение было отдано контекстной застройке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархин М.Г.* Город. 1945–1970. Практика, проекты, теория. М.: Стройиздат, 1974.
2. *Бунин А.В.* Градостроительство XX века в странах капиталистического мира // История градостроительного искусства. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1979. Т. 2.
3. *Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М.: УРСС, 2000.
4. *Косенкова Ю.Л.* Проектирование городов – «Памятников Победы» // Вестник «Зодчий. XXI век». Информационно-аналитический журнал. 2002. № 3 (7). С. 22–27.
5. Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века. Материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014 года. СПб.: ИПК «Берега», 2014.
6. *Раннинский Ю.В.* Реконструкция исторических городов: итоги XX столетия // Architecton. Известия высших учебных заведений. 1993. Спец. вып. С. 59–64.
7. Реконструкция городов. (Опыт зарубежных стран) / ред. Л.Н. Кулага и др. М.: Стройиздат, 1967.
8. *Щенков А.С.* Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX века: историко-культурные проблемы. М.: URSS ЛЕНАНД, 2011.

Усиченко Екатерина Романовна

НИУ «БелГУ»,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

e.usichenko@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ЧЕШСКИЙ ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СТОЛИЦЫ

Аннотация. Культура считается одной из составляющих социально-экономического развития страны. Результативность функционирования данной сферы обусловлена эффективностью стратегического планирования. Учитывая тенденцию восстановления славянского мира, будет актуальным рассмотреть чешский опыт культурной политики, исследовать специфику чешских концепций и стратегий, а также определить слабые и сильные стороны культурной политики Чешской республики. Отметим, что русскоязычных исследований данной проблематики очень мало, и они, как правило, имеют обрывочный характер. Культура многофункциональна, и поэтому стратегия ее развития зависит от того, что авторы стратегии вкладывают в это понятие. Прага, как и Чешская республика в целом, хорошо зарекомендовала себя в мировом культурном сообществе. Поэтому, чтобы сохранить конкурентоспособность, власти города ответственно подходят в культурной политике. В статье дано определение стратегического планирования, а также представлена ретроспектива культурного планирования в Праге. Прослежено изменение понимания культуры начиная от экономической возможности до основного элемента функционирования общества, проникающего в широкий круг человеческой жизни. Рассмотрена и проанализирована актуальная версия концепции культурной политики Праги. Определено доминирующее понимание культуры и выявлено влияние данного понимания на направления стратегии культурной политики Праги. Автором были найдены слабые стороны актуальной концепции, которые необходимо преодолеть для достижения поставленных целей. Учитывая действующий срок актуальной программы культурной политики Праги, делать однозначные выводы еще рано. Однако уже сейчас факт более глубокого, чем ранее, понимания культуры и необходимость выделения четких направлений работы вполне очевидны.

Ключевые слова. Культурная политика, Чешская республика, Прага, стратегическое планирование, культура, стратегии в сфере культуры, чешская культурная политика, культурное развитие.

Usichenko Ekaterina R.

Belgorod National Research University

Russia, 308015, Pobedy st., 85

e.usichenko@gmail.com

**STRATEGIC PLANNING IN THE FIELD OF CULTURE:
THE CZECH EXPERIENCE OF THE CULTURAL POLICY
OF THE CAPITAL**

Abstract: Culture is considered to be one of the components of a country's social and economic development. The effectiveness of the functioning of this area is due to the effectiveness of strategic planning. Given the tendency to restore the Slavic world, it will be relevant to consider the Czech experience of cultural policy, explore the specifics of Czech concepts and strategies, and identify the strengths and weaknesses of the cultural policy of the Czech Republic. It should be noted that there are very few Russian-language studies on this subject and they, as a rule, have a fragmentary character. Culture is multifunctional and, therefore, its development strategy depends on the understanding of culture by the authors. Prague, like the Czech Republic as a whole, has established itself well in the global cultural community. Therefore, in order to maintain competitiveness, the city authorities are responsible in their cultural policy. The article provides a definition of strategic planning, and also presents a retrospective of cultural planning in Prague. A change in the understanding of culture, ranging from economic opportunity to the basic element of the functioning of a society penetrating a wide range of human life, is traced. The author reviewed and analyzed the current version of the concept of cultural policy of Prague. The dominant understanding of culture has been determined and the influence of this understanding on the directions of the Prague cultural policy strategy has been revealed. The author found the weak points of the current concept that must be overcome to achieve the goals. Given the current period of the actual program of the cultural policy of Prague, it is still too early to draw unequivocal conclusions. However, already now the fact of a deeper understanding of culture than before and the need to identify clear areas of work are quite obvious.

Keywords. Cultural policy, Czech Republic, Prague, strategic planning, culture, cultural strategy, Czech cultural policy, cultural development.

Культура давно завоевала статус одной из составляющих социального и экономического развития, перестав быть исключительно духовной практикой. В быстроменяющемся глобализирующемся современном мире результативность функционирования этой сферы обусловлена эффективностью стратегического планирования, являющегося основой комплексного развития ее отдельных структурных элементов.

В научной литературе под стратегией понимается набор правил, которыми организация руководствуется в своей деятельности, либо направления развития, которые стремятся достичь определенных целей. Стратегии развития культуры разрабатываются во всем мире и имеют свои особенности в зависимости от страны-автора. Разумеется, для нас будет ценным опыт зарубежных коллег. Беря во внимание тенденцию восстановления межкультурных связей славянского мира, о чем свидетельствует Славянский конгресс (Прага, 8 июня 2018 года), именно опыт Чешской республики будет нам особенно интересным и полезным.

Обратим внимание на столицу, Прагу, – культурный центр в сердце Европы. Историческая часть города признана объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО и является магнитом для большого количества туристов. Город насчитывает около сотни театров, нескольких сотен выставочных пространств, еще сотни музеев и так далее. Развитие культурной политики Праги было и остается сложным перманентным процессом. Необходимость в определении общих целей культурной политики, которая затрагивает все компоненты культуры, очевидна и не вызывает сомнений.

Культура многофункциональна, и стратегия развития данной сферы зависит в первую очередь от того, что авторы вкладывают в это понятие. Чешская республика прошла большой путь в своем определении понятия культуры. До тех пор, пока не был сформулирован первый документ, посвященный исключительно культуре – Концепция культурной политики – вплоть до 2006 года мы могли наблюдать определенные отсылки и указания на стратегии культурной политики в различных документах общего развития, таких как, например, «План стратегического развития города Праги». В подобных документах отчетливо видно влияние тогдашних политических течений. Стратегические цели в области культуры до 2006 года часто ограничивались только лишь защитой культурного наследия. В целом этому периоду свойственно восприятие культуры как экономической возможности и инструмента развития туризма в стране.

Несколько позднее, в первой сформулированной Концепции культурной политики города Праги в 2006 году уже появились упоминания о том, что культура служит обществу [2]. И хотя была высказана мысль об экономических выгодах, которые несет культура, средства для ее финансирования еще не были поняты как инвестиции, скорее, как необратимые субсидии. И изменение этой позиции стало одной из ключевых задач профессиональной культурной общественности.

В феврале 2010 года была представлена новая Концепция. Документ был одобрен 3 июня 2010 года и представлял собой доработанную версию Концепции 2006 года. Концепция определяла основные принципы,

цели, инструменты, планы и приоритеты культурной политики города [2]. К приоритетам новой Стратегии были добавлены следующие пункты:

- поддержка широкого круга художественного творчества и культуры в рамках новой системы финансирования;
- развитие многоцелевого финансирования пражской культуры и искусства.

Неотъемлемой частью данной Концепции является документ «Грантовая политика г. Праги», в котором, изложены принципы и критерии грантовой поддержки культурных учреждений города. Сам факт грантовой поддержки считался и продолжает считаться одним из важнейших инструментов культурной политики города [1]. Работа над данным проектом была начата также в 2000-е годы в связи с недовольством общественности отсутствием прозрачной системы при выдаче грантов учреждениям и частным лицам в сфере культуры.

Обновленная концепция, она же актуальная и последняя на данный момент, появилась в 2016–2017 годах на период 2017–2021 годы. Здесь культура понимается как основной элемент функционирования общества, который проникает во все сферы человеческой жизни. Отмечается, что культура по-прежнему остается одним из источников экономического роста, поэтому важно инвестировать в нее с целью создания долгосрочного капитала, который сможет генерировать доход для города [2]. Таким образом, необходимость и перспективность инвестиций в культуру постепенно становится все более очевидной для авторов Концепции.

Отмечается еще одна важная особенность культуры в ее социальной функции – создавать общество, члены которого заинтересованы в участии в общественной жизни и чувствуют себя комфортно в данной среде.

Концепцией определены три направления:

1. Обеспечение высокого качества культурных услуг. В этом контексте существует необходимость создания соответствующей инфраструктуры, например концертного зала или нового здания Национальной библиотеки, а также всесторонняя поддержка национального искусства, что благоприятно скажется на укреплении международного бренда города.

2. Совершенствование и поддержка сферы культуры за пределами центра. Речь идет об улучшении качества культурной жизни, создании соответствующей инфраструктуры и поддержке инициатив местных жителей.

3. Повышение качества общественных культурных пространств. Смысл данного направления заключается в том, чтобы создать пространство для культурных мероприятий, некое место, где люди будут встречаться, чувствовать себя комфортно и хотеть вернуться. Все это должно проходить под эгидой какого-либо культурного проекта или мероприятия.

В конечном итоге ожидается повышение уровня социального единства, улучшение условий для жизни и стимулирование мотивированности/возрастающая мотивация граждан к активному участию в общественной жизни.

Для более полного понимания направлений и целей Концепции в документе предложен раздел «Видение Праги 2021», в котором описана идеальная модель города при выполнении всех целей и приоритетных направлений. Итак, Прага в 2021 году это:

- высокое качество и широкая доступность искусства и культуры;
- уважение и максимальное использование культурно-исторического наследия, но открытость к новому и экспериментам, что позволяет говорить о взаимодействии старого и нового, прошлого и современного;
- высокий уровень участия граждан в культурно-общественной жизни города и страны в целом;
- одно из наиболее популярных туристических направлений благодаря привлекательному историческому контексту и гарантией высокого качества культурных услуг [2].

В целом, несмотря на слабые стороны (концентрация туристов в исторической части города, отсутствие налаженного контакта между властью и творческой общественность), Прага хорошо зарекомендовала себя в мировом культурном сообществе. Поэтому, чтобы сохранить ее конкурентоспособность и использовать имеющийся потенциал, нужно преодолеть вышеназванные трудности. Учитывая имеющуюся актуальную программу развития, завершение которой нам только предстоит увидеть, говорить о состоятельности данной концепции еще рано. Однако факт большой работы и более углубленного понимания культуры и необходимых ей направлений работы вполне очевиден. И на данный период времени мы можем только сторонне наблюдать за реализацией новой Стратегии и получать некоторые уроки из опыта наших зарубежных коллег.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grantová politika hlavního města Prahy v oblasti kultury a umění // Portál Culturenet. URL: <http://www.culturenet.cz/res/data/002/000300.pdf> (дата обращения 13.10.2018).
2. Koncepce kulturní politiky hl.m. Prahy // Odbor kultury a cestovního ruchu je odborem Magistrátu HMP. URL: http://kultura.praha.eu/jnp/cz/dokumenty/ostatni/koncepce_kulturni_politiky_hl_m_prahy_1.html (дата обращения 13.10.2018).

Матвеева Наталья Юрьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Психология, социология, государственное
и муниципальное управление» Гуманитарного института
Российского университета транспорта РУТ (МИИТ),
127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9
pmatveyev@yandex.ru

СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРИМЕР КАТАЛОНИИ

Работа выполнена при поддержке РФФИ: проект № 19-011-00608 А
«Противостояние между Испанией и Каталонией:
социокультурные смыслы участников»

Аннотация. В статье проводится анализ культурной политики Каталонии с точки зрения ее смыслового содержания. Проводится мысль о том, что культурная политика должна быть ориентирована на некоторые смысловые и ценностные основы. Важным понятием, соотносимым с разработкой культурной политики, согласно исследованию, является понятие социокультурной идентичности сообщества. Рассматриваются предпосылки культурной политики, заложенные в условиях исторического формирования каталонской идентичности. Анализируются ценностные ориентиры развития культуры, изложенные в «Статуте автономии Каталонии» 2006 года, а также смысловое содержание некоторых культурных обычаев и традиций. Представлены результаты проведения эмпирического исследования направлений культурной политики Каталонии, проведенного при помощи видео и аудио контент-анализа информационно-новостной программы на английском языке «Каталан ньюс». Делаются выводы о том, что культурная политика современной Каталонии включает в себе четкие идеи и ориентиры, направленные на сохранение культурных обычаев и традиций. При этом культурная политика не только не ограничивает новое творчество, но относится к нему поощрительно. Анализ смыслов культурной политики автономии позволяет также сделать вывод о том, что смыслы социальной солидарности и единства сообщества находятся в ее центре, объединяя разные виды творчества. В результате происходит формирование смысловой среды, объединяющей людей, придающей им уверенность и чувство сопричастности друг другу. Проведенное исследование позволяет предположить, что формирование идентичности сообщества при помощи

культурной политики является относительно новой тенденцией, в отличие от способов формирования коллективной идентичности, основанных на смыслах более авторитарно-предписывающего характера, таких как религиозная или государственная идентичность.

Ключевые слова. Культура, Каталония, Статут Автономии Каталонии, язык, смыслы культуры, культурная политика, социальная идентичность, социальная солидарность.

Matveeva Natalia Y.

PhD

Associated Professor of Psychology, Sociology,
State and Municipal Management Department, Humanitarian Institution
of Russian Transport University RUT (MIIT),
127994, Obrazsova St. 9/9, Moscow, Russia
pmatveyev@yandex.ru

MEANING BASICS OF CULTURAL POLICY: THE CASE OF CATALONIA

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-011-00608 A:

«Confrontation between Spain and Catalonia: sociocultural meanings of participants»

Abstract. Considered the cultural policy of Catalonia in terms of its meaning content. The idea is being held that cultural policy should be focused on some meaning and value bases. According to the research, the sociocultural identity of the community is an important concept correlated with the development of cultural policy. Considered the assumptions of cultural policy underlying in the context of Catalan identity historical formation. Analyzed the values of cultural development set forth in the 2006 Statute of Autonomy of Catalonia, as well as the meaning content of certain cultural customs and traditions. The results of an empirical study of the directions of the cultural policy of Catalonia, conducted on the video and audio content of the news program in English «Catalan News», are presented. It is concluded that the cultural policy of modern Catalonia contains clear ideas and guidelines aimed at preserving cultural customs and traditions. At the same time, cultural policy while doesn't limit new creativity, but encourages it. An analysis of the meanings of the cultural policy of autonomy also allows us to conclude that the meaning of social solidarity and unity of the community at its center unites various types of creativity. The result is the formation of a meaning environment that unites people, giving them confidence and a sense of belonging to each other. The study suggests that the formation of group identity through cultural policy is a relatively new trend, in contrast to the ways of forming collective identity, based on the sense of a more authoritarian-prescriptive nature, such as religious or state identity.

Keywords. Culture, Catalonia, Statute of Autonomy of Catalonia, language, cultural meanings, cultural policy, social identity, social solidarity.

ВВЕДЕНИЕ

Культурную политику можно определить, как теорию и практику управления обществом в сфере социальных смыслов и ценностей. Эта сфера, будучи относительно автономной, имеет особое положение в жизни общества. Вместе с тем она является наиболее чуткой и уязвимой. Поэтому культурная политика обычно стоит перед дилеммой: влиять на развитие культуры в определенном отношении или предоставить культурной сфере полную самостоятельность. Однако второй вариант, по-видимому, в реальности неосуществим. В современных обществах социальное управление всеми сферами жизни стало неотъемлемой частью социального развития. А любое управление должно быть основано на каких-то идеях, достигать определенных целей. Тем не менее культура и ее развитие не могут быть средством для иных целей, находящихся вне сферы культуры в непосредственном смысле этого слова, то есть сферы социальных смыслов и ценностей. Цели культурной политики должны быть направлены на создание благоприятных условий для развития культуры. Однако, будучи очевидным на первый взгляд, это утверждение содержит в себе неопределенность.

Дело в том, что культурная политика, заявляющая, что ее целью является просто поддержка и развитие культуры, по сути, является бессодержательной, поскольку такая поддержка, на самом деле, всегда осуществляется в зависимости от определенных принципов. Группами, проводящими культурную политику, выступают, как правило, не творцы культуры, а чиновники. Этим, в числе других факторов, и обуславливается необходимость ориентиров проведения культурной политики. Творец культуры создает ценности, исходя из своего внутреннего мира и свободного стремления; чиновник должен иметь внешние, объективные критерии для управления процессами в порученной ему сфере. Управляющим необходимо знать, куда, в каком направлении нужно развивать культуру, какие именно стороны этого развития поддерживать, при этом не вмешиваясь непосредственно в творческий процесс. Речь при этом идет именно о смыслах и идеях развития культуры, то есть, по сути, о целях, ориентация на которые, при правильной постановке вопроса, позволяет осуществлять управление, не вмешиваясь во внутренние процессы развития искусства и творчества.

Ориентация культурной политики на некоторые смысловые и ценностные основы не означает какого-либо ограничения культурного развития, навязывания творцам целей извне. Такого ограничения необходимо избегать, понимая бесперспективность искусственных попыток измерять достижения культуры тем или иными «прокрустовым ложем», в которое

она никогда не может быть загнана по самому своему характеру, определяющемуся, в первую очередь, потребностями развития свободного человеческого духа. Ведь именно ограничения, накладываемые на культурное развитие страны Советов, стали причиной отставания в некоторых важных сферах культурного развития, несмотря на ее очевидные достижения. Нельзя было исполнять рок-музыку – и рок-музыка стала культурным проявлением идеологического кризиса молодого поколения советских людей; нельзя было рассуждать о религии – и духовная потребность в освоении невидимого мира привела к увлечению гороскопами, экстрасенсами, гадалками, и т.д.

Иными словами, не ограничивая культурное развитие какими-либо рамками, необходимо иметь ориентиры этого развития, его цели, причем цели достаточно определенные и конкретные для того, чтобы управленческие организации, фонды и общественные культурные инициативы имели возможность вести последовательную, осмысленную, грамотную работу в этой сложной сфере общественной жизни. Примеры такой культурной политики имеются в разных странах мира, причем самым близким нам примером является тот же Советский Союз, в котором проводилась абсолютно четкая культурная политика, принесшая уникальные результаты: всем нам хорошо известное советское песенное творчество, великолепный кинематограф, уникальную мультипликацию, развитие театрального и оперного искусства, замечательную архитектуру и скульптуру, литературное творчество высочайшего класса, и т.д. Возможно, многие задавались и сейчас задаются вопросом – куда исчезла способность народа создавать и, что также немаловажно, воспринимать достижения культуры на таком же высоком уровне? Как спустя 30 лет развития новой России мы можем снова войти в число лидеров мировой культуры, а не испытывать ностальгическую гордость за любовь японцев к нашему Чебурашке, не находя новых, равных по силе поводов для гордости за свою культуру?

Не всегда ответы на критически важные вопросы приходят от ведущих мировых держав. «Дух дышит, где хочет»; порой мировым лидерам стоит поучиться у небольших народов. Здесь будет рассмотрена культурная политика современной Каталонии, заключающая в себе четкие идеи и ориентиры, но при этом открытая всему новому.

Предпосылки культурной политики Каталонии

Каталонцы, хотя и считаются частью испанской нации, имеют четкое ощущение своего отличия от остальной ее части. Их идентичность формировалась веками под влиянием, с одной стороны, конкуренции

и соперничества с кастильским центром страны, с другой стороны, давления этого самого центра. В этих условиях Каталония никогда не чувствовала себя «окраиной» страны. Напротив, условия ее геополитического расположения позволяли почувствовать себя в центре, между Испанией и Францией, двумя великими европейскими державами. Каталонский язык впитал многое из испанского и французского языков, в то же время не являясь «гибридным», а имея самостоятельную основу. Столица Каталонии – Барселона – не только не уступала Мадриду по своему развитию, но и, будучи портовым городом, позволяла населению быть более открытым внешнему миру.

Казалось бы, практически идеальные географические условия, тем не менее, были не такими уж простыми, как может показаться. Земля Каталонии не является плодородной или богатой полезными ископаемыми (как, скажем, земля Андалузии), значительная часть территории покрыта скалами и горами. Однако трудности не повредили каталонскому характеру: жители этой земли, не имея власти в стране или возможностей для колонизации других народов, все свои силы отдали производительному труду. «Каталония – это оазис Пиренейского полуострова, – писал русский путешественник В.И. Немирович-Данченко. – Она сумела голые скалы обратить в сады и заваленные камнями долины покрыть фабриками и заводами. Французская предприимчивость ничто в сравнении с каталонской» [1, 480]. Так, в постоянной оппозиции власть имущему мадридскому центру, в «окраинной», с точки зрения испанской централизации, Каталонии, сформировался трудолюбивый народ, склонный к независимости и взаимной поддержке, привыкший к особому рода мирному сопротивлению власти и держащийся особняком в общем испанском государстве, при этом общительный и открытый миру.

Эти начала национального характера отражаются на тенденциях развития каталонской культуры, имеющих четкие черты, в основе которых лежат определенные стремления и ценности. Культурная политика автономного сообщества, основы которой заложены в особом документе – Статуте (Уставе) Каталонии, принятом в 2006 году, подчеркивает эти стремления и ценности, укорененные в народном характере и опыте поколений. Рассмотрим некоторые важные положения этого документа, относящиеся к культурной политике.

С первых слов в нем говорится о том, что строительство Каталонии «базировалось на традициях и культурах народов, нашедших здесь приют», то есть прямо указывается на значение культурных основ единства данного региона [2, 9]. Далее разъясняется, что облик страны определяется многообразием народов, проживающих на ее территории, и это

многообразие составляет ее богатство. Интегрированность же каталонского общества определяется его стремлением идти по пути прогресса, готовностью работать, предприимчивостью и инициативой, то есть качествами, не привязанными к какой-либо конкретной культурной традиции. При этом признается важность каталонского языка и культуры, знаний и образования, а также гуманистических, мирных традиций данного общества.

Нельзя не сказать о том, что языковая политика является очень важной частью культурной политики Каталонии. В Статуте указывается, что на территории Каталонии признаются официальными три языка – каталонский, испанский и окситанский (аранский). При этом, хотя все граждане Каталонии (а это является, согласно документу, политическим статусом людей, проживающих на территории автономии) имеют право использовать эти языки, в том числе в официальных инстанциях, они обязаны знать два первых языка. Более того, признается предпочтительность использования каталонского языка в работе органов общественного управления и средствах массовой информации, он выступает основным языком, используемым в образовательной системе. Кроме того, проводится политика продвижения каталонского языка на международном уровне. Так, статья 6 п. 3 Статута гласит, что «Женералитет и Государство должны предпринимать меры, направленные на признание официального статуса каталонского языка Европейским Союзом, а также на то, чтобы каталонский язык был представлен и использовался в работе международных организаций и применялся в рамках международных соглашений в области культуры и лингвистики».

Каталонский язык является основой взаимодействия с другими странами и народами, имеющими общие каталонские культурные корни: «Женералитет должен содействовать распространению связей и сотрудничества с другими сообществами и другими территориальными образованиями, имеющими с Каталонией общее языковое достояние. Для этого Женералитет и Государство могут заключать соглашения, договоры и устанавливать другие механизмы сотрудничества, направленные на распространение и использования каталонского языка за рубежом» (статья 6, п. 4). Следует отметить, что целая глава Статута (глава III «Права и обязанности в языковой сфере», включающая статьи 32–36), а также еще несколько статей Статута относятся к теме каталонского языка (например статья 50 «Развитие и распространение каталонского языка»).

Кроме статей, относящихся к использованию и продвижению каталонского языка, еще две статьи Статута – 12 и 13 – отдельно оговаривают содействие в области культурного обмена и сотрудничества с любыми

сообществами и территориями, имеющими культурно-исторические связи с Каталонией, а также вопросы поддержки каталонских общин за рубежом. Следует отметить, что все эти статьи и оговоренные в них моменты культурного взаимодействия и сотрудничества имеют реальное воплощение на практике, а не являются лишь декларативными заявлениями. Так, общественные организации, содействующие развитию каталонской культуры, например «Омниум Културал», имеют многочисленных членов в разных странах. Организация под названием «Международная Национальная Ассамблея Каталонии» («ANC International»), объединяющая каталонские общины по всему миру, имеет в своем составе подразделения в США, Австралии, Англии, Аргентине, Бразилии, Германии, Италии, Люксембурге, Франции, Швеции, Швейцарии, Нидерландах, Норвегии, Латвии, Польше, Израиле, Чили и в некоторых других странах и регионах, а также в отдельных городах мира¹. Еще одной подобной организацией является «Каталанская зарубежная ассамблея» («Catalan Assembly»), имеющая своей целью предоставить канал продвижения мнений каталонцев за рубежом.

В главе II «Вопросы компетенции» (статья 127 «Культура») говорится, что Женералитет Каталонии обладает исключительными полномочиями в сфере культуры (это подразумевает, например, исключительное право на выдачу лицензий и идентификационных кодов, классификацию кинофильмов с учетом возраста зрительской аудитории, строительство и управление объектами культуры, расположенными на территории Каталонии, инспектирование и реставрацию объектов культурного наследия, управление юридическим статусом музеев, библиотек, библиографических и культурных ценностей, в них расположенных, и т.д.). Отдельно оговаривается порядок взаимоотношений испанского государства и Женералитета в сфере культуры. В целом, нельзя не согласиться с мнением о том, что Статут направлен на закрепление определенных приоритетных ценностей Каталонии [3, 20].

Достаточно четкие ориентиры развития, в том числе культурного, заявленные в Статуте автономии Каталонии, конечно, сформировались не случайно. Одним из важных источников этих ориентиров было движение за возрождение каталонской нации, возникшее в XIX веке, другим – стремление к демократизации и европеизации, охватившее Испанию после смерти диктатора Ф. Франко. Но и в этом стремлении, общем для

¹ ASSEMBLEA NACIONAL CATALANA INTERNATIONAL. International Assemblies. URL: <https://int.assemblea.cat/international-assemblies/> (дата обращения 27.02.19).

всей страны, Каталония нашла свои собственные акценты. Одним из них, например, является неприятие королевской власти как наследия Франко (именно по завещанию Франко главой Испании становился король из династии Бурбонов – династии, с которой у каталонцев ассоциируется окончательное лишение независимости после «войны жнецов» и падения Барселоны в 1652 году¹.

СМЫСЛЫ И ИДЕИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАТАЛОНИИ

Культурная политика Каталонии неразрывно связана с формированием и утверждением национальной идентичности каталонского общества. Этот процесс направлен на формирование смысловой среды, объединяющей людей, придающей им уверенность в их сопричастности друг другу. Необходимо отметить, что формирование идентичности сообщества, основанной на культуре, является относительно новой тенденцией, в отличие от способов формирования коллективной идентичности, основанных на смыслах более авторитарно-предписывающего характера, таких как религиозная или государственная идентичность. Некоторые исследователи проводят наблюдения и делают выводы о том, что «культура локальных сообществ содержит в себе мощные ресурсы для идентичности. Их сущность заключается в обеспечении индивида базовыми социальными и культурными ориентирами, заложенными в социальном опыте и традициях» [4, 552]. Но современная культура, конечно, основывается не только на традициях, но и на активном поиске нового, творчестве, развивающемся в разнообразных направлениях. Каталонская культурная политика не только учитывает это, но и всячески поощряет поиск новых культурных форм. Таким образом, формирование коллективной идентичности происходит без намеренных ограничений или искусственно создаваемых установок культурного характера. Исследование культурной политики Каталонии, основы которой были заложены еще в период возрождения каталонской культуры в XIX веке, показывает, что смыслы коллективной идентичности, формируемой на культурной основе, ведут к положительным результатам в развитии общества.

Целью культурной политики Каталонии является демонстрация наличия уникальной культуры каталонского народа, не только отличной от культуры Испании, но и представляющей ценность для всего

¹ Серадорское восстание. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1> (дата обращения 02.03.19).

мира. Для этого культурная политика включает в себе следующие смыслы, которые демонстрируются на многочисленных культурных образцах:

1. Направленность на ценности мира. Так, например, знаменитая каталонская «Песня птиц» в обработке известного каталонского виолончелиста Пау Казалса является международно признанным «гимном мира», а ООН присудила музыканту медаль Мира [5, 142]; девиз организации «Омниум Културал» – «язык, культура, мир».

2. Народное единство. Смыслы народного единства, отраженные в культурных традициях, лучше всего демонстрируются в уникальном обычае строить «человеческие башни», о чем будет сказано ниже. Эти смыслы также воплощены в национальном танце «Сардана», представляющем собой вид хоровода.

3. Древность, исторические корни, народность, укорененность в национальных традициях. Эти смыслы демонстрируются «огненными традициями», включенными в разнообразные празднования; большим вниманием, уделяемым археологическим исследованиям; вниманием к сельским и ремесленным традициям; любовью к уличным шествиям и карнавалам (впрочем, общей для всей Испании).

4. Уникальность и своеобразие. Акцент на этих смыслах воплощается в разнообразных видах культурного творчества, от уже упомянутых «человеческих башен» до живописи и архитектуры (шедевры знаменитого А. Гауди).

5. Открытость миру, традициям других стран и народов. Например, каталонцы с удовольствием устраивают карнавал по случаю китайского Нового года, приглашают зарубежных исполнителей, а в их крупнейшем парке развлечений «Порт Аventura» тематические зоны разделены по странам и культурам.

6. Понимание каталонской культуры как органической части культуры Европы. Об этом говорят многочисленные художественные, фото, арт-выставки как каталонских, так и зарубежных авторов, книжные выставки, концерты, кинофестивали.

Среди культурных обычаев и традиций Каталонии, наиболее всего ассоциированных с национальным менталитетом, выделяется обычай строить «человеческие башни» («Castells»). Часто это захватывающее зрелище устраивается на исторических местах, перед соборами, на известных площадях, что еще более усиливает национально-исторический колорит.

Этот обычай возник как уличное представление в Террагоне в XVIII веке и, в свою очередь, восходит к еще более древним валенсийским танцам

«Муишеранга» (*moixigangues*)¹. С возникновением в XIX веке движения, направленного на возрождение национальной культуры, он стал крепнуть и развиваться. Теперь это уже символ каталанской национальной идентичности. Представления, во время которых происходит строительство «человеческих башен», проходят каждую неделю в разных частях страны и за ее пределами. Так, летом 2018 года Каталония представляла свою культуру на американском фестивале народных культур в Вашингтоне. «Кастельс», как всегда, были центром программы. Ежегодно в Терагоне проходит большой фестиваль, посвященный данному представлению, исполняемому в форме своего рода соревнования между разными командами. Этот фестиваль является крупным событием культурной жизни региона.

Важна смысловая насыщенность данного обычая. Он символизирует, прежде всего, народное единство и устремленность к общей цели. Здесь нет «я», только «мы». Каждый помогает другому. Он дает участникам и зрителям чувство общности, социальной сплоченности и солидарности. Этот символизм легко понятен даже малознакомым с народом Каталонии людям. Ведь чтобы построить «человеческую башню», необходимо слить воедино в прямом смысле слова силы, руки и тела множества людей. Единство, достигаемое трудом и силой, возносящее ввысь народный дух, – таковы символические коннотации этого обычая. Возраст участников колеблется от 6 до 70 лет, то есть все возрасты объединены общей целью, ни один не исключен. Представления сопровождаются пением национального гимна, исполнением национальной музыки. Чем больше участников и зрителей, тем более сильные эмоции, буквально захлестывающие одновременно как зрителей, так и участников соревнований, возникают во время выполнения этой сложной задачи. Не лишним будет сказать, что данный обычай в 2010 году внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Смыслы народного единства передает также национальный каталонский танец «Сардана». Он представляет собой хоровод танцующих людей, в котором могут принимать участие представители всех возрастов. Хотя в Каталонии имеются профессиональные коллективы, исполняющие разнообразные виды этого танца, обычные люди тоже не боятся взяться за руки и начать танцевать на улицах и площадях во время праздников. Часто специально для этого танца музыкальные коллективы исполняют музыку, под которую и танцуют каталонцы.

¹ Castells. Cultura popular. URL: <http://lameva.barcelona.cat/culturapopular/en/festivals/human-constructions/castells> (дата обращения 01.03.19).

Каталонцы, как и другие народы Испании, очень любят карнавалы и фестивали. Фестивали бывают разного вида и проводятся они могут в разных местах – на улицах городов, за городом, в сельской местности, а также и в помещениях, обычно концертных залах. Проводится большое количество музыкальных фестивалей: фестивали классической и современной музыки (а часто и той, и другой вместе), фестивали народных традиций, включающих песни и танцы, в которых часто могут участвовать люди «с улицы», фестивали пищи и вина. Карнавалы, в отличие от фестивалей, представляют собой уличные шествия с наряженными людьми, а также большими куклами – «гигантами», изображающими, чаще всего, сказочных героев, королей и королев, а также животных. Карнавалы обычно происходят на праздники, и часто традиции, с ними связанные, уходят в глубь истории. И фестивали, и карнавалы дают народу все то же чувство единства, сопричастности, укорененности в традициях, но и – несколько неожиданно – совместного поиска нового развития. Дело в том, что фестивали и карнавалы – это не только веселье, но и свободное выражение чувств, эмоциональное слияние с разнообразными персонажами.

В этих мероприятиях, по самому их смыслу и характеру, принимают участие все категории населения и люди любого возраста, молодежь часто сидит на траве рядом с людьми более старших возрастов и детьми. Нет разделения народа, нивелируется поколенческий разрыв в системе ценностей, уменьшается и социальная дистанция между людьми. Таким образом, фестивали и карнавалы позволяют естественным образом достичь переплетения традиционной народной культуры с выступлениями современных исполнителей, а также эффекта, при котором зрители чувствуют себя участниками коллективного действия.

Национальная культурная политика Каталонии, таким образом, направлена на восстановление и развитие социокультурной идентичности нации. Усиление социокультурной идентичности должно служить сплоченности каталонцев, развитию чувства «мы». При этом каталонцы стремятся избегать культурного изоляционизма, показывая открытость к разным культурным влияниям.

В ходе исследования культурной политики Каталонии был проведен аудиовизуальный контент-анализ информационной программы на английском языке «Catalan News». Всего проанализировано 100 выпусков за 6 месяцев 2018 года (апрель, июль, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь). Сюжеты были разделены на 19 тематических единиц преимущественно по видам творчества или характеру проведения (уличные фестивали, концерты, выставки, архитектура, национальные танцы, и т.д.). «Сюжет» рассматривался как упоминание с визуальной демонстрацией любой

длительности (обычно от нескольких секунд до 1 минуты, так как продолжительность целого выпуска программы варьируется от 6 до 10 минут, при этом часть программы, уделяемая культурным событиям, продолжается не более 3-х минут). В каждом выпуске программы обычно демонстрируется от 1 до 3-х основных сюжетов на культурную тематику, которые иногда распадаются на подсюжеты (например сюжет, фиксируемый как «уличные фестивали» может включать в себя подсюжеты «кастельс», «национальные танцы» и «мероприятия для детей»). Такие подсюжеты фиксировались в качестве отдельных единиц в том случае, если происходила демонстрация видеоматериалов по ним. Результаты эмпирического исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Представленность культурных мероприятий Каталонии в программе новостей «Каталан ньюс» за период с апреля по декабрь 2018 года

№	Тематика или вид мероприятий	Количество сюжетов
1.	Выставки (фото, арт, предметы старины и т.п., кроме живописи)	21
2.	Огненные традиции, другие национальные традиции и праздники	18
3.	Современная музыка	14
4.	Живопись	14
5.	Театр, опера, балет	14
6.	Кино, телевидение	13
7.	Музыкальные фестивали	12
8.	Уличные фестивали	12
9.	Книги, литература, язык	12
10.	Архитектура, скульптура	11
11.	Классическая музыка	10
12.	Ремесла, реставрация, археология	10
13.	Мероприятия для детей	9
14.	Сельскохозяйственные праздники и крестьянские традиции, обычаи	8
15.	«Кастельс» («человеческие башни»)	7
16.	Цирковые и акробатические представления	7
17.	Музеи	7
18.	Церковь, религиозные праздники	4
19.	Граффити	3
	Всего сюжетов	204

Контент-анализ показал, что культурная политика Каталонии имеет характер, сбалансированный по видам творчества. Уделяется внимание различным аспектам культуры, культурным событиям. Например, сюжеты о концертах классической музыки лишь немного уступают сюжетам о концертах и исполнителях современной музыки. Большинство культурных событий рассчитано на массовую аудиторию, причем обычно на разные поколения. Уделяется специальное внимание детям. Все это говорит о том, что культуре придается важное значение как системе, объединяющей общество и народ, сохраняющей традиции как живую часть национальной жизни и источник самоидентификации людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что культурная политика Каталонии направлена, прежде всего, на формирование и поддержание социокультурной идентичности сообщества. При этом такое формирование происходит относительно новым способом, в основе которого лежит именно активно воспроизводящаяся культура, а не государственность или религия. Смыслы поддержания социальной солидарности и взаимной поддержки являются центром культурной политики. Бережное отношение к каталонскому языку и традициям, как основам культуры сочетается с открытостью всему новому и взаимодействием с культурами других народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Немирович-Данченко В.И.* Очерки Испании. Из путевых воспоминаний. М.: Изд. Е. Гербек, 1888.
2. Устав Автономии Каталонии. Женералитет Каталонии. 2006 // URL: <https://www.parlament.cat/document/cataleg/150268.pdf> (дата обращения 27.02.19).
3. *Саура Ж.* Равенство – это не единообразие // Испания – Каталония. Империя и реальность (сб. ст.) / Перевод, составление и предисловие Елены Висенс. М.: REGNUM, 2007. с. 20–22.
4. *Королева А.А.* К вопросу о культурной идентичности Испании: дуэнде и тенденции сепаратизма // Ибероамериканские тетради. Cuadernos Iberoamericanos. Январь – июнь 2013 года. М.: МГИМО–Университет, 2013. Вып. 1.
5. *Ломовский Е.* Сардана для виолончели и народа // Наука и жизнь. 2018. № 4.

Ляшев Константин Константинович

Президент Украинского Гуманитарного Фонда
Киев, Украина
konstantin.lyashev@gmail.com

Христофорова Ольга Витальевна

кандидат социологических наук,
директор социологических программ
Украинского Гуманитарного Фонда,
Киев, Украина
o.khristoforova@gmail.com

**ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ
НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В статье предлагается посмотреть на вопросы культурной политики и социальной идентификации населения через призму национальных опросов общественного мнения. В качестве источника информации мы используем результаты всеукраинского социологического мониторинга «Украинское общество» (Институт социологии НАНУ). Ценность данных заключается во временном охвате: мониторинг проводится ежегодно с 1992 года и касается всех сфер общественной жизни Украины, что позволяет проследить динамику значимых социальных процессов и явлений. Также в статье используются данные всеукраинского опроса общественного мнения КМИС (сентябрь 2018). В рамках темы исследования «Основы культурной политики» интересными видятся эмпирические срезы, посвященные проблеме «культуры участия» («participatory culture») как формы свободного, активного, осознанного участия населения в культурных и социальных процессах общества (схожий концепт «*vita activa*» был предложен философом Ханной Арендт); степени доверия к институтам, отвечающим за стратегию и реализацию культурной политики. Традиционно в анкетном инструментарии мониторинга Института социологии используется шкала социальной дистанции Э. Богардуса относительно близости (или отчужденности) основных этнических групп в украинском обществе, что дает возможность проследить структуру и динамику отношения к представителям разных национальностей. Также в контексте вопросов культурной идентификации

познавательными являются эмпирические срезы, посвященные выбору культурных форм досуга и посещению заведений культуры и искусства.

Ключевые слова. Культурная политика, опросы общественного мнения, доверие населения к социальным институтам, шкала социальной дистанции Богардуса, формы культурного досуга.

Lyashev Konstantin K.

President of the Ukrainian Humanitarian Fund,
Kiev, Ukraine
konstantin.lyashev@gmail.com

Khristoforova Olga V.

PhD in Sociology
Director of sociological programs, Ukrainian Humanitarian Fund,
Kiev, Ukraine
o.khristoforova@gmail.com

ISSUES OF CULTURAL POLICY IN CONDITIONS OF SOCIAL DEFORMATIONS: THE EXAMPLE OF MODERN UKRAINIAN SOCIETY

Abstract. The article proposes to look at issues of cultural policy and social identification of the population through the prism of national opinion polls. As a source of information we use the results of the all-Ukrainian sociological monitoring «Ukrainian Society» (Institute of Sociology, NASU). The value of the data lies in the time coverage – the monitoring has been conducted annually since 1992 and covers all spheres of public life in Ukraine, which allows us to trace the dynamics of significant social processes and phenomena. The article also uses the data of the All-Ukrainian public opinion poll (KIIS, September 2018). Within the research theme «Basics of Cultural Policy» the problem of participatory culture as a form of free, active, informed public participation in cultural and social processes of society (the similar concept «vita active» was proposed by the philosopher Hannah Arendt) being considered. Also the degree of trust in the cultural policy institutions is interesting. Traditionally, the social distance Bogardus scale, regarding the proximity (or alienation) of the main ethnic groups in Ukrainian society, is used in personal monitoring tools, which makes it possible to trace the structure and dynamics of attitudes towards people of different nationalities. Also in the context of issues of cultural identification, cognitive are the empirical sections devoted to the choice of cultural forms of leisure and visiting cultural and art institutions.

Keywords. Cultural policy, public opinion polls, public trust in social institutions, social distance Bogardus scale, forms of cultural leisure

Понятие «культурная политика» обладает междисциплинарным статусом и на сегодняшний день, как отмечают исследователи в этой области, содержательно недостаточно определено [1]. Находясь в плоскости взаимоотношения государства и культуры, проблемы культурной политики попадают в поле внимания социологии, политологии, культурологии, экономики, искусствоведения и других дисциплин. И в зависимости от предмета исследования угол рассмотрения культурной политики может смещаться. Например, в случае социологии культуры акцент может делаться на последствиях влияния политики на культуру, а в случае социологии политики или политических наук, наоборот – культуры на политику [1]. Искусствоведение же интересуется вопросами культурной политики в той степени, в которой они касаются сферы влияния политики на институты искусства и социальные действия государства, властных структур в этой области.

Интересное наблюдение высказано социологом Л.Г. Николаенко: «... культурную политику могут определять две взаимоисключающие стратегические цели. Согласно с первой, культурная политика может быть направлена на достижение социальной стабильности путем интеграции общества при помощи высокой меры согласия в нормах и ценностях. В таких случаях социальные процессы могут быть саморегулированными. В другом случае социальная стабильность достигается при помощи механизмов социального контроля со стороны властных структур. Культурная политика в таких условиях задает социальной системе лишь отдельные функции, которые обеспечивают ей возможность гасить конфликты, не решая их принципиально. А это в значительной мере может быть обеспечено лишь так называемыми гуманитарными технологиями, то есть технологиями влияния на духовную культуру людей» [2, 86]. Руководствуясь данным определением, достаточно легко рассмотреть, какой характер носят действия государства в области культуры: интеграционный или же контролирующий? В рамках последнего, с позиции Л.Г. Николаенко, «культурную политику, или политику в сфере культуры, можно определить как систему политических действий социальных субъектов, направленных на то, чтобы нормы, ценности и образцы поведения определенной социальной группы превратить в доминирующие и тем заставить других действовать в соответствии с ними» [1, 117].

Ссылаясь на вышеизложенное, можем отметить, что проблема культурной политики намного шире, чем могло бы показаться, и с социологической точки зрения предполагает анализ с позиции социальной структуры общества, а следовательно, включение в рассмотрение групповой, ценностной и институциональной ее составляющих [1]. Следуя этой логике,

нами были выбраны следующие эмпирические срезы для вторичного анализа данных социологического мониторинга. Первый срез касается степени доверия населения к социальным и политическим институтам, в том числе отвечающим за стратегию и реализацию культурной политики в обществе; второй – взаимодействия социальных групп, в данном случае этнических (как носителей той или иной культуры) и третий – ценностный. Ценностный уровень мы попытались рассмотреть через показатели выбора форм досуга, степень внимания населения к сфере культуры и искусства и участия в культурной жизни общества.

ДОВЕРИЕ НАСЕЛЕНИЯ К СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ

Анализ показателей доверия населения Украины к социальным и политическим институтам¹ на протяжении всего периода государственной независимости дает возможность зафиксировать интересные тенденции. Во-первых, стабильно низким сохранялся уровень доверия к институтам государственной власти; во-вторых, выше уровень доверия наблюдался к «ближнему кругу»: родственникам, соседям, коллегам и негосударственным структурам (например общественным организациям, церкви); и, в-третьих, – отсутствие высокого показателя доверия к социальным институтам в целом. Этот феномен был емко охарактеризован украинскими социологами при помощи концепта «общество без доверия» [3]. После событий 2013–2014 годов недоверие к социальным и политическим институтам стабильно удерживается на высоком уровне [4, 230]. В наибольшей степени не доверяют: СМИ, органам местного и государственного управления, полиции, судам, прокуратуре, правительству, президенту и Верховной Раде, политическим партиям, экономическим регуляторам – банкам и налоговым органам. Доверяют: семье и родственникам, соседям, соотечественникам, волонтерам, церкви и духовенству, ученым, фондам и общественным организациям (см. таблицу 1).

Таким образом, можем отметить, что реализация культурной политики в украинском обществе разворачивалась на фундаменте низкого уровня доверия населения к основным институтам государственного управления. Несмотря на некоторые колебания данного показателя в период «социальных ожиданий» с приходом нового президента (например тенденция небольшого роста доверия в 2005 году к президенту, Верховной Раде

¹ В мониторинге «Украинское общество» Института социологии НАНУ данный показатель фиксировался вопросом с альтернативами ответов по пятибалльной шкале: «Какой уровень Вашего доверия...?».

Таблица 1

Индекс доверия к социальным институтам¹ [5, 464]

Я доверяю	1994	1996	1998	2000	2004	2005	2008	2010	2013	2014	2016
Семье и родственникам	4,5	4,6	4,5	4,6	4,4	4,5	4,6	4,6	4,5	4,6	4,6
Соотечественникам	3,1	3,2	3,2	3,1	–	3,4	3,4	3,4	3,4	3,4	3,5
Соседям	3,3	3,3	3,2	3,2	–	3,3	3,4	3,4	3,4	3,4	3,5
Коллегам	3,3	3,3	3,3	3,2	3,3	3,5	3,5	3,5	3,4	3,4	–
Церкви и духовенству	3,1	3,0	3,0	3,1	3,3	3,3	3,5	3,5	3,2	3,3	3,3
Астрологам	2,5	2,4	2,4	2,4	2,3	–	2,4	2,4	2,3	2,3	2,4
СМИ (телевидение, радио, газеты)	2,7	2,7	2,9	2,9	2,9	3,0	2,9	2,9	3,0	2,6	2,5
Налоговой инспекции	–	–	–	–	2,3	2,4	2,5	2,4	2,2	2,2	2,2
Милиции	2,3	2,2	2,2	2,3	2,3	2,4	2,4	2,3	2,1	–	2,2
Прокуратуре	–	–	–	–	2,4	2,4	2,4	2,3	2,0	2,2	2,0
Судам	–	–	–	–	2,4	2,4	2,4	2,3	1,9	2,2	2,0
	Кравчук		Кучма		Ющенко		Янукович	Порошенко			
Президенту	2,3	2,6	2,1	2,7	2,3	3,4	2,5	2,9	2,1	2,8	2,1
Верховной Раде	2,3	2,1	2,1	2,1	2,2	2,9	2,3	2,4	1,8	2,1	1,9
Правительству	2,3	2,3	2,1	2,4	2,3	3,1	2,4	2,6	1,9	2,4	1,9
Местным органам власти	–	–	–	–	2,5	2,7	2,5	2,5	2,2	2,5	2,5
Армии	3,2	3,1	3,0	3,1	3,1	3,1	3,0	3,0	2,6	3,1	3,1
Профсоюзам	–	–	–	–	2,6	2,7	2,6	2,5	2,5	2,4	2,6
Политическим партиям	–	2,0	2,1	2,1	2,2	2,5	2,2	2,2	2,0	1,9	1,9
Руководителям государственных предприятий	2,5	2,3	2,3	2,4	–	2,6	2,6	2,6	2,4	2,4	–

¹ Индекс доверия рассчитывался на основе среднего бала для пятибалльной шкалы, где 1 – полное недоверие и 5 – полное доверие.

Таблица 1 (окончание)

Я доверяю	1994	1996	1998	2000	2004	2005	2008	2010	2013	2014	2016
Частным предпринимателям	2,4	2,4	2,4	2,5	–	2,6	2,7	2,6	2,5	2,6	–
Банкам	–	–	–	–	2,3	2,5	2,6	2,1	2,2	2,2	2,0
Страховым компаниям	–	–	–	–	2,1	2,2	2,3	2,0	2,1	2,1	–
Благотворительным фондам, общественным организациям	–	–	–	–	2,4	2,4	2,6	2,5	2,6	2,5	2,9
Ученым Украины (НАН)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3,3
Волонтерам	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3,4

и правительству в последующем сменялась тенденцией на его снижение). Интересным видится факт того, что на фоне недоверия к СМИ просмотр телепередач является одной из основных форм досуга населения (с 1994 по 2016 годы в диапазоне от 70 до 80% опрошенных в свободное от основной и домашней работы время выбирают просмотр телепередач) [5, 490]. Следует отметить еще один показатель – степень вовлеченности в общественные и политические процессы: с 1994 по 2016 годы больше 80% опрошенных отмечает, что не принадлежит ни к одной из общественных и политических организаций [5, 432].

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Традиционно в мониторинге общественного мнения Института социологии для измерения отношения населения к представителям разных этнических групп и национальностей используется шкала социальной дистанции американского социолога Э. Богардуса (адаптированная Н. Паниной). С точки зрения вопросов культурной политики, данный индикатор дает возможность посмотреть, какие настроения формируются в обществе в плоскости межкультурного диалога и взаимодействия. Вопрос в анкете формулировался следующим образом: «Относительно

Таблица 2

Шкала социальной дистанции: отношение к русским [5, 471]

Я согласен допустить русских как	1992	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2010	2012	2014	2016
1. Членов моей семьи	40,6	46,7	55,3	55,9	51,6	27,5	32,3	29,9	29,9	29,9	24,8	25,4	18,7	10,9
2. Близких друзей	22,8	17,5	18,7	19,1	19,9	16,4	17,5	18,6	19,3	20,2	19,4	18,6	12,0	9,6
3. Соседей	9,7	4,0	6,7	5,5	6,3	10,0	10,2	13,6	9,8	13,1	13,7	13,1	8,6	15,8
4. Коллег по работе	3,2	1,8	1,9	1,9	2,8	4,7	4,6	5,8	4,7	4,6	4,6	5,0	4,0	6,0
5. Жителей Украины	10,2	10,7	7,0	7,8	7,7	20,3	19,7	20,7	16,5	18,1	20,3	18,7	13,8	10,6
6. Посетителей Украины, туристов	7,1	4,9	4,6	4,1	7,7	14,4	11,7	10,9	17,1	11,4	13,7	15,1	26,0	26,4
7. Вообще не пускал бы в Украину	1,8	1,8	1,8	1,5	2,0	3,9	2,7	1,9	2,7	2,1	2,9	3,2	16,3	20,4

Таблица 3

Шкала социальной дистанции: отношение к венграм [5, 467]

Я согласен допустить венгров как	1992	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2010	2012	2014	2016
1. Членов моей семьи	8,7	7,4	8,2	7,2	5,2	2,2	1,7	2,4	1,8	1,5	2,1	1,3	1,3	2,9
2. Близких друзей	13,3	9,5	7,7	6,5	6,5	4,3	3,2	5,8	4,2	5,2	4,1	3,9	5,2	5,3
3. Соседей	16,3	8,1	6,9	7,7	7,6	7,7	8,6	12,9	9,7	13,3	12,8	11,1	13,8	17,5
4. Коллег по работе	5,2	3,0	3,6	3,3	3,3	5,1	4,2	5,4	5,6	6,2	5,1	6,4	7,7	10,7
5. Жителей Украины	14,0	18,5	20,7	20,3	16,4	14,3	16,0	15,2	14,2	14,6	15,4	16,0	16,6	9,9
6. Посетителей Украины, туристов	33,0	32,1	40,2	41,5	50,2	49,7	55,5	50,9	56,0	51,0	52,1	53,0	51,1	48,9
7. Вообще не пускал бы в Украину	3,9	5,2	7,9	8,1	8,1	13,2	8,7	6,7	8,3	7,3	7,6	7,6	3,8	4,6

каждой национальности, приведенной ниже, выберите одно из положений, наиболее близкое Вам лично, на которое Вы бы допустили представителей этой национальности...», и предлагались на выбор альтернативы из шкалы дистанции (см. таблицы 2, 3). Среди национальностей рассматривались: американцы, арабы, белорусы, венгры, грузины, евреи, крымские татары, молдаване, немцы, поляки, русские, румыны, турки, украинцы, цыгане, чеченцы. Руководствуясь заданной темой конференции, мы выбрали в качестве иллюстрации две позиции: отношение к русским и венграм.

Анализ динамики отношения позволяет отметить увеличение дистантности к представителям указанных национальностей: к русским отношение существенно меняется начиная с 2002 года и в 2014 году на фоне обострения социально-политической ситуации в стране и, можно предположить, в соответствии с транслируемой повесткой дня в рамках культурной политики. Следует уточнить, что в реальности постсоветского общества выбранный концепт «отношение к русским», как и «отношение к американцам», с нашей точки зрения, требует дополнительной интерпретации, так как содержательно эти понятия включают большой набор характеристик (кроме гражданских, еще этнические и расовые). Например, когда респондент делает суждения об американцах, возникает вопрос – какой идеальный образ американца он представляет, какова его расовая принадлежность? Говоря о русских в украинском обществе, кто имеются в виду: носители русского языка, граждане Российской Федерации или те, кто идентифицирует себя с этническими русскими? А на фоне снижения роли государства в обществе при смене технологических укладов проблемы самоидентификации населения в большой или меньшей степени присутствуют во всех постсоветских странах.

В 2018 году Киевский международный институт социологии (КМИС) представил пресс-релиз собственного всеукраинского опроса общественного мнения, где также использовалась шкала Богардуса для фиксации уровня этнических предубеждений в украинском обществе. В соответствии с результатами данного опроса, самый низкий уровень этнических предубеждений фиксируется к украинцам, далее следуют белорусы, россияне и поляки, далее с увеличением дистанции – крымские татары, канадцы, евреи, немцы и американцы; самый высокий уровень дистанции наблюдается по отношению к китайцам, африканцам, арабам и особенно высокий уровень предубеждений – к цыганам [6]. Аналитики КМИС отмечают тенденцию на возрастание уровня дистанции с 1994 года, с небольшими колебаниями (например, самым высоким за все время наблюдений он был в 2007 году, также менялся в контексте событий 2014 года). Среди

основных факторов, влияющих на уровень дистанции, исследователи выделяют: образование (чем выше образование, тем ниже уровень дистанции), тип поселения (в селе более высокий уровень дистанции, чем в городе), регион проживания, финансовый статус (чем выше уровень благосостояния, тем ниже уровень предубеждений) и возраст (с возрастом данный показатель растет) [6].

ФОРМЫ ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ И СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Интересными показателями для исследования проблем культурной политики, с нашей точки зрения, являются выбор населением форм досуга и степень вовлеченности в культурную жизнь страны. В инструментарии мониторинга Института социологии большой блок вопросов как раз посвящен этой тематике, что позволяет достаточно широко уделить внимание этой проблеме. Анализ ответов на вопрос «Ниже приведен перечень занятий людей в свободное от основной и домашней работы время. Отметьте все те из них, которыми Вы занимались хотя бы раз в течение последних 7 дней (вместе с выходными)» позволяет сделать такие обобщения. Наиболее популярными формами досуга для респондентов в течение 20 лет остаются: просмотр телепередач (72,2% опрошенных выбирают этот вид досуга в 1994 и 72,5% в 2016), просто отдых без всяких дел (42,9% и 43,6% соответственно), поход в гости (39,6% и 34,2%), прием гостей (38,2% и 32,7%), занятие с детьми (38,6% и 27,8%), посещение непродуктовых магазинов (22,9% и 24,8%), чтение газет (53,6% и 29,6%), прослушивание радиопередач (47,3% и 22,8%) и музыки (32,4% и 22,6%) [5, 488–499]. Стабильно небольшой процент среди респондентов набирают такие позиции, как «посещение театров, концертов, музеев, художественных выставок» (3,4% в 1994, 2,9% в 2005, 2,3% в 2014 и 4,7% в 2016) [5, 488–499]. Тут следует отметить, что небольшой процент выбора в качестве досуга сферы искусства не свидетельствует о низком или высоком уровне художественных потребностей в обществе, скорее иллюстрирует наличие небольшой сформированной аудитории зрителей искусства. Как неоднократно отмечали исследователи, среди аудитории искусства, которую составляет все население, только несколько процентов имеет сформированные и отрефлектированные эстетические установки и вкусы (для которых искусство является неотъемлемой частью их социального бытия); большая часть публики в своем обращении к искусству руководствуется внехудожественными и внеэстетическими потребностями. А вот существенное повышение этого показателя в 2016 году до 4,7% может свидетельствовать

о повышении интереса к сфере искусства у населения Украины в кризисный период существования общества – о поисках способов выхода из стресса и социальных противоречий через обращение к прекрасному.

Следующий интересный показатель – это финансовые расходы респондентов на сферу досуга. В течение года наибольшие траты семьи (исключая товары первой необходимости – продукты, лекарства, транспорт, коммунальные платежи) приходились: на доступ в интернет (31,4% в 2013 и 41,3% в 2016), приобретение подарков близким к праздникам и дням рождения (56,9% и 42,8% соответственно), приобретение алкогольных напитков, табачных изделий (37,5% и 31,9%). Наименьшие траты пришлось на приобретение билетов в музеи и художественные выставки (4,7% и 3,6%), билетов на концерты популярной музыки (5,9% и 3,1%), в театр и филармонию (6,3% и 5,9%) [5, 499].

Если скоррелировать показатель финансовых расходов со следующим: «Что из перечисленного мешает Вам полноценно отдыхать и развлекаться?», – то вырисовывается любопытная тенденция. Основными факторами, влияющими на полноценный отдых респондентов, являются «недостаток собственных средств» (67,2% в 2013 и 71,8% в 2016) и «высокая стоимость билетов в учреждения культуры и досуга» (25,3% в 2013 и 22,9% в 2016) [5, 492]. Напомним, что одной из значимых статей расходов остается приобретение алкогольных напитков и табачных изделий. На примере стоимости билетов в учреждения культуры и искусства в г. Киев как в 2013 году, так и в 2016 году (если речь не идет о громких театральных премьерах, гастроях известных мировых театров и исполнителей, а также выставочных экспозициях из известных мировых коллекций) можем отметить, что цена входного билета в заведения культуры и искусства сопоставима по цене со стоимостью отдельных табачных и алкогольных изделий. Следовательно, фактор «высокой стоимости билетов» – это скорее стереотип, показатель неориентированности в данном вопросе и определенного уровня эксклюзии населения из культурных процессов общества.

Еще одна интересная позиция в анкете, хорошо отражающая сложившуюся ситуацию: «Отметьте, пожалуйста, те заведения и мероприятия, которые Вы ни разу в жизни не посещали» (см. таблицу 4). По данным на 2013 год (этот год иллюстрирует стабильный период в жизни украинского общества) 47,6% респондентов никогда не посещали концерт классической музыки и джаза, 47,1% – театр оперы и балета, 34,6% – выставку живописи, скульптуры, художественной фотографии, 26,6% – драматический театр. Показатель высокий: репрезентирует практически половину населения страны, и в связи с этим возникает вопрос, скорее

риторический – насколько эффективно референтные группы (семья, школа и другие образовательные учреждения) выполняют просветительские эстетические функции?

Таблица 4

Посещение заведений и мероприятий культуры и досуга [7, 541]

Заведения и мероприятия, которые ни разу в жизни не посещали	2013
1. Музей	9,4
2. Драматический театр	26,6
3. Театр оперы и балета	47,1
4. Кинотеатр	5,6
5. Библиотека	4,9
6. Цирк	7,3
7. Выставка живописи, скульптуры, художественной фотографии	34,6
8. Эстрадный концерт (концерт популярной музыки)	19,7
9. Концерт народной (фольклорной) песни, танца	28,7
10. Концерт классической музыки, джаза	47,6
11. Во всех этих заведениях был хотя бы один раз	29,3

В то же время, при сложившейся ситуации с «доступом» к сфере культуры и искусства, респонденты отмечают важность расширения культурного кругозора и приобщения к культурным ценностям (через искусство, художественное творчество, хобби): 68,8% в 2002 году и 73,6% в 2016 году. Также ощущают потребность чаще в свободное время посещать концерты и театры (23,7% в 2013), кинотеатры (22,9%), художественные выставки и галереи (19,6%), читать художественную литературу (16,8%), заниматься хобби (прикладным творчеством, коллекционированием, 15,7%) [7, 540]. Следовательно, можем отметить противоречие потенции и энтелехии в реализации культурных и художественных потребностей населения.

В заключение отметим, что культурная политика в украинском обществе в течение всего периода институционализации украинской государственности разворачивалась на фоне низкого уровня доверия населения к институтам государственного управления, тенденциозного повышения уровня социальной дистанции к разным национальным группам, низким

уровнем вовлеченности в культурные процессы и понижением эстетических потребностей. И данный факт позволяет сделать вывод о том, что по своему содержанию культурная политика такого типа является не интеграционной, а контролирующей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ніколаєнко Л.Г.* Культура і політика (соціологічні проблеми взаємодії) (Стаття друга) // *Культура і сучасність. Альманах.* Київ, 2004. № 1. С. 115–129.
2. *Ніколаєнко Л.Г.* Структура культури як фактор визначення мети і завдань культурної політики / *Культурна політика в Україні у контексті світових трансформаційних процесів (за матеріалами міжнародної наукової конференції 12–13 грудня 2000)* // *Соціальні технології. Актуальні проблеми теорії та практики.* Київ – Запоріжжя – Одеса, 2001. № 10. С. 79–89.
3. *Общество без доверия /* Под ред. Е. Головахи, Н. Костенко, С. Макеева. Київ: Ин-т социологии НАН Украины, 2014.
4. *Костенко Н.* Недовіра до медіа: структурні та культурні порогови припустимого // *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін.* Київ: Ін-т соціології НАНУ, 2016. Вип. 3(17). С. 229–243.
5. *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін.* Київ: Ін-т соціології НАНУ, 2016. Вип. 3(17). [Додаток: таблиці моніторингового опитування «Українське суспільство –2016»]. URL: <http://i-soc.com.ua/assets/files/monitoring/dodatki2016.pdf> (дата обращения 08.08.2020).
6. *Міжетнічні упередження в Україні // Прес-релізи та звіти.* Київ: Київський міжнародний інститут соціології, 2018. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=793&page=1> (дата обращения 08.08.2020).
7. *Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг /* За ред. д.ек.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги. Київ: Інститут соціології НАН України, 2013. URL: <http://i-soc.com.ua/assets/files/monitoring/soc-mon-2013.pdf> (дата обращения 08.08.2020).

II. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

Ушкарев Александр Анатольевич

доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент,
главный научный сотрудник Отдела общей теории искусства
и культурной политики, Государственный институт искусствознания
Москва, Козицкий пер., дом 5
alush@sias.ru

ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты эмпирического исследования, целью которого стала оценка меняющейся досуговой роли и отношений человека с искусством. Опираясь на данные социологических опросов, автор анализирует тенденции изменения художественных потребностей современного общества, а также возникающие вследствие этого риски, которые заставляют культурологов говорить о кризисных явлениях в художественной культуре. Полученные результаты не только характеризуют основные черты и особенности культурного поведения публики, но и позволили сделать выводы, касающиеся диалектики общего и особенного в аудитории искусства, закономерностей культурного потребления и истоков культурной активности. Вскрыты также некоторые фундаментальные закономерности поведения человека в пространстве художественной жизни: приобщения к художественной культуре, воспроизводства аудитории искусства, культурной эволюции потребителя. Результаты исследования полностью вписываются в широкий контекст мировой практики научных исследований культуры.

Ключевые слова. Аудитория искусства, художественные потребности, предпочтения, досуговая роль и функции искусства, культурная активность, культурное потребление, мотивация.

Ushkarev Alexander A.

Federal state budget research institution State Institute for Art Studies,
Department of General Theory of Art and Cultural Policy,
senior research fellow, PhD (Arts), Associate Professor.
Kozitskiy lane, 5, Moscow, Russia,
alush@sias.ru

DYNAMICS OF ARTISTIC NEEDS: CAUSES AND CONSEQUENCES

Abstract. The article presents some results of empirical research, the purpose of which was to evaluate the changing leisure role of art in people's lives and regularities of human relations with art. Based on the data of sociological surveys, the author analyzes the tendencies of changes in the artistic needs of modern society and demanded functions of art, as well as the risks arising as a result of this, which force cultural researchers to talk about the crisis phenomena in art culture.

The obtained results not only characterize the main features and peculiarities of the cultural behavior of the public of different arts, but also allowed to draw conclusions concerning the dialectics of general and special in art audience, the patterns of cultural consumption and its sources. Some fundamental regularities of human behavior in the space of artistic life are also revealed: the process of joining the art, cultural evolution of the consumer, the art audience reproduction. The results of the research fully fit into the wide context of the world practice of scientific research of the audience of art.

Keywords. Art audience, artistic needs, preferences, leisure role of art, art functions, cultural activity, cultural consumption, motivation.

Искусство как социальный конструкт по-прежнему зависимо от своей аудитории. А ускорение социального времени делает все более очевидным тот факт, что условия бытования искусства и его социальная роль во многом определяются меняющейся системой художественных потребностей, досуговых интересов людей и спроса на культурные блага. Глобальные тренды современности – и особенно информационно-технологическая революция – способствовали беспрецедентно широкому распространению искусства и его проникновению во все сферы жизни общества. Эта актуальная тенденция миграции искусства в виртуальную и медиасреду не только несет массовизацию и обретение немислимой прежде доступности всех его видов, «становится одним из факторов превращения всего общества в публику» [1, 441], но и коренным образом меняет привычные институциональные формы существования искусства.

Культурная активность человека уже давно не ограничивается посещением спектаклей, концертов, художественных экспозиций, то есть «живыми» контактами с искусством. В новых формах потребления искусства, во многом основанных на виртуальности и независимости культурного потребления от художественного производства, оказываются разорванными традиционные связи «художник/исполнитель – зритель»,

искажаются отношения художественной реальности с действительностью, исподволь происходит «привязка искусства к обыденной жизни (искусство как фон для работы, как особая социальная оптика, как форма организации деятельности и жизни и пр.), наконец, технологизация искусства, когда оно начинает пониматься как особая технология – семиотическая, психотехническая и т.д.» [2, 307, 308]. Порой это воспринимается как кризис классического понимания искусства, которое окончательно приобрело конвенциональный характер. Неоднозначность современных тенденций в художественной сфере дает повод философам и культурологам говорить о «кризисе» художественной культуры. Аргументами становятся такие негативные процессы, как нарушение воспроизводства аудитории искусства, редукция социальной роли художественной культуры, девальвация традиционных ценностей и прочие симптомы культурной деградации.

Действительно ли речь может идти об упадке и кризисе или это лишь очередной этап развития художественной культуры, который еще не до конца осмыслен? Опираясь на предложенный немецким социологом Зильберманном принцип обоснования теоретических конструктов в области социальных наук фактами, полученными в ходе эмпирических социальных измерений [3], попробуем разобраться в причинах и следствиях происходящих на наших глазах процессов эволюции художественных потребностей общества.

Источники данных

Проведенное нами комплексное исследование художественной жизни современного общества опиралось на эмпирические данные социологических опросов двух типов: во-первых, населения, а во-вторых, посетителей учреждений культуры и искусства. Социологические опросы населения РФ проводились Государственным институтом искусствознания (ГИИ) на протяжении трех с лишним десятилетий с целью изучения отношения человека к искусству. За это время опросы были проведены в 72 населенных пунктах по единой методике при помощи анкетирования по квотной пропорциональной выборке, организованной по многоступенчатому методу [4]. В результате была составлена обширная база социологической информации, насчитывающая 7 586 наблюдений. Рассматривались практически все виды домашних и внедомашних видов досуга, в том числе контакты человека с искусством, изучалась связь культурного потребления и личностного развития, а также возможные факторы развития художественных интересов населения.

В более детальном изучении непосредственных контактов человека с искусством, закономерностей потребительского поведения, художественных предпочтений и драйверов культурной активности мы опирались на материалы социологических опросов посетителей учреждений искусства, регулярно проводимых Отделом общей теории искусства и культурной политики ГИИ начиная с 1992 года. За прошедшие годы было проведено 254 опроса зрителей в 55 театрах Москвы и других городов: Санкт-Петербурга, Перми, Краснодара, Красноярска, Магнитогорска, Якутска, Челябинска, Ярославля, Петрозаводска, Новгорода, Саратова. В результате был собран уникальный массив социологических данных, насчитывающий в общей сложности более 56 тыс. анкет.

В 2014 году программа изучения аудитории исполнительских искусств была дополнена исследованием публики концертов классической музыки. Были проведены опросы слушателей концертов цикла «Моцарт-марафон», организованного Международным фестивалем искусств «Арт-ноябрь» в четырех концертных залах Москвы. В результате анкетных опросов, проведенных по случайной выборке на 11 концертах фестиваля, было собрано 1885 пригодных к обработке анкет. Широта охвата публики и в данном случае явилась беспрецедентной, учитывая тот факт, что в нашей стране конкретно-социологические исследования аудитории концертов классической музыки в настоящее время практически не ведутся¹.

В последние годы Отдел общей теории искусства и культурной политики ГИИ распространил свои научные интересы также на проблемы социального функционирования изобразительного искусства. В рамках этого направления было проведено масштабное социологическое исследование аудитории посетителей Государственной Третьяковской галереи [5]. В ходе 13 анкетных опросов посетителей, проведенных в 2016 году на трех экспозиционных площадках ГТГ по случайной выборке, было собрано 3 715 пригодных к обработке анкет.

Столь представительные массивы социологической информации и продолжительный период наблюдений позволяют говорить о репрезентативности результатов указанных исследований публики искусства в России. Эти результаты, полностью вписываясь в широкий контекст мировой практики научных исследований аудитории искусства, не только

¹ В отечественной литературе, посвященной эмпирическим исследованиям искусства, музыкальная жизнь представлена в основном опросами населения (Ю. Фохт-Бабушкин, К. Соколов и др.). Из исследований публики последних лет, проведенных непосредственно на музыкальных концертах, наиболее актуальны работы М. Магидович и А. Рубинштейна.

характеризуют основные черты и особенности культурного поведения публики [6, 12], но и позволяют сделать выводы относительно диалектики общего и особенного в аудитории различных видов искусства, а также закономерностей культурного потребления и истоков культурной активности [13, 15].

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ

Свободное время

Один из парадоксов постиндустриального общества состоит в том, что время, высвобождаемое из трудовой деятельности, не увеличивает время досуга. Этот вывод, сделанный по результатам анализа данных социологических опросов населения [13], подтверждается также данными Института социологии РАН об использовании свободного времени [16]. Факт состоит в том, что несмотря на высвобождение времени индивидуально-свободного времени в общем бюджете времени современного работающего человека становится меньше. Происходит это потому, что реализация многих важнейших общественных потребностей – таких, например, как непрерывное образование, повышение квалификации, профессиональный рост – все чаще выступает как дело сугубо личное, и выталкивается из сферы производственной в сферу свободного времени [17]. В результате меняется структура свободного времени за счет увеличения его общественно-необходимой компоненты и сокращения собственно досуговой составляющей. Вместе с тем исследователи отмечают значительное возрастание в постиндустриальном обществе интеллектуально-психологических нагрузок на работающего человека, что требует адекватной физиологической и психологической компенсации [18], тогда как «урбанизированная среда не создает полноценной возможности для обретения человеком себя и вне производства, требуя для этого приложения сверхусилий» [17, 96].

Динамика досуговых предпочтений

Индивидуально-свободного времени в повседневной жизни современного человека оказывается все меньше, зато «претендентов» на него – все больше. Результатом этого противоречия становится изменение сущности досуговой деятельности, когда рекреационно-компенсаторное начало становится наиболее востребованной ее функцией. Те виды досуга, которые способны выполнять недостижимую в монотонной рутине повседневной жизни функцию эмоционального насыщения, отдыха, развлечения, то есть компенсаторную, приобретают для потребителя особую

актуальность и обречены стать лидерами. Логично предположить, что по мере возрастания психологических нагрузок на человека удовлетворение потребности в адекватной физиологической и психологической компенсации будет требовать все больше времени и охватывать все более широкий спектр досуговых занятий.

Это подтвердили и результаты наших исследований: динамика системы культурно-досуговых предпочтений населения за последние три десятилетия состоит в постепенном перераспределении свободного времени в пользу новых и обладающих наибольшим рекреативным потенциалом видов досуговых занятий. Сопоставление этих тенденций с условиями и факторами социально-экономической жизни страны в соответствующие периоды позволило установить общую существенную закономерность – связь изменений в досуговом поведении людей и роли искусства с кардинальными макросоциальными переменами, влекущими за собой изменения в образе и качестве жизни людей, распространение новых и изменение содержания многих традиционных видов досуга.

Несмотря на индивидуальный характер отношений человека с искусством, культурный ландшафт общества и условия существования организаций культуры и искусства определяют не отдельные индивидуальности или социальные группы, а характер массового спроса. Факты, зафиксированные социологическими опросами населения, свидетельствуют о том, что особенность массового спроса сегодня состоит в его неуклонном дрейфе к развлекательности. Развлечение, конечно, нельзя понимать исключительно как деятельность ради удовольствия, это прежде всего важнейший элемент рекреации как воспроизводства человека и его способностей. А тенденция ориентации на бездеятельный досуг является следствием глобальных социальных процессов, сопутствующих развитию постиндустриального общества, помноженных в российских условиях на стремление дистанцироваться от нормативности тоталитарного прошлого. Дополнительные условия для подобной переориентации создает индивидуализация и раскрепощение досуга, социальная реабилитация понятия личных свобод в противовес социальной детерминированности общественно-необходимого свободного времени, а также небывалое расширение зоны досуговой свободы и индивидуального выбора.

Впрочем, отсутствие необходимости соотносить социальное поведение личности с социально одобренными стандартами становится не только следствием раскрепощения личности, но и свидетельством утраты обществом идеалов и духовных ориентиров. Новая социальная реальность лишает человека прежде незыблемых морально-этических и нравственных опор, вынуждая его самостоятельно «строить свое мироздание» и искать

ответы на извечные вопросы в отсутствие объединяющих общество представлений и социальной идеологии как системы духовных критериев и ценностей.

Досуговая роль искусства

Исследование отношения человека к искусству и его досуговой роли, проведенное по материалам социологических опросов населения, убедительно показало: на протяжении трех последних десятилетий потребительские приоритеты в досуговой сфере заметно менялись под воздействием экономических, социальных и культурных процессов [13]. Базовые потребности людей, не всегда осознаваемые, но лежащие в основе их интереса к искусству и формирующие систему социально-культурных приоритетов, в условии отсутствия аксиологических критериев порождают состояние «ценностной диффузии». Социально-востребованные функции искусства в массовом обществе также становятся весьма неоднозначными: «для наших дней характерно, что вульгарные, мещанские души, сознающие свою посредственность, смело заявляют свое право на вульгарность» [19, 139–140]. И это во многом определяет не только характер той новой художественной продукции, которая создается в данном обществе, но и характер интерпретации и восприятия значительного массива актуализированной и вовлеченной в художественную жизнь классики.

Досуговая роль искусства в жизни современного человека достаточно скромна. Хотя большинство людей в своей жизни так или иначе контактируют с искусством, в общей структуре их досуговых предпочтений занятия, связанные с искусством, составляют весьма незначительную долю. Меняясь в разные периоды, эта доля за прошедшие три десятилетия редко превышала 12% (таблица 1). Хотя она растет в последние годы, все же еще не достигла доперестроечного уровня. Это объясняется прежде всего значительным снижением интереса населения к культуре в кризисный период 1990-х – начала 2000-х годов.

Снижению досуговой роли искусства способствует также расширение спектра способов проведения досуга и большая их конкуренция, когда люди вынуждены делить свое все более дефицитное свободное время между все большим числом потенциальных досуговых занятий. В ситуации расширения выбора форм досуга с явным преобладанием развлекательных функций сокращение досуговой доли серьезного искусства неизбежно.

Еще одна причина состоит в установленном нами факте, что живое общение с искусством входит в функцию досуга не всех досуговых

Таблица 1

Доля занятий, связанных с искусством, литературой и кино, в структуре досуговых предпочтений взрослого населения Москвы (в %% к общему числу ответов)

	1988	1993	2008	2012
Искусство всего	12,4	9,2	8,5	10,8
в том числе:				
Театр	4,5	2,5	2,7	3,3
Концерты	3,9	3,2	2,4	3,5
Изобразительное искусство	4,0	2,4	2,5	2,9
Цирк	–*	1,1	0,8	1,0
Литература	8,5	7,8	5,5	5,8
Кино	6,3	2,1	4,2	4,6
Итого:	27,2	19,1	18,2	21,2

* В 1988 году анкета не содержала закрытия, связанного с посещением цирка

типов [14], а значит, далеко не всех людей можно причислить к аудитории искусства, даже потенциальной. Обычно различия в отношении людей к искусству трактуются как различия во вкусах, предпочтениях, мотивации. При этом по умолчанию исходят из установки, что *любой* человек является потенциальным потребителем искусства, надо только достучаться. Между тем анализ социологической информации с применением методов математической статистики показал, что речь идет не о вкусовых или мотивационных нюансах, потенциально нивелируемых, а об априорной детерминированности отношения к искусству социально-психологическими особенностями личности. Это объективно ограничивает масштабы потенциальной аудитории и фактически означает, что стремление к росту культурного потребления за счет полного охвата населения искусством – в принципе неразрешимая задача.

Разные времена, разные общества и разные социальные группы предъявляют к искусству разные требования, актуализируя те или иные его функции. Перемены в общественном сознании меняют и структуру художественных потребностей, и как следствие – набор социальных функций искусства, наиболее востребуемых данным обществом. Все большее доминирование массового вкуса и развлекательной функции снижает спрос на серьезное искусство, меняет соотношение элитарного и массового начал. Нетрудно представить себе такую степень трансформации или, точнее сказать, редукции полифункциональности искусства, при которой

в угоду массовому вкусу многие его важнейшие функции будут сведены к одной доминирующей.

Описанные тенденции, безусловно, снижают реальные возможности расширенного духовного воспроизводства личности и создают реальные риски:

- сокращения и без того достаточно скромной досуговой роли искусства;
- дальнейшего усиления массового начала в искусстве;
- замещения живого общения человека с искусством бытовым потреблением его цифровых виртуальных репродукций, поставляемых по каналам интернета и СМИ;
- окончательного превращения искусства в индустрию;
- редукации социальной роли художественной культуры и традиционных ценностей.

Спрос на «серьезное» искусство

В обществе сильно убеждение, что искусство благотворно воздействует на развитие личности. А после того, как это мнение было подтверждено серьезными социологическими исследованиями, оно приобрело статус неоспоримого научного факта [6, 8; 20; 21]. Однако само по себе искусство не может облагородить личность, ее совершенствование достигается путем трудной духовной работы. Этого часто не ведает сегодняшний массовый потребитель, доминантой культурно-досугового поведения которого становится развлечение и отдых. Существовавший и в прежние времена, но доселе невостребованный, малопrestижный социокультурный тип, устрашающе деятельный в рамках своего ограниченно-одномерного жизненного проекта [22], сегодня не только громко заявляет о себе, но и требует удовольствий сполна на каждый вложенный рубль. Он ждет, что его будут развлекать: как в зале кинотеатра, так и в театральном или концертном зале, не делая принципиальных различий между классическим искусством и шоу-бизнесом. Накопление духовного потенциала и совершенствование личности, требующее методичной работы над собой, не входит в число востребованных им функций искусства.

Впрочем, и желание развлечься можно считать хорошим стартовым предиктором культурного потребления. Именно стартовым, поскольку процесс приобщения к искусству в схематизированном виде можно представить как движение от простого к сложному, от удовольствия к духовной работе. Та же устойчивая закономерность обнаруживает себя и в дальнейшей эволюции отношения человека к искусству: по мере накопления интеллектуально-культурного ресурса личности, как бы мы его ни называли – личностные потенциалы (Ю. Фохт-Бабушкин) [4] или

культурный капитал (П. Бурдьё) [23] – как правило, происходит изменение приоритетов в художественных предпочтениях с тех, что определяют внешнюю сторону искусства (яркая зрелищность, наличие эффектных декораций, костюмов и музыки, увлекательного сюжета, традиционно свойственных развлекательным жанрам), на его содержательные, смысловые компоненты, в наибольшей мере отражающие сущность и особенности вида искусства.

Возможность непосредственного и свободного восприятия в искусстве является иллюзией [24]. Восприятие как форма «культурной дешифровки» всегда происходит с определенных позиций, через заранее заданные коды, которые перерастают в культивированную способность. Эта способность не является априорной, она приобретается в результате передачи культурных кодов через семейное воспитание, образование и опыт. Непытный или неподготовленный зритель, в соответствии с обыкновением, привитым современным кинематографом, шоу-бизнесом и СМИ, при восприятии художественного произведения рассчитывает на интригу, зрелищность, внешнюю привлекательность как непременный атрибут развлекательно-зрелищного досуга. Способность к восприятию этих качеств тоже, конечно, не может быть врожденной, но воспитывается она не только в результате целенаправленных усилий и культурного потребления, но и широким контекстом бытовой и массовой культуры.

Так, опросы посетителей мюзикла показали, что рейтинг их репертуарных предпочтений воспроизводит иерархию художественных ценностей, свойственную, главным образом, новой, художественно неподготовленной публике. А исходя из набора их досуговых предпочтений, мы можем охарактеризовать их как людей, предпочитающих не столько культурный, сколько сочетание развлекательного и активно-деятельного типа досуга [14]. Такое сочетание досуговых стратегий предполагает, что большую часть своего свободного времени люди тратят на развлечения и отдых, хотя отнюдь не только бездеятельный. Главная характеристика публики мюзикла состоит в том, что она состоит в массе своей из новых и редких зрителей, в принципе мало интересующихся театром. Эта публика, которую лишь условно можно назвать театральной, не испытывает особых привязанностей к театру и не слишком разбирается в нем; она руководствуется главным образом рекреационными мотивами, несамостоятельна в своем культурном выборе и часто полагается на советы друзей и знакомых. Театральные посещения для этой публики зачастую носят случайный характер.

Не надо думать, что развлекающийся зритель интересуется только шоу-бизнесом или легкими жанрами искусства. Рекреационно или статусно

мотивированный малоискушенный посетитель приходит и в театры, например в Большой. Но если наиболее подготовленная часть зрительской аудитории ГАБТа максимально представлена на балетных и авангардных оперных спектаклях, то наименее искушенная, или «начинающая» публика заполняет зрительный зал в основном на традиционных классических оперных постановках, олицетворяющих в массовом сознании представления о «вершинах» отечественного театрального искусства и бренде Большого. Ее привлекает в первую очередь зрелищность, меньше – участие популярных актеров, и совсем не интересуется эксперимент.

В отличие от вкуса, характерного для художественно компетентных носителей, представители слоев, не обладающих достаточным опытом общения с искусством, склонны к эстетизации объектов, которые существуют в бытовой эстетике календарей и открыток, дешевых заменителей недоступных для них объектов и практик [24]. Неподготовленные в культурном отношении посетители публично декларируют интерес главным образом к тому, о чем все мы имеем хотя бы минимальное представление еще со школьной скамьи. Такая публика приходит и в Третьяковку, чтобы посмотреть на картины художников «Родной речи». Будучи лишены специфических категорий восприятия, такие посетители не имеют возможности применять к произведениям искусства никакой другой код кроме того, который дает им опыт восприятия объектов повседневного окружения или бытовой культуры. Это становится одной из причин, «почему менее образованные читатели или зрители в наших обществах так склонны требовать реалистического изображения» [25, 432].

Искушенные театралы, как и компетентные носители художественного вкуса в изобразительном искусстве, меньше ожидают от произведения внешних атрибутов зрелища, но больше – содержательности: интеллекта, эксперимента, проявляют больший интерес к творчеству авторов или постановщиков. А для наиболее подготовленных зрителей, слушателей или посетителей потребность в специфических художественных впечатлениях становится безусловной мотивационной доминантой.

Мотивации культурного потребления

Искусство способно в определенной мере воздействовать на потребителя, в том числе на неискушенного неопита, обогащая его изначально рекреативную мотивацию более интеллектуальными и содержательными аспектами. В исследовании аудитории посетителей художественного музея нам удалось подтвердить гипотезу о существенном влиянии типа мотиваций на частоту контактов с искусством. Значимым фактором роста посещаемости становится наличие содержательных мотивов, связанных

собственно с художественным продуктом, а также мотивов, отражающих социально-культурные, просветительские или коммуникативные аспекты посещения учреждения искусства. При прочих равных условиях те, чья мотивация состоит в артикулированном интересе к конкретному художественному продукту (спектакль, концерт, выставка), либо в том, чтобы сопровождать ребенка, как правило, посещают учреждения искусства чаще. Между тем рекреационный тип мотивации (провести свободное время, посещение по другим неспецифическим мотивам или отсутствие артикулированных причин посещения) являются значимым отрицательным фактором, снижающим интенсивность контактов с искусством. Установленный факт представляется устойчивой закономерностью, он подтверждается также некоторыми зарубежными исследователями [26].

Особый феномен представляет собой статусная мотивация потребления искусства [15]. Характер влияния статусных мотивов на интенсивность культурного потребления связан как с типом посещения (преобладающей потребительской мотивацией), так и с характером мероприятия (особенностями художественного продукта). По сути это означает, что тип мотивации в отличие, например, от уровня образования, не является неотъемлемым атрибутом потребителя, а те или иные мотивы могут актуализироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. Статусная мотивация может оказывать положительное влияние на интенсивность контактов с искусством в случае потребления культурных мероприятий особого рода, вне зависимости от их жанровой или видовой принадлежности позиционируемых как «значимые культурные события». Особый статус художественного продукта способствует проявлению повышенного интереса к нему со стороны определенной части образованной и модной публики, бомонда, склонного к престижному или демонстративному потреблению искусства. Статусные мотивы часто становятся детерминантами культурной активности для образованной культурно-престижной публики, которую в большом количестве фиксировали наши опросы на разного рода значимых культурных мероприятиях.

Статусная мотивация больше нацелена не столько на художественный продукт или присущие ему свойства, сколько на сам акт потребления. А соответствующие контакты с искусством рассматриваются преимущественно как знак или способ обозначения социального статуса человека в обществе, где «идентичность человека все более связывается с потребительскими практиками» [27, 14]. Поэтому статусные мотивы плохо совместимы, например, с просветительскими или познавательными функциями искусства и оказывают существенное отрицательное влияние на посещаемость соответствующих мероприятий: бомонд обычно не

стремится посещать рядовые мероприятия культурно-просветительного характера. Однако статусная мотивация предоставляет, на наш взгляд, широкие маркетинговые возможности, и умелое их использование может придать особую культурную значимость и обеспечить успех культурному событию.

Проблема воспроизводства аудитории искусства

Некоторые принципиальные закономерности, связанные с культурной эволюцией потребителя, также оказывают влияние на процесс воспроизводства аудитории искусства. Так, изучая аудиторию Большого театра, мы сделали вывод, что она состоит и пополняется в основном за счет театрально подготовленной публики, уже обладающей достаточно высоким уровнем театральной культуры и опытом общения с искусством. Совершенно иная ситуация характерна для мюзикла. Как показало наше исследование, его зрители являются новыми не только для конкретного проекта, но и для театра вообще, то есть можно сказать, что мюзикл черпает свой «зрительский резерв» в основном не из совокупной театральной публики, а из слоев, пока не приобщенных или слабо приобщенных к театру.

Вывод состоит в том, что, легкие и развлекательные жанры для массовой публики являются своего рода порталом в мир искусства. Демократичные жанры способны привлечь тех, кто серьезным искусством обычно не интересуется. Давая часто далеким от искусства людям не только развлечение и зрелище как разновидность рекреационного досуга, но и более интеллектуальное предложение, они создают возможности для культурного роста потребителя. Эмпирически зафиксированные тенденции отражают устойчивую закономерность приобщения человека к искусству: от простого – к сложному, от внешней аттрактивности – к содержательности, от массового – к элитарному.

Этот путь нельзя назвать гладким. Одним из самых тревожных последствий изменения системы художественных потребностей общества и общего тренда снижения интереса к «серьезному» искусству становится нарушение нормального процесса воспроизводства аудитории искусства. Особенно ощутимо эти последствия сказываются в аудитории классической музыки, где процессы воспроизводства оказались нарушены в наибольшей степени, тогда как в других областях искусства последствия указанных процессов выглядят не столь фатальными.

По результатам многолетних наблюдений мы не отмечаем серьезных проблем с воспроизводством аудитории изобразительного или театрального искусства: выставочные и зрительные залы ежедневно заполняет

не только взрослая публика, но и молодежь. Между тем для классической музыки проблема воспроизводства аудитории становится явным симптомом падения слушательского интереса, особенно среди молодежи: по сравнению с общей аудиторией искусства публика классики резко стареет. Это стало основной проблемой академического искусства не только в нашей стране [28; 29], но и для оркестров Европы и Северной Америки, что подтверждает наличие общей проблемы. Значительное сокращение количества посетителей классических концертов «означает угрозу существованию разнообразного оркестрового ландшафта» [30, 10]. Спад интереса отражается на уровне продаж билетов, но, что гораздо важнее, делает необходимость общественной поддержки музыкального искусства все менее очевидной.

Но «почему весь свет утратил интерес к классическим концертам – вот загадка, в свете которой легко оспорить почти любой вразумительный ответ» [31]. В соответствии с нашей концепцией, субъективное «ощущение победы личности над несчастьем» [32], как высшая ценность классической музыки, доступно лишь тем слушателям, которые владеют соответствующими «кодами», обладают достаточным художественным опытом и компетентностью. Этот тезис объясняет и статистически доказанный факт более позднего приобщения к классическому музыкальному искусству [12]. Но и он не может объяснить зафиксированные нашими опросами вопиющие диссонансы, связанные с подавляющим преобладанием на концертах классической музыки знаменитых «консерваторских старушек» (рис. 1).

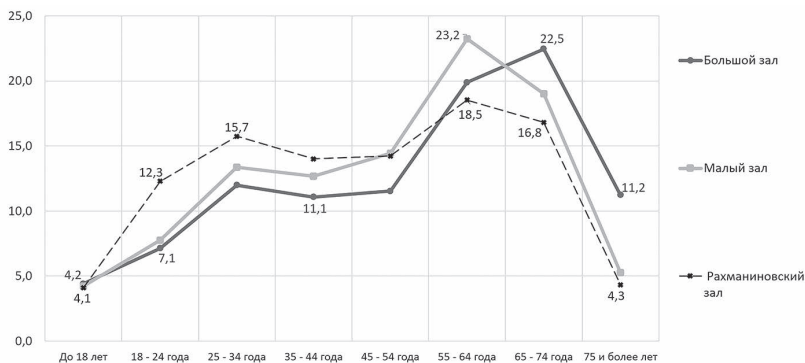

Рис. 1. Возрастное распределение слушателей концертов в залах Московской Государственной консерватории (%%)

В ходе исследования было установлено, что мощным фактором приобщения к музыкальному искусству является семейная традиция. Более чем в 75% семей, где любят классическую музыку, родители приобщили к этому искусству своих детей в раннем возрасте. В тех же семьях, где родители не проявляли интереса к классической музыке, к музыкальному искусству в детском возрасте было приобщено лишь около 45% респондентов. Заметим, это – из числа реальных посетителей концертов классической музыки. Подавляющее же большинство детей, родители которых не слушали и не любили классику, никогда не придут в концертные залы. В картине приобщения к классическому музыкальному искусству был зафиксирован и такой факт: родители значительно чаще приобщают к музыке девочек, чем мальчиков. Возможно, это определяется разной предрасположенностью мальчиков и девочек к музицированию, возможно – разным кругом их досуговых интересов. Но и этот факт важен для понимания механизмов воспроизводства аудитории.

ПРИЧИНЫ НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

К переориентации потребителя на рынке искусств и редукции социальной роли искусства неизбежно ведет все большая тяга людей к рекреации при неразвитости культурных потребностей, что стало для массового потребителя нормой, не требующей социального одобрения. Это, конечно, можно пытаться объяснять следствием пересмотра ценностей и бездуховностью общества потребления. Однако ключевую роль здесь все же играет экономический фактор: развитие постиндустриального общества, изменение содержания трудовой деятельности, ее усложнение и резкое повышение затрат психической энергии работающего человека. В наибольшей мере эти процессы затрагивают именно людей в активном трудоспособном возрасте, разрывая преемственность поколений и определяя иное отношение молодых к искусству. Действительно, «с какой стати темпераментный молодой человек постмодернистской эпохи вдруг пожелает провести вечер в зале ожидания Господа Бога?..»[31]. Для молодых поколений преобладание развлекательного над просветительским, инновационного над традиционным, массового над элитарным в искусстве часто становится определяющим фактором культурного выбора. Это снижает потребность активной части населения в «серьезных» жанрах искусства, нарушая процессы нормального воспроизводства их аудитории.

В современном обществе – и не только российском – оказывается непопулярной и мало востребованной функция сохранения уникального культурного наследия, выполняемая академическим искусством, в первую

очередь концертным исполнением классики, а также вынужденное отмежевание этого института от инновационной деятельности. Театр живет настоящим и существует только «здесь и сейчас». Он в гораздо большей степени способен реагировать на изменения социально-культурной и рыночной конъюнктуры. Даже постановки классики здесь служат выражением мнений и отражают современность, способны отвечать запросам современников или «потребительскому мейнстриму». Классическое музыкальное искусство, хотя и подвержено влияниям моды и других общих социальных трендов, в очень ограниченной мере способно меняться, усиливая свой рекреационно-развлекательный потенциал ради соответствия меняющемуся характеру массового спроса. Если театр пытается удивлять и постоянно развивает эту свою способность, то классические концерты продолжают полагаться на музейную традицию. Это объясняет, почему глобальные процессы привели к столь ощутимым последствиям именно в области потребления классической музыки, в большей степени нарушили процессы воспроизводства ее аудитории, тогда как в других областях искусства последствия указанных процессов оказываются не столь фатальными.

На системе культурных потребностей и отношении людей к искусству, помимо общих цивилизационных трендов, серьезно сказались и последствия кризиса, пережитого культурой, а также демографические проблемы России 1990–2000-х годов. Они привели к «потере» целого поколения потенциальных потребителей искусства, что в условиях естественного старения и постепенного ухода прежней волны «большой» публики серьезного искусства нарушило приток в аудиторию неофицитов.

Выводы

Завершить статью можно было бы словами о необходимости пересмотреть приоритеты государственной культурной политики и ее конкретные меры в соответствии с теми неоднозначными изменениями, которые уже произошли и происходят в российском обществе [33]. Все так. И все же мы отмечаем объективную ограниченность возможностей культурной политики в ее влиянии на систему художественных потребностей общества. Эта система формируется как результат наднациональных цивилизационных сдвигов, которым подвержен весь мир. При этом сложилась парадоксальная ситуация, когда большинство людей, постоянно контактируя на бытовом уровне с суррогатными формами искусства, поставляемыми по каналам интернета и СМИ, для живых контактов с искусством остаются закрытыми. Объективно ограничивает возможности культурной

политики по расширению культурного потребления и вовлечению населения в художественную жизнь и тот факт, что далеко не всех людей можно причислить к аудитории искусства, даже потенциальной.

Еще один парадокс состоит в том, что многие современные проблемы искусства оказываются связаны с его экспансией в цифровую виртуальную среду и повседневный быт. Сегодня в значительно больших чем прежде масштабах в художественную жизнь оказываются втянутыми страты, не имеющие ни опыта, ни потребности в контактах с искусством. Становясь частью повседневной жизни массового потребителя, само искусство неизбежно меняется. Дальнейшая социально-культурная стратификация общества и расслоение как публики, так и искусства на элитарное и массовое представляется неизбежным сценарием. Разумеется, это служит поводом для разговоров о кризисе.

Тем не менее столь неоднозначные последствия перемен в художественных потребностях общества – еще не повод играть реквием по серьезному искусству. Несмотря на взрыв культурной активности населения в сфере массовых жанров и спроса на рекреативные функции искусства, в обществе всегда сохраняется потребность в искусстве серьезном и интеллектуальном – будь то артхаусное кино, академическая живопись, авторский театр или классическая музыка. Хотя эта потребность и не носит массового характера, с уходом старой гвардии любителей искусства и «консерваторских старушек» художественная жизнь, несомненно, обретет свое новое равновесное состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хренов Н.А.* Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс. М.: Аграф, 2007. С. 441.
2. *Розин В.М.* Природа и генезис европейского искусства (философский и культурно-исторический анализ) / Рос. акад. наук, Институт философии. М.: Голос, 2011. С. 307, 308.
3. *Silbermann A.* Empirische Kunstsoziologie Eine Einführung mit kommentierter Bibliographie. Stuttgart: Enke, 1973.
4. Художественная культура и развитие личности. Проблемы долгосрочного планирования / Отв. ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин. М.: Наука, 1987.
5. *Ушкарев А.А.* Аудитория посетителей Государственной Третьяковской галереи. Программа социологического исследования. М.: ГИИ, 2015.
6. Человек в мире художественной культуры. Приобщение к искусству: процесс и управление / Ю.У. Фохт-Бабушкин, В.Я. Нейгольдберг, В.Н. Дмитриевский и др. / Отв. ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин. М.: Наука, 1982.

7. Художественная жизнь современного общества. В 4-х т. Аудитория искусства в России: вчера и сегодня / Отв. ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Т. 2.
8. Художественная жизнь современного общества. В 4-х т. Искусство в контексте социальной экономики / Отв. ред. А.Я. Рубинштейн. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. 3.
9. Рубинштейн А.Я., Скоморохова Н.А., Гедовиус Г.Г. Сегментация театрального рынка // Художественная жизнь современного общества. В 4-х т. Искусство в контексте социальной экономики / Отв. ред. А.Я. Рубинштейн. СПб., 1998. Т. 3. С. 226–248.
10. Экономические основы культурной деятельности. Индивидуальные предпочтения и общественный интерес. В 3-х т. Рынок культурных услуг. Публика театра 90-х годов / Отв. ред. А.Я. Рубинштейн и Ю.У. Фохт-Бабушкин. СПб.: Алетейя [и др.], 2002. Т. 1.
11. Московский Художественный театр. После столетия. Репертуар и публика. Сборник статей и материалов / Отв. ред., автор вступительного слова и оформления А.А. Ушкарев. М.: ГИИ, 2011.
12. Рубинштейн А.Я. Публика концертов «Моцарт-марафона»: опыт социологического исследования. М.: ИЭ РАН, 2014.
13. Ушкарев А.А. Искусство в структуре досуга москвичей // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 6. С. 670–675.
14. Ушкарев А.А. Типология досугового поведения // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 2. С. 148–156.
15. Ушкарев А.А. Статусная мотивация потребления искусства // Культура и искусство. 2018. № 6. С. 1–12.
16. Караханова Т. Бюджет нашего времени // Российское экспертное обозрение. 2006. № 1 (15). С. 8, 9.
17. Мурзин А.Э. Актуально ли изучать свободное время? // Социологические исследования. 1993. № 11. С. 95–99.
18. Разлогов К.Э. Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010.
19. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Изд-во АСТ, 2018.
20. Человек в мире художественной культуры. Приобщение к искусству: процесс и управление / Отв. ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин. М.: Наука, 1982.
21. Серебрякова А.Н. Классическая музыка как фактор духовно-нравственного развития студенческой молодежи. Дисс. канд. социол. наук. М., 2012.
22. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления. Исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2002.
23. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 171–183.

24. *Bourdieu P.* (1984), *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* / Transl. by R. Nice. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
25. *Шапинская Е.Н., Казарлицкая С.Я.* Пьер Бурдьё: художественный вкус и культурный капитал // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2003. С. 431–453.
26. *Brida J.G., Dalle-Nogare C., Scuderi R.* How Often to a Museum? Motivations matter // Bozen Economics & Management Paper Series. 2014. № 16.
27. *Радаев В.В.* Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. М., 2005. С. 10–24.
28. *Ильин В.И.* Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. XIV. № 2. С. 3–40.
29. *Магидович М.Л.* Петербургские филармонические традиции сквозь призму современных потребительских практик // Журнал НЭА. 2012. № 2 (14). С. 153–158.
30. *Hamann T.K.* Die Zukunft der Klassik // Das Orchester 09. 2005. S. 10–19.
31. *Lebrecht N.* Who's afraid of classical concerts? The Lebrecht Weekly // La Scena Musicale. 2005. February, 10. URL: <http://www.scena.org/columns/lebrecht/050210-NL-concerts.html> (дата обращения 16.02.2019).
32. *Колб Б.* Исследование аудитории Лондонского Филармонического Оркестра // Арт-менеджер. 2003. № 2(5). URL: <http://www.artmanager.ru/articles/howto/157-007.html> (дата обращения 28.11.2018).
33. *Зиятдинова Ю.Е.* Динамика культурных потребностей и культурная политика в современной России : дисс. ... канд. культурологических наук : 24.00.01. М., 2005. URL: <http://www.dissercat.com/content/dinamika-kulturnykh-potrebnoستي-i-kulturnaya-politika-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения 17.08.2018).

Никонова Антонина Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Института
философии Санкт-Петербургского государственного университета
190121, СПб, ул. Садовая, д. 81, кв. 10
onina@rambler.ru

ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется современная культурная политика РФ по сохранению культурного наследия и формирование политики памяти на примере реконструкции Музея обороны и блокады Ленинграда. Стратегия актуализации мест памяти выявляет целый ряд рисков, которые напрямую зависят от современной рыночной модели культурной политики государства.

Ключевые слова. Культурная политика, политика памяти, институты памяти, культурное наследие, «мягкая сила», музей, блокада и оборона Ленинграда, нарратив прошлого.

Nikonova Antonina A.

Candidate of philosophical sciences, associate Professor,
Department of Museum Work and Monument Protection
of the Institute of Philosophy,
Saint-Petersburg State University
onina@rambler.ru

MEMORY INSTITUTIONS IN MODERN CULTURAL POLICY OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes the current cultural policy of the Russian Federation on the preservation of cultural heritage and the formation of a policy of memory on the example of the reconstruction of the Museum of Defense and Siege of Leningrad. The strategy of updating places of memory reveals a number of risks that are directly dependent on the modern market model of the cultural policy of the state.

Keywords. Cultural policy, memory policy, memory institutions, cultural heritage, «soft power», museum, blockade and defense of Leningrad, narrative of the past.

Культурная политика государства зависит от определения ее участников и направлений регулирования культурных процессов. В данном контексте особое значение приобретает исследование деятельности институтов памяти по репрезентации определенного образа прошлого, осуществляемого в рамках современного политического процесса, то есть в рамках политики памяти. Конкретные действия культурной политики имеют как положительные последствия (сохранение «культурного ядра» и национальной идентичности), так и отрицательные (когда политика памяти является только средством пропаганды).

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

Следует учесть, что культурная политика государства формирует представления о прошлом не только на основе исторических фактов, но и на основе создания моделей различных реконструкций событий прошлого, существенно влияя на содержание коллективной памяти благодаря использованию современных визуальных технологий и провоцируя или, вернее, закладывая почву для создания многочисленных мифических нарративов. Поэтому опека государственных органов власти, продлевая материальное существование событий прошлого в различных формах музеефикации, не гарантирует одновременное включение содержательных констант нарратива прошлого в процессы воспроизводства культурных паттернов современности, а скорее использует его только в рекреационных практиках, в частности в туристическом бизнесе. В такой ситуации возникает конкуренция между институтами памяти и различными культурно-развлекательными учреждениями, которые выгодно используют сегодня символический капитал наследия. При этом статус музеев, библиотек и архивов заметно снижается.

Некоторые исследователи уповают на развитие современных информационных технологий в решении обозначенных проблем. Однако следует обратить внимание на то, что информатизация сферы культурного наследия привела к сложным социокультурным сдвигам не только в коммуникационной среде, но и в жизненной среде. Имманентная открытость и полифункциональность институтов памяти способствовала появлению новой черты в их деятельности – воспроизводству различных новых, не свойственных им ранее культурных форм (например театрализация). Наиболее ярким примером является выставка «Хранить вечно»¹.

¹ Выставка была посвящена 100-летию юбилею музеев пригородов Санкт-Петербурга (Манеж, 2018).

Диссонанс между смыслом названия выставки и ее содержанием настолько явный, что даже метод театрализации прошлого не смог «снять» ложную пафосность и бутафорность игры с исторической памятью. История дворцов-музеев в пригородах Ленинграда/Петербурга, почти полностью разрушенных в годы Великой Отечественной войны, подтверждает, что «сохранить вечно» материальный предметный ряд прошлого (символом этого на выставке была куча современного битого кирпича) мы не можем. Подмена подлинника новоделом безнравственна, как безнравственен и прием замены подлинных воспоминаний музейных сотрудников художественным текстом воспоминаний вымышленной девочки, который читает на выставке А. Фрейндлих [1]. «Иновационное» отношение к историческому факту, трансформация исторического сознания и замена его неким видом сомнительного искусства воспитывает пассивного обывателя, неспособного различать и осмыслять сложные события прошлого. «Заразность» такой игры с прошлым в современных практиках институтов памяти (музеи, библиотеки и архивы) свидетельствует о появлении нового феномена – «искривления» ценностных характеристик, задаваемых традицией и новацией, опасной трансформации культурных смыслов.

Проведение разнообразных выставочных проектов в музеях и галереях далеких от рефлексии о культурном наследии позволило исследователям выделить общие тенденции современной трансформации институтов памяти: расширение досуговых форм деятельности, полистилистичность, многофункциональность («музеи без стен», «библиотеки без стен»), использование школьных и вузовских образовательных программ, внедрение новейших информационных и коммуникативных технологий, участие в общественной и культурной жизни города и региона, создание партнерских проектов. Нивелирование принципиальных различий между музеями, архивами и библиотеками, их коммерциализация меняет и место институтов памяти в структуре общества. Они тяготеют занять свое место в ряду «третьеразрядных учреждений».

Американский социолог Рэй Ольденбург выдвинул и обосновал концепцию «третьего места». Его книга, изданная в Соединенных Штатах Америки и переведенная в России в 2014 году, называется «Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места “тусовок” как фундамент сообщества». Первым местом он считает семью, вторым – работу, а третьим – социальные места, отличные от дома и работы, то есть общественные пространства, где люди собираются для того, чтобы провести свободное время, преимущественно в общении. Эти места демократичны, то есть вход свободный, без ограничений; они

доступны пространственно, туда легко добраться, там можно отдохнуть и расслабиться, есть возможность неформального общения по интересам, обстановка непринужденная, можно встретить знакомых; усталый человек может найти укромный уголок и уединиться, возможность реализовать свое хобби. Кроме того, Р. Ольденбург выделяет относительную дешевизну этих мест.

Концепция рассматривания институтов памяти как третьего места с интересом обсуждается сегодня некоторыми библиотечными и музейными специалистами. Эти тенденции отражают и социологические исследования в музеях и библиотеках, которые сегодня в большей степени исследуют уровень современных потребительских предпочтений и наличие комфортных условий в музее для посетителя. Тем самым уже заранее посетителю архива или библиотеки внушается мысль о том, что посещение этого института памяти ничем не отличается от посещения кинотеатра, клуба, супермаркета или развлекательного центра. В них должно быть, прежде всего, комфортно (магазин, кафе, *wi-fi*, компьютерный класс, зоны отдыха, удобство передвижения и получения музейных услуг) и интересно, вернее любопытно. Опрос музейных посетителей в 2005–2008 годах в Ярославле о мотивации к посещению музея показал, что 45% пришли отдохнуть и пообщаться с друзьями, 30% узнать новое, 20% осмотреть музей, 5% с учебными целями.

В данном контексте перед органами власти РФ стоят приоритеты создания условий для баланса устойчивых и инновационных форм развития институтов памяти. Если мы обратимся к официальным документам Министерства культуры РФ, то в них сформулирована четкая стратегия культурной политики по отношению к сфере сохранения культурного наследия. В программе «Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации» заявлено о стремлении государства формировать коллективную идентичность путем сохранения достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников, уникальные культурные и природные ландшафты, исторические городские и сельские поселения [2].

Можно согласиться с мнением А.Н. Архангельского, который считает, что не должно быть одной культурной политики для всего разнообразия учреждений культуры и форм их деятельности. Культурная политика государства определяет общую стратегию, направленную на поддержку и развитие культурных форм социума, но одновременно внутри общей стратегии должно существовать множество конкретных культурных политик. Такое утверждение базируется на априорном положении, что

в государстве существуют институты, которые без поддержки и особой (многоуровневой и многосторонней) культурной политики власти просто погибнут – это, прежде всего, архивы, библиотеки, музеи. Они так устроены, что их сущность имманентно консервативна. Институты памяти сохраняют ценности прошлого, опыт прошлого, но их деятельность позволяет осмыслить трансформацию традиционных ценностей в настоящем и одновременно понять современное значение культурной памяти и интерпретацию опыта прошлого в настоящем.

Актуализация ценностных и когнитивных констант прошлого не должна вызывать опасение, что мы столкнемся с возвратом в «прокрустово ложе» традиции, скорее наоборот прошлое переосмысливается и реформируется в настоящем для выбора оптимального пути развития современной культуры. Этот процесс сложен и подвержен влиянию со стороны как общества в целом, так различных технологий политического манипулирования. Тогда, казалось бы, можно уповать на применение со стороны органов власти в деятельности институтов памяти «мягкой силы», когда власть путем привлечения и убеждения устанавливает легитимную повестку дня, а также определяет набор выгодных для нее правил и осуществляет при помощи массмедиа контроль над информацией о деятельности музеев, библиотек и архивов? Однако эта стратегия не всегда способствует консолидации и взаимопониманию в обществе. Однонаправленная вертикальная модель управления культурой, когда акцент делается на принятии решений, контроле над повесткой, субъективных и реальных интересах, нацелена на бесконфликтную модель формирования у граждан нового образа прошлого (скорее, ограниченного и пассивного).

Следствием данного процесса становится формирование предпочтений, обеспечивающих принятие роли государства либо в порядке вещей, не предусматривающей альтернативу, либо как естественную или даже благотворную. Такая культурная политика чревата разрушением сложившихся форм деятельности и миссии институтов памяти, она приводит к возникновению новых образований, мимикрирующих в современную реальность и примеряющих «на себя» ее ценности. Поэтому сегодня среди инструментов «мягкой силы» именно политику памяти исследователи определяют как «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных средств» [3, 20].

Разнообразие форм культурной политики сегодня можно проследить, используя анализ государственных инициатив и новации в законодательстве о культуре. Долгие дебаты по формированию нового закона о культуре маркируют неустойчивую ситуацию в обществе. Об этом же свидетельствует

и применение репрессивных мер в чрезвычайных ситуациях (кражи музейных ценностей, слабая организация учета, несоответствующие функциям институтов памяти отчетные показатели) [4]. Возникшие в социуме риски по формированию исторического сознания отчетливо проявляются в коммеморативных практиках. Следует учесть, что отношение в обществе к сохранению и актуализации мест памяти, культурных ландшафтов, музеефикации объектов культурного наследия, организации историко-культурных фестивалей, к созданию новых учебников и кинофильмов по истории является показателем состояния мировоззрения общества и индивида. Государственная политика поддержки развития институтов памяти в такой ситуации должна «считывать» потребности социума и коллективной памяти.

СТРАТЕГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПАМЯТИ: ОПЫТ ПЕТЕРБУРГА

Если обратиться к конкретному примеру Санкт-Петербурга, то историко-культурный потенциал городского наследия и его историко-культурный ландшафт воспринимается и познается горожанином тогда, когда он соприкасается с наследием в частной или профессиональной сфере, то есть в большей мере фрагментарно и поверхностно. В результате такого познания кардинально меняется онтология «места жизни». Она стирается и уже не является сущностной. Памятники истории и культуры, памятные места, мемориалы – все эти образы прошлого воспринимаются сегодня горожанином как повседневный инструментальный настоящего, как знак, но отстраненно от смысловых констант удаленного прошлого, поскольку помнится «недавнее» прошлое, прожитое двумя ближайшими поколениями, чей историко-культурный язык близок и понятен¹.

В такой ситуации утери практик памяти, «идеализированное прошлое» становятся строительным материалом для формирования идентичности разных городских групп, что позволяет в ситуации конкуренции мнемонических акторов манипулировать памятью в интересах культурной политики. Именно поэтому всем известный проект «Россия – моя история» скорее воспринимается созерцательно, чем содержательно и для массового посетителя, для горожанина ценностно не окрашен². Одной из

¹ С этим связана ностальгия по утраченному советскому прошлому и появление в последние годы музеев «советского быта». Например: URL: <https://www.sovietlife.spb.ru/ru/> (дата обращения 22.02.2019).

² Особо опасным является перенасыщение выставочного пространства электронными устройствами, что неблагоприятно сказывается на здоровье детей и пожилых людей.

доминантных практик культурной политики в РФ является создание различных общественных организаций по популяризации истории и культурного наследия под эгидой значимых в истории России событий, чаще всего различных юбилейных дат [5]. Одновременно формируется политическая лояльность и практики «забывания» невыгодных или неоднозначных событий истории. Таким «учредительным событием» сегодня является Великая Отечественная война, которая имеет смысловой и значимый символ – День победы, вокруг которого и должна формироваться своеобразная новая идентичность россиян.

Несомненно, для каждого россиянина память о Великой Отечественной войне значима, и это событие сохранилось не только в коллективной памяти, но и в индивидуальной и является опытом ближайших поколений. В то же время такой уникальный исторический опыт, как оборона и блокада Ленинграда оказался примером политики «забвения»¹. Уникальный Музей обороны и блокады Ленинграда в Соляном городке, д. 9, открытый как выставка «Героическая оборона Ленинграда» уже 30 апреля 1944 года, затем преобразованный в музей (в 1945) и закрытый и разгромленный в годы Ленинградского дела (1949–1951), с большим трудом воссозданный в 1989 году (на 1/10 бывшей территории музея) и сохраняющий уникальную коллекцию музейных предметов, дневников и воспоминаний о блокаде, сегодня вновь закрыт². На входе в музей, как и при его разгроме в 1949 году, висит табличка «Музей закрыт на ремонт». Хотелось бы привести пронзительные слова писательницы Натальи Соколовской: «Музеем, соответствующим тому библейски-трагическому, бездонно-сложному событию, которым была ленинградская блокада, вновь открытый музей уже не стал. Это позор для города и страны. Я не знаю, вернет ли Министерство обороны когда-то принадлежавшие музею площади (что было бы честно). Но я уверена, что музей должен находиться в том здании, в котором был открыт в 1946 году. Это может быть мемориал – Музей музея, в память того, созданного Л.Л. Раковым и несправедливо уничтоженного» [6]. Капитальный ремонт здания в 2018–2019 годах не предусматривал до начала 2019 года расширение музея и вложение в него дополнительных средств.

Одновременно правительством Петербурга инициирован грандиозный проект создания нового Музея блокады и обороны Ленинграда

¹ Так, например, при Г. Романове печатать в Ленинграде «Блокадную книгу» Д. Гранина и А. Адамовича было запрещено.

² Сайт музея: URL: <http://www.blokadamus.ru/cgi-bin/blokadamus.cgi> (дата обращения 22.02.2019).

у Смольного института. На осуществление этого проекта правительство РФ планировало выделить от 6 до 10 млрд руб. Летом 2017 года был проведен конкурс на создание проекта нового здания музея¹. Концепция создания нового музея блокады предусматривала строительство многофункционального культурного комплекса, который должен был объединить музей, библиотеку, архив и научно-исследовательский Институт памяти.

Возникает закономерный вопрос, какова судьба других мемориальных и исторических музеев и экспозиций, посвященных этой теме в Петербурге (их, кроме Музея обороны и блокады на Соляном переулке, около 150)? Они созданы по инициативе представителей различных учреждений: школ, вузов, предприятий, музеев. В концепцию культурной политики Санкт-Петербурга решение этого вопроса не входило. Подробной информации, кроме новостной, о решениях властей, в СМИ опубликовано не было. Встречи и обсуждения специалистов проходили кулуарно. Горожане, когда их спрашивали о проекте нового Музея блокады в Петербурге, не могли понять, о каком музее говорится. Удивительно, что многие петербуржцы сегодня не знают о существовании такого музея в городе и никогда в нем не были. Но самое удивительное, что интеллигенция культурной столицы в лице творческих союзов, ВООПиК, крупнейших музеев, библиотек и архивов не высказалась открыто об этом знаковом проекте власти².

Такая инертность общества является результатом изменений, произошедших в историческом сознании, которое всегда взаимосвязано с критически переосмыслением прошлого. Важно не то, что существуют разные взгляды на события Великой Отечественной войны – это проблемы исторической науки. Важно, что официально, на уровне культурной политики утверждается однозначная трактовка, идеализированная и мифологизированная, работающая на новый «государственный тренд» – патриотическое воспитание, основанное на доминанте сильной армии. Такая ситуация маркирует слабость культурной политики власти и неумение наладить диалог с другими версиями памяти,

¹ Победителем конкурса стала Студия 44, главный архитектор Н. Явейн.
URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26912/3958393/>(дата обращения 20.12.2018).

² Инициатором обсуждения проекта на заседании Всемирного клуба петербуржцев и в Законодательном собрании СПб, и в СМИ стала кафедра музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ под руководством М.Б. Пиотровского.

носителями которых является научное сообщество, которое вынуждено занять отстраненную позицию, реагируя таким образом на «агрессивную» политику власти.

В Петербурге в первой четверти XXI века создалась парадоксальная ситуация, когда Министерство обороны РФ выступило против Музея блокады и обороны Ленинграда. Можно ли этот парадокс отнести к провалу культурной политики государства? Вероятно, да. Итогом «своеобразной борьбы вокруг Музея обороны и блокады Ленинграда» стало решение, принятое Президентом РФ В.В. Путиным, который в январские памятные дни 2019 года выделил из резервного фонда президента 150 млн рублей на создание новой экспозиции Музея в Соляном переулке и высказался против строительства Нового музея блокады [7]. Казалось бы, политика власти поддерживает сохранение памяти о трагических событиях обороны и блокады, но в действительности уничтожаются подлинные места памяти, такие как Левашовский хлебокомбинат, проработавший всю блокаду и кормивший жителей осажденного города. Остается нерешенной и судьба блокадной подстанции. Это только малая часть подлинных свидетелей трагических событий, которые без надлежащей заботы исчезают из культурного ландшафта Петербурга.

Так на примере проекта нового Музея обороны и блокады Ленинграда отчетливо проявляется изоцированная стратегия государства по замене подлинной памяти места на моделирование общественного нарратива для легитимации политики власти. К мировоззренческому краху российского общества можно отнести и выход фильма режиссера А. Красовского «Праздник», в котором своеобразно, в стиле «черной комедии» еще раз представлена блокада Ленинграда. Мы не впервые сталкиваемся с примерами деградации сознания и торжества цинизма, но впервые предметом такого эксперимента становится умирающий город.

МЕСТА ПАМЯТИ ИЛИ ДОХОДНЫЕ МЕСТА?

Приведенные примеры свидетельствуют об изменении модели культурной политики Российской Федерации. Впервые государство переходит от централизованной патерналистской модели к рыночной, основные положения которой были сформулированы в Указе Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Основы государственной культурной политики» [8]. Необходимо выделить основные стратегии культурной политики власти по сохранению институтов памяти. Так как память прошлого сохраняется в конкретных материальных объектах, в «памяти места», то забвение, а иногда и уничтожение ее осуществляется изменением значения

социокультурного пространства. «Статус культурного наследия как инструмента символической легитимации власти за многие десятилетия позволяет рассматривать объекты культурного наследия, в том числе, как атрибуты власти, а сферу культуры – как пространство укрепления легитимности политических режимов» [9, 131]. Используя и трансформируя культурное пространство Петербурга, органы власти не только репрезентируют себя, но и моделируют новую политическую реальность, новые ценности культурной памяти. В таком виде культурная политика власти манифестирует и утверждает потребительский ресурс использования и актуализации культурного наследия. «Память места» становится «доходным местом»!

В течение последних десяти лет в Петербурге поднимается вопрос о создании общественных пространств для проведения различных социальных и культурных проектов. Действительно, культурная столица не имеет таких пространств, и основным «эксплуатируемым» пространством остается с 1917 года Дворцовая площадь. Ангажированность и слабость органов власти Петербурга подтверждает необходимость обсуждения вопросов «ответственности» и «доверия» к власти в рамках стратегии культурной политики. Создание открытых дискуссионных площадок, помощь экспертному сообществу будет основой для формирования демократической культурной политики и развития ценностей гражданского общества. Отсутствие устойчивых ценностных ориентиров в актуальной политике замедляет разработку соответствующего инструментария политики памяти и, как следствие, девальвирует все попытки определения национальной или «русской идеи».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хачатуров С.* Бетонный бункер памяти. URL: <http://https://www.colta.ru/articles/art/19325-betonnyu-bunker-pamyati> (дата обращения 15.02.2019).
2. Сайт Министерства культуры РФ. URL: <https://www.mkrf.ru/documents/gosudarstvennaya-strategiya-formirovaniya-sistemy-dostoprimechatelnykh-mest-istoriko-kulturnykh-zapo/> (дата обращения 22.02.2019).
3. *Линченко А.А., Аникин Д.А.* Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 20.
4. Сайт Министерства культуры РФ. URL: [https://www.mkrf.ru/press/news/minkultury_rossii_prodolzhaet_proverki_sistem_bezопасности_federalnykh](https://www.mkrf.ru/press/news/minkultury_rossii_prodolzhaet_proverki_sistem_bezопасnosti_federalnykh) (дата обращения 22.02.2019).
5. Центр патриотического воспитания молодежи «Родина». URL: <https://rodina.spbstu.ru/partners/epoha/> (дата обращения. 22.02.2019).

6. Резник М. Что сейчас происходит с Музеем обороны и блокады Ленинграда // URL: <http://maximreznik.ru/?p=11370> (дата обращения 20.02.2019).
7. Деловой Петербург. 27.01.2019. URL : https://www.dp.ru/a/2019/01/27/Putin_videlil_iz_rezervno (дата обращения 20.02.2019).
8. Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения 20.02.2019).
9. Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 5-х ч. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60). Ч. I. С. 131.

Дудкина Евгения Александровна

научный сотрудник сектора экономики искусства,
Государственный институт искусствознания
125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5
dudkinaea@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДОСТУПНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние современных информационных технологий на функционирование учреждений культуры в виртуальном и физическом пространстве. Кроме этого автор затрагивает следующие вопросы: каким образом трактуется термин доступность в российской действительности и какие виды доступности существуют, а также то, каким образом эти возможности закреплены в нормативных актах. Очевидным решением этой проблемы является создание, систематическое обновление и пополнение сайтов каждого учреждения культуры независимо от величины и месторасположения этих учреждений. При этом отдельное внимание следует уделять своевременности информационного пополнения сайтов и необходимость своевременного реагирования на запросы со стороны потребителей контента учреждений культуры.

Ключевые слова. Информационные технологии, доступность, учреждения культуры, оцифровка, художественные произведения, законодательное регулирование.

Dudkina Evgeniia A.

Research associate of the Sector of the economics of arts,
State Institute for Art Studies
125000 Moscow, 5, Kozitsky lane
dudkinaea@mail.ru

IMPACT OF INFORMATION TECHNOLOGIES ON THE AVAILABILITY OF CULTURAL INSTITUTIONS IN RUSSIA

Abstract. The article discusses the impact of modern information technologies on the activity of cultural institutions in the virtual and physical space. In addition, the author raises the following questions: how the term availability is interpreted in Russian reality and what types of

availability exist, as well as how these possibilities are fixed in normative acts. The obvious solution of this problem is the creation, systematic updating and replenishment of the sites of each cultural institution, that must not depend from the size and location of these institutions. At the same time, special attention should be paid to the timeliness of information replenishment of sites and the need to respond to requests from consumers of content of cultural institutions.

Keywords. Information technologies, availability, cultural institutions, digitization, art works, legislative regulation.

Пожалуй, все более очевидным становится тот факт, что современный, уже привычный нам мир не возможен без активного участия информационных технологий и без влияния на мнение и поведение людей общего информационного пространства. И хотя всегда остаются приверженцы традиционных форм приобщения к культуре, не следует отрицать, что современный человек начинает воспринимать культуру, как нечто, окружающее его, и именно от того, каким образом и какой информацией насыщен интернет-контент, зависит положительным или отрицательным будет это влияние.

В этом же информационном пространстве функционируют и современные учреждения культуры и искусства. Если еще в начале века далеко не каждое учреждение культуры имело компьютеры с выходом в интернет, то сейчас каждое (согласно законодательству) должно иметь не только эту возможность, но и иметь свой активный сайт.

ПРАВО НА УЧАСТИЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

В Конституции РФ официально закреплены гарантированные гражданам права, в том числе и в области культуры, образования, социальной защиты. Это гарантии свободы литературного, художественного <...> и других видов творчества; право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, возможность доступа к культурным ценностям (ст. 44). При этом в ст. 7 Конституции РФ заявляется, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

В «Основах государственной культурной политики» (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808), в ст. 4, среди целей культурной политики указана и такая, как «обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам» [2].

К сожалению, далеко не все категории граждан могут иметь непосредственный доступ к ряду учреждений культуры и искусства. Обстоятельства эти могут носить различный характер: отсутствие подобных учреждений в данной местности (особенно это касается сельских поселений и малых городов); физическая невозможность посещения учреждения культуры (территориальная недоступность, возрастные ограничения, инвалидность, невозможность оставить детей и пр.); финансовые ограничения (например, высокие цены на билеты, недостаточный уровень заработной платы, не позволяющий тратить деньги на «роскошь») и т.п. В этот же ряд можно отнести и тот факт, что иногда некоторые мероприятия (гастроли известных театральных коллективов, фестивали, временные выставки и пр.) носят ограниченный по срокам период проведения, а также пользуются повышенной популярностью, что уже вызывает сложности с приобретением билета и возможностью попасть на само мероприятие.

Говоря о доступности, в рамках данной статьи воспользуемся определением, данным в ст. 9 «Конвенции о правах инвалидов» (от 13 декабря 2006) [4].

В данном случае мы имеем дело не с конкретным определением, а скорее его описанием через обеспечение ряда мер для обеспечения доступности (к сожалению, в данном случае, как и в ряде других, законодательство пошло по пути определения действий, но не выработке термина).

Таким образом, мы можем говорить о том, что доступность обеспечивается принятием надлежащих мер для обеспечения доступа наравне с другими к физическому окружению, к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения как в городских, так и в сельских районах.

Выделим несколько основных проблем, связанных с доступностью потребления культурных благ (услуг учреждений культуры) различными группами населения:

- территориальная доступность;
- финансовая доступность;
- временная доступность (время и сроки проведения мероприятия);
- доступность, связанная с ограниченными физическими возможностями;
- социальная доступность;
- информационная доступность.

Поскольку в данном докладе речь идет именно об информационной доступности, то обратимся к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об информации, информационных технологиях

и о защите информации» [5]. В ст. 3 говорится, что отношения в сфере информации основываются на таких принципах, как:

1) свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом;

2) установление ограничений доступа к информации только федеральными законами;

3) открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации;

4) равноправие языков народов Российской Федерации при создании информационных систем и их эксплуатации;

5) обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации;

6) достоверность информации и своевременность ее предоставления;

7) неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия;

8) недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими.

Каким образом же образом исполнению этих конституционных прав и законодательных норм может способствовать активное развитие сети интернет?

Очевидным решением этих и подобных проблем является создание, систематическое обновление и пополнение сайтов каждого учреждения культуры независимо от величины и месторасположения этих учреждений. При этом отдельное внимание хочется уделить именно своевременности информационного пополнения сайтов и необходимость своевременного реагирования на запросы со стороны потребителей контента учреждений культуры.

Влияние современных технологий на учреждения культуры

Среди примеров наиболее активного влияния информационных технологий на учреждения культуры отдельной строкой можно выделить такие учреждения культуры, как музеи и библиотеки. Это объяснимо тем фактом, что именно библиотеки первыми начали компьютерную каталогизацию и оцифровку бумажных изданий, находящихся в их хранилищах. Теперь же мы, не выходя из дома, можем, воспользовавшись

возможностями интернет-доступа, зайти на сайт практически любой библиотеки, ознакомиться с ее каталогом, заказать нужное издание и т.п. Кроме этого, следует отметить, что в настоящее время библиотеки, как и музеи, превращаются в своего рода культурные центры, в которых проводятся литературные встречи, организуется просмотр кинофильмов, выставки и даже театральные встречи и спектакли. В такие же современные коммуникационные пространства превращаются и музеи.

В Федеральном законе от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» дано определение музея как некоммерческого учреждения культуры, созданного собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации [6]. Теперь же это определение расширяется, и к традиционным видам деятельности прибавляются новые, такие как проведение мастер-классов по живописи, лепке, лекций, тематических кинопросмотров и т.п. Да и традиционное представление коллекций также меняется в сторону интерактивности.

Говоря о музейной деятельности, особо стоит упомянуть о создании так называемого Госкаталога (<http://goskatalog.ru>), основная функция которого – формирование единого информационного ресурса основных сведений о музейных предметах и музейных коллекциях, хранящихся во всех государственных, муниципальных и частных музеях Российской Федерации для создания механизмов свободного и эффективного доступа граждан к информации о культурном наследии, предоставления широкого спектра информационных услуг на базе современных телекоммуникационных технологий¹.

Следующим важным процессом, получившим в последние годы государственную поддержку, явился процесс оцифровки музейных фондов. Музеи получили возможность создать электронные коллекции, открывая ценные фонды для общего доступа. Конечно, нельзя говорить о том, что электронные копии картин, предметов быта и жизнедеятельности, рукописей и пр., представленные в интернете, дают полное представление о данных произведениях искусства, но это несомненно способствует популяризации музейной деятельности, а также дает возможность знакомства с музейными коллекциями для тех людей, которые по разным

¹ Необходимость создания Госкаталога прописана в Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон “О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”» от 3 июля 2016 года № 357-ФЗ.

причинам не могут посетить данные учреждения (здесь следует четко понимать, что физически посетить Третьяковскую галерею, Пушкинский музей, Эрмитаж или Русский музей, не говоря уже о большом количестве малоизвестных музеев, имеют далеко не все). Следует отметить, что помимо возможности ознакомиться с коллекцией музея, многие музеи предоставляют такую услугу, как виртуальная экскурсия. Более того стали появляться музеи, которые существуют только в виртуальной форме.

В области библиотечного дела информатизация также играет все большую роль. В Федеральном законе от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле», закреплены права граждан в области библиотечного дела (гл. 2., ст. 5). Таким образом, говоря о доступности, каждый гражданин имеет право на библиотечное обслуживание на территории РФ, которое обеспечивается созданием сети библиотек, а также многообразием их видов и форм собственности [7].

Кроме этого, те пользователи библиотек, которые не могут посещать библиотеку в силу преклонного возраста и физических недостатков, имеют право получать документы из фондов общедоступных библиотек через заочные или внестационарные формы обслуживания (ст. 8.3.), то есть фактически путем предоставления запрашиваемых данных через интернет.

Отдельно следует выделить создание и успешное функционирование Федеральной государственной информационной системы «Национальная электронная библиотека» (<https://нэб.рф>), которая представляет собой совокупность документов и сведений в электронной форме и доступ к которым предоставляется пользователям, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети интернет (ст. 18.1).

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДОСТУПНОСТЬ

Согласно Приказу Минкультуры Российской Федерации № 277 от 20.02.2015 года «Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций культуры в сети интернет» [8], утверждены единые требования к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, где предусматривалось обязательное размещение данной информации на официальных сайтах федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления, в том числе и непосредственно на сайтах организаций культуры.

Список необходимых требований (приложение к приказу Минкультуры России от 20.02.2017 № 277) предусматривает удобство навигации и поиска для пользователей, наличие карты сайта, обязательный круглосуточный доступ к информации без ограничений.

Одним из главных требований является обязательная актуализация и размещение информации в течение 10 рабочих дней.

Если говорить непосредственно об организациях культуры, то согласно п. 8. данных требований на сайте учреждения культуры (а также его филиалов, при их наличии) должна быть представлена следующая информация:

1. Наименование (полное и сокращенное), адрес (место нахождения), схема проезда; дата создания, сведения об учредителе (учредителях), учредительные документы; структурные подразделения, график работы, ФИО и должности руководства организации культуры и ее структурных подразделений и филиалов, контактные телефоны и адреса электронной почты.

2. Информация о деятельности организации культуры, а именно: сведения о видах предоставляемых услуг, порядок и перечень оказываемых платных услуг, сами цены (тарифы) на услуги; копии плана финансово-хозяйственной деятельности или бюджетной сметы (информации об объеме предоставляемых услуг) организации культуры; о материально-техническом обеспечении предоставления услуг; копии лицензий на осуществление деятельности. Информация о планируемых мероприятиях и выполнении государственного (муниципального) задания, отчет о результатах деятельности учреждения.

3. Иная информация, являющаяся обязательной в соответствии с законодательством РФ; опубликованная по решению учредителя организации культуры, а также самой организации культуры; результаты независимой оценки качества оказания услуг, а также предложения об улучшении деятельности и т.п.

Попробуем выделить основные параметры, которым должен соответствовать действующий сайт учреждения культуры: он должен в обязательном порядке содержать следующую информацию: наименование учреждения, адрес и место нахождения организации, схему проезда, список предоставляемых услуг, а также их стоимость (включая сведения о льготах, предоставляемых различным категориям граждан), график работы организации и ее структурных подразделений, список контактов, уставные документы, возможность оценки качества услуг учреждения.

Следует понимать, что существование сайта учреждения культуры без определенного содержательного наполнения и постоянной актуализации

не может принести много пользы. Именно от его информативности зависит возможность повышения доступности посещения (физического или виртуального) данного учреждения культуры.

Если говорить о влиянии информационных технологий на посещение театральных и концертных учреждений, то прежде всего следует отметить возможность покупки билетов *online* (здесь следует упомянуть не только сайты театров, но и сайты, предназначенные для покупки билетов на театральные представления и концерты (<http://www.ebilet.ru>, <https://www.ticketland.ru>, <https://ponominalu.ru> и другие).

Благодаря наличию развернутых и обновляемых театральных сайтов можно просмотреть репертуарную афишу, и, прочитав отзывы, можно заранее спланировать посещение интересующего вас представления, включая покупку билетов. Для всех учреждений культуры в перечне необходимой для публикации на сайте информации находится время работы касс, репертуар (афиша), список услуг и цен и пр. В ряде театров, например в Большом театре, предусмотрена возможность экскурсии по театру, в том числе и виртуальной.

Современные библиотеки также во многом отличаются от того, что мы привыкли видеть еще лет десять назад. Теперь это скорее своего рода досуговые центры, объединившие в себе многие функции. В библиотеках проводятся занятия для детей и взрослых (в зависимости от направленности библиотеки это могут быть встречи с писателями, киноклубы, прикладное творчество и разное другое).

Наличие собственных сайтов библиотек дает, в первую очередь, возможность получить информацию о деятельности библиотеки. Поскольку каталог ведется в электронном виде, читатель может, не заходя в библиотеку, получить сведения об интересующем его издании, имеется ли оно в наличии, возможно ли заказать его электронную версию. Так же пользователь библиотеки может воспользоваться другими возможностями, которые предоставляет библиотека, и опять-таки первым шагом на этом пути будет ознакомление с ее сайтом.

Конечно, мы уже привыкли, что практически любое произведение можно скачать из интернета, но следует учитывать, что по-прежнему существуют редкие издания, ну а если говорить о финансовой доступности, то покупка книги за достаточно большую сумму не всегда оправдана, поэтому здесь также на помощь приходят библиотеки.

Также полезной является информация о графике работы, стоимости платных услуг (если они имеются), схеме проезда и др.

Следует понимать, что существование сайта учреждения культуры без определенного содержательного наполнения и постоянной актуализации

не может принести много пользы. Именно от его информативности зависит возможность повышения доступности посещения (физического или виртуального) данного учреждения культуры.

Если мы говорим о территориальной доступности, то следует учитывать неравномерность распределения учреждений культуры в различных регионах России.

Для примера, рассмотрим ситуацию с музеями. Обратимся к статистике. Например, на 2016 год количество музеев (включая филиалы) составляло приблизительно 0,2 на 10 тыс. человек, а число посещений музеев составило в этом году 843 на 1000 жителей (566 в 2008 году).

При этом наибольшее число посещений пришлось на музей-заповедник «Петергоф» – более 5 млн посещений, Эрмитаж – более 4 млн посещений, на десятом месте Русский музей – около 1 млн посещений.

Таким образом, можно сделать вывод, что львиная доля всех посещений приходится на наиболее известные музеи, обладающие не только большим музейным фондом, но и важной исторической составляющей [9].

Даже при этих довольно больших показателях посещений понятно, что далеко не все желающие могут посетить Эрмитаж, Государственную Третьяковскую галерею и многие другие крупные музеи в силу территориальной доступности. И тут неоспоримую помощь в ознакомлении с музейными фондами должны оказывать сайты этих конкретных учреждений, на которых может быть представлена оцифрованная коллекция музея, виртуальная экскурсия по музею, а также различная информация.

Очень важным элементом в посещении учреждения культуры является планирование этого посещения. То есть здесь мы говорим уже об информационной доступности. Сайт предоставляет сведения о времени работы, стоимость услуг, возможности льготного или бесплатного посещения, схему проезда. Например, можно спланировать дату с учетом возможности бесплатного посещения.

Также на сайтах представлена информация о возможностях посещения учреждения инвалидами и лицами с ограниченными возможностями. Если музей не обладает такими возможностями, опять на помощь может прийти виртуальная экскурсия и другие виды ознакомления с фондами.

Отдельно следует отметить проекты, объединяющие в себе различные виды культурной активности. Например, АИС «Единое информационное пространство в сфере культуры». На данной платформе активно отслеживается рейтинг информационной активности культурной жизни регионов. Здесь присутствует информация о регионах, учреждениях, местах

проведения культурных событий, учреждениях, а также о публикациях во внешних источниках¹.

Особо следует отметить, что данный проект включает в себя большое число учреждений культуры: библиотеки, дворцы культуры и клубы, кинотеатры, концертные площадки, культурное наследие, музеи и галереи, образовательные учреждения, памятники, парки, театры, цирки и пр.

На сегодняшний день в ЕИПСК зарегистрировано больше двадцати тысяч учреждений культуры, предоставивших информацию миллионм пользователей о более чем 400 тысячах различных событий. За время работы сайта было создано больше трех тысяч групп в различных соцсетях. Технически в Едином информационном пространстве могут работать учреждения культуры любого региона страны, включая коммерческие организации².

Когда мы говорим о влиянии современных интернет технологий на вовлеченность населения в культурную жизнь общества, мы говорим о той культурной жизни, к которой мы привыкли. Это может быть активное вовлечение в культурную жизнь, то есть посещение музеев и выставок, театров, библиотек, кинотеатров и досуговых центров и других учреждений культуры, но может быть и пассивное, например просмотр телевизионных передач, общение с друзьями и коллегами в интернете, просмотр фильмов и сериалов в интернете, и конечно же – посещение различных сайтов.

Ранее уже говорилось о том, что при помощи сайта конкретного учреждения культуры можно ознакомиться с его историей, узнать, что может предложить это учреждение культуры своим посетителям или зрителям. И, как правило, часть людей принимает решение о посещении данного учреждения, не отходя от компьютера, покупает билеты, пользуясь возможностью *online* бронирования и т.п.

Следует отметить, что все большую роль в современном мире играют социальные сети. В последние годы они стали не только средством общения сообщества единомышленников или друзей, возможностью провести время за просмотром новостей и сетевыми играми, также социальные сети стали распространителем так называемой вирусной рекламы. Многие пользователи передают (делают перепосты) заинтересовавшей их информации.

Причем же здесь вовлеченность в культурную жизнь общества?

¹ АИС «Единое информационное пространство в сфере культуры». URL: <https://all.culture.ru/ratings/regions> (дата обращения 20.07.2019).

² По данным на июль 2019 года.

Mail.ru Group на основе данных *TNS Web-Index* за январь 2014 года провела анализ пяти крупнейших социальных сетей в России. Самая большая месячная аудитория у ВКонтакте – 52,7 млн пользователей, на втором месте – Одноклассники – 42,6 млн пользователей, на третьем – Мой мир (*Mail@ru*) – 30,6 млн пользователей, который опережает *Facebook* (25,4 млн) и *Twitter* (11,6 млн).

По данным на май 2017 года, среднемесячное число просмотров страниц социальных сетей превышает миллиард, а общее число посетителей достигает от 45 млн в Одноклассниках до 88 млн в ВКонтакте. Для сравнения все население России в 2017 году оценивалось 146,8 млн человек (по данным Росстата). Так что более половины всего населения России ежедневно проводит свое время в социальных сетях [10, 404–416].

На сайте практически каждого учреждения культуры есть ссылка на его страничку в социальных сетях. Если мы, например, зайдем на страницу Большого театра в Фейсбуке, то увидим почти 70 тысяч подписчиков, множество отзывов и рекомендаций, видеозаписи спектаклей и другую информацию. Страница театра Ленком в Фейсбуке имеет более 6 тысяч подписчиков, также содержит фото- и видеоконтент и т.п.

Таким образом, информация в интернете как официальная, так и публикуемая различными людьми, дает больше возможности вовремя узнавать об интересных культурных событиях и участвовать в них. Если посетители официальных сайтов не всегда регистрируются по причине сложности, то подписаться на страницу интересующего тебя учреждения культуры в социальной сети гораздо проще, а значит, ты всегда будешь иметь свежую информацию о мероприятиях и культурных событиях. Для современного поколения этот вариант, как правило, оказывается более предпочтителен.

Подводя итоги, следует отметить, что влияние современных интернет-технологий на вовлеченность населения в активную культурную жизнь общества будет только расти с увеличением числа пользователей интернета.

Современное учреждение культуры в существующем информационном пространстве приобретает дополнительные роли и функции, многие из которых призваны сделать их более популярными среди населения, способствовать той самой доступности ознакомления с произведениями искусства, музыкального и театрального творчества для самой широкой аудитории.

При всех своих недостатках, появившиеся возможности в области оцифровки художественных, музыкальных, прикладных произведений могут не только способствовать сохранению подлинников, но и дать дополнительные возможности познакомиться с ними широкому кругу ценителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения 15.08.2019).
2. Основы государственной культурной политики. URL: <https://base.garant.ru/70828330/#friends> (дата обращения 20.07.2019).
3. Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года. URL: <https://base.garant.ru/2565085/> (дата обращения 20.07.2019).
4. Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года. URL: <https://base.garant.ru/2565085/> (дата обращения 20.07.2019).
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=320457&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.3647949989713375#09458905680203462> (дата обращения 20.07.2019).
6. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения 15.08.2019)
7. Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле». URL: <https://base.garant.ru/103585/> (дата обращения 15.08.2019).
8. Приказ Минкультуры Российской Федерации № 277 от 20.02.2015 года «Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций культуры в сети “Интернет”». URL: <https://base.garant.ru/71014336/> (дата обращения 20.07.2019).
9. Статистика культуры 2016. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах. М.: [б.и.], 2017. URL: <http://mkstat.ru/upload/statdoc/20180116.pdf> (дата обращения 09.09.2018).
10. Дудкина Е.А. Измененная реальность. Как влияют на нашу жизнь социальные сети? // Гигиена культуры. Современные повседневные практики и риски: коллективная монография / Отв. ред. Т.Н. Юдина, Д.К. Танатова. М.: Издательство РГСУ, 2018. С. 404–416.

Черненко Юлия Александровна

кандидат филологических наук,
преподаватель НИУ «Высшая школа экономики»,
факультет коммуникаций, медиа и дизайна, департамент медиа;
Москва, Хитровский переулок, д. 4, корп. 10;
juchernenko@hse.ru

Рогозина Юлия Сергеевна

магистрантка НИУ «Высшая школа экономики»,
факультет коммуникаций, медиа и дизайна,
программа «Менеджмент в СМИ»;
Москва, Хитровский переулок, д. 2/8, корп. 5;
yulya411.94@mail.ru.

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация: Проблема исследования состоит в следующем: виртуальные музеи обладают достаточным функционалом и инструментами для ознакомления широких масс населения (в том числе людей с ограниченными возможностями здоровья) с культурным наследием, но потенциалом большинства из них в России остается невостребованным. Авторы статьи склонны считать, что это во многом связано с тем, что администрация виртуальных музеев недостаточно хорошо продвигает их в СМИ и, в частности, в социальных медиа. Настоящее исследование направлено на выработку рекомендаций по способам продвижения виртуальных музеев в социальных медиа, этим и обусловлена его актуальность. Новизна исследования заключается в том, что ранее попытки подробного изучения, с приведением количественных данных анализа контента самих виртуальных музеев, а также их групп и страниц в социальных медиа, не предпринимались. В первой части исследования авторами рассматривается понятие «виртуальный музей», различные подходы к его трактовке. Вторая часть посвящена рассмотрению виртуальных музеев с точки зрения их вида и типологии и проведена методом анализа контента. В третьей части приводятся данные по анализу представленности виртуальных музеев в социальных медиа, динамика количества подписчиков на площадках во ВКонтакте, *Facebook*, Одноклассниках, *Instagram* и *Twitter*. Главные выводы заключаются в том, что крупные представители культурной индустрии, активно ведущие страницы в социальных медиа, продвигают в основном не виртуальные туры, а сам музей, его экспонаты и выставки, тогда как менее масштабные музеи или виртуальные музеи, существующие только в сети

интернет, в основном слабо или почти не используют социальные медиа и их технологии для привлечения аудитории на свои сайты.

Ключевые слова. Виртуальный музей, социальные медиа, маркетинг, культурные институты, инструменты продвижения, современная медиасреда, репрезентация музея, виртуальное пространство.

Chernenko Yuliya A.

Candidate of Sciences (PhD),
Lecturer of the National Research University Higher School of Economics,
Faculty of Communications, Media and Design, School of Media;
4 Khitrovsky Pereulok, Building 10, Moscow;
juchernenko@hse.ru

Rogozina Yuliya S.

Master Student of the National Research University
Higher School of Economics,
Faculty of Communications, Media and Design,
Programme Media Management;
2/8 Khitrovsky Pereulok, Building 5, Moscow;
yulya411.94@mail.ru

STRATEGIES OF THE REPRESENTATION OF VIRTUAL MUSEUMS IN SOCIAL MEDIA

Abstract. This article is devoted to the analysis of the strategies of representation of virtual museums in social media. The problem of research is that virtual museums have sufficient functionality and tools to familiarize the broad masses of the population (including people with disabilities) with the cultural heritage, but the potential of most of them in Russia remains unclaimed. The authors of the article are inclined to believe that this is largely due to the fact that the administration of the virtual museums is not well promoting them in the media and, in particular, in the social media. This study is aimed at developing recommendations on how to promote virtual museums in the social media, which is the reason for its relevance. The novelty of the research lies in the fact that there have not been any attempts earlier to study in detail, with quantitative data analysis of the content of the virtual museums and their pages in the social media. In the first part of the study, the authors consider the concept of virtual museums and various approaches to its interpretation. The second part is devoted to the defining of the classes and types of virtual museums and is conducted by content analysis. The third part provides data on the analysis of the representation of virtual museums in the social media, the dynamics of the number of

subscribers of the pages in VKontakte, Facebook, Odnoklassniki, Instagram and Twitter. The main conclusions are that major representatives of the cultural industry actively leading pages in the social media, promote mostly not virtual tours, but the museum itself and its exhibitions, whereas smaller museums or virtual museums that exist only in the Internet, almost do not use social media and its technologies to attract an audience to their websites.

Keywords. Virtual museum, social media, marketing, cultural institutions, promotion tools, modern media environment, museum representation, virtual space.

ПОНЯТИЕ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Виртуальный музей (ВМ) является динамично развивающимся меди-афеноменом в современном российском социокультурном пространстве. Это инновационный, экономически выгодный способ приобщения широких масс населения к культурному наследию, истории, ознакомления их с мировыми достижениями в области искусства. Количество ВМ в стране и качество их репрезентации, рейтинг посещаемости сайтов могут служить одними из индикаторов уровня культуры и степени внедрения в нее инноваций. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Основы государственной культурной политики» постулируется значимость «... использования цифровых коммуникационных технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания» [1, 14]. При поддержке Министерства культуры РФ число ВМ увеличилось с 34 в 2013 году до 87 в 2017 году, а количество визитов выросло с 2,7 млн до 14 млн соответственно [2]. В 2016 году количество посетителей ВМ Эрмитажа составило 3650 000 человек: всего на 50 тыс. человек меньше, чем реального музея [3, 99].

Несмотря на это, стоит отметить, что эмпирическая база данного явления шире теоретической, в связи со стихийностью возникновения и развития самого определения «виртуальный музей». Именно этим обуславливается актуальность исследования стратегий репрезентации ВМ в социальных медиа (СМ) для последующей выработки более эффективных способов продвижения в медиасреде.

На данный момент в научном сообществе не существует единого определения ВМ. Наиболее удачно, на наш взгляд, определение Т.Е. Максимовой, которая предлагает широкое толкование данного явления: ВМ – «продукты компьютерной индустрии, осуществляющие бесплатный массовый доступ к культурному наследию» [4, 197], «новая культурная

форма интегративного характера, многофункциональный комплекс, существующий в виртуальном пространстве и несводимый к сайтам традиционных музеев в сети интернет» [5, 32]. По мнению исследовательницы, ВМ позволяют с большей эффективностью достигать целей, которые стоят перед традиционными музеями. Притом ВМ – это самостоятельная «новая культурная форма со своими особенностями и перспективными функциями» [5, 32]. Согласно мнению А.В. Лебедева, доктора искусствоведения, руководителя Лаборатории музейного проектирования, существует два типа ВМ. Первый относится к функционированию в сети интернет или искусственным компьютерным построениям, когда моделируется искусственное трехмерное пространство, в котором и размещаются музейные предметы. Второй тип – это существующее в реальности музейное пространство (реальная комната), в котором размещаются виртуальные объекты (голограммы, проекции и т.д.) [6, 5–9]. Следует подчеркнуть, что в данной статье рассматривается только первый тип ВМ, размещенных в сети Интернет. На основе этих и множества других определений термина ВМ (Д.Ю. Гук, В.В. Определенов [7, 413–415], Д.Н. Дзюба [8, 1–5] и др.), нами было сформулировано собственное определение: ВМ – это совокупность компьютерных технологий, позволяющих создать некое виртуальное пространство, не существующее в реальности, или же воссоздать в цифровом виде (например при помощи панорамной съемки) интерьер реально существующего музея, где были бы представлены несуществующие или же копии реальных экспонатов, доступные для любого среднестатистического пользователя.

Стоит отметить, что мировое научное сообщество также занимается изучением ВМ выбранного нами типа. Так, интересная мысль высказывается корейским исследователем С. Кимом, который пишет, что подобные ВМ могут стать фактором вовлечения молодежи и «миллениалов» в культурные практики, привлечения внимания к культурному наследию и экспозициям [9]. Высоко оценивает образовательные возможности ВМ и австрийский исследователь Х. Бидерманн [10], хотя и указывает на опасения музейных скептиков о потере ауры оригинальных музейных объектов. Отдельное внимание в работах группы итальянских исследователей уделяется роли ВМ как «цифрового рассказчика» (*digital storyteller*), который позволяет повысить уровень культурной осознанности и стать помощником в конструировании групповой идентичности носителей культуры [11; 12]. Однако типологии ВМ до сих пор находятся на стадии формирования, поэтому особенно интересно проанализировать ВМ именно с этой точки зрения.

АНАЛИЗ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВИДА И ТИПОЛОГИИ

Методом анализа контента всего было исследовано 27 единиц ВМ (с полным списком и ссылками на музеи можно ознакомиться в разделе библиографии). Отбор конкретных единиц происходил в случайном порядке, но с ориентировкой на вид ВМ (по Т.Е. Максимовой [5, 74]):

- А. Виртуальные представительства традиционных музеев – 16 единиц;
- В. ВМ, присутствующие только в сети Интернет – 11 единиц;
- С. ВМ, созданные административными единицами (поселками, городами) – 3 единицы;
- Д. ВМ, созданные образовательными и научными учреждениями (школы, университеты, исследовательские центры) – 4 единицы;
- Е. ВМ, созданные культурными учреждениями (музеи, галереи и т.д.) – 9 единиц;
- Ф. ВМ, созданные частными предприятиями – 4 единицы;
- Г. ВМ частных лиц, личные коллекции – 5 единиц;
- Н. ВМ, созданные для удобного доступа и сохранения материалов «современности» (материалов выставок, мастер-классов и т.д.) – 1 единица.

Все исследованные ВМ принадлежат сразу двум видам, чем и объясняется кажущееся на первый взгляд несовпадение в цифрах. Для репрезентативности мы старались проанализировать минимум три ВМ каждого вида (за исключением ВМ вида Н – крайне редкого, на данный момент удалось найти только 1 такой). Выводы состоят в следующем:

Во-первых, ВМ, принадлежащих исключительно к одному виду, в результате исследования выделено не было. Исключение составляет только Музей телевидения и радио в интернете, но дело здесь не в том, что он с этой точки зрения уникален, а в том, что представленная выше «видовая система» Т.Е. Максимовой может быть дополнена и уточнена. Стоит еще раз подчеркнуть, что данный исследователь и не приводил в своих работах именно такое четкое разделение ВМ на виды: она говорила об особенностях и отличиях ВМ в целом, на основании чего авторами была составлена представленная выше система. Следовательно, ее возможно и необходимо дополнить и другими видами ВМ. В случае Музея телевидения и радио в интернете, функционирующего при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, следует выделить еще один вид ВМ – созданный и/или поддерживаемый государственными органами.

Во-вторых, количество проанализированных единиц каждого вида в общих чертах соответствует общему количеству ВМ данного вида.

Точное число подсчитать не представляется возможным в силу отсутствия единого ресурса, где были бы собраны все ВМ российского сегмента интернета (отдельные данные были взяты нами с портала «Культура.РФ» [13], Рейтинг@Mail.Ru [14]). Так, лидируют виртуальные представительства традиционных музеев (это, как правило, музеи, созданные государственными культурными, образовательными учреждениями, частными предприятиями).

Следует отметить наличие ВМ, функционирующих только в сети интернет, хотя их все же меньше: чаще всего они находятся в структуре административных единиц (что объяснимо, так как технологии позволяют создать карту города, нанести на нее все основные достопримечательности, скомпилировать «летопись»). Также отдельно следует выделить ВМ частных лиц, частных предприятий и образовательных учреждений (которые, как правило, финансово не могут себе позволить существование реального музея). Из вышесказанного следует вывод, что логично было бы первичное разделение всех ВМ на два вида (А и В) и уже вторичное разделение (или даже выделение еще одной типологии) для видов С–Н.

Далее мы проанализировали вышеназванные ВМ по ряду критериев, которые перечислены в Таблице 1.

По доступности сервисов ВМ вида А и В открытые, аудитория – широкая, по содержанию чаще встречаются исторические и художественные ВМ.

У ВМ вида В чаще фигурирует в названии слово «виртуальный»: администрации необходимо привлечь внимание аудитории к сайту музея как единственно возможной форме его существования, а ВМ вида А нацелены на продвижение традиционного музея.

Девять ВМ вида А – интернациональные, созданы крупными культурными и образовательными учреждениями для широкой, в т.ч. иностранной аудитории. ВМ вида В как правило финансируются в меньшей степени.

ВМ вида А чаще создаются на бюджетные деньги культурными и образовательными учреждениями и используют более продвинутые технологии (например, уровень погружения предполагает использование 360 видео и фото, аудио сопровождение), по сравнению с ВМ вида В, которые чаще финансируются частными лицами и организациями и по уровню погружения обычно неиммерсивные (представлены 2-D экспонатами).

С точки зрения функциональных возможностей, для всех проанализированных ВМ присуща в первую очередь информационно-просветительская функция. 7 из 27 музеев данного вида позволяют не только просматривать материалы, но имеют аудиодорожки, и только Виртуальный музей музейно-выставочного центра РОСФОТО содержит визуально адаптированный текст для людей с проблемами зрения. При этом 6

Таблица 1

Анализ виртуальных музеев видов А и В¹

ВМ вида А (виртуальные представительства традиционных музеев) – 16 единиц	ВМ вида В (ВМ, присутствующие только в сети интернет) – 11 единиц
Присутствует ли слово «виртуальный» в названии:	
Да – 4 (25%) Нет – 12 (75%)	Да – 8 (73%) Нет – 3 (27%)
По локации:	
9 – интернациональные (56%) 7 – национальные (44%)	3 – интернациональные (27%) 8 – национальные (73%)
По типу финансирования:	
9 – бюджетные (56%) 7 – внебюджетные (44%)	4 – бюджетные (36%) 7 – внебюджетные (64%)
По уровню погружения:	
10 – низкий уровень (62%) 6 – неиммерсивные (38%)	2 – низкий уровень (18%) 9 – неиммерсивные (82%)
По функциональным возможностям (из 27 ВМ):	
27 – информационно-просветительская функция, 7 – адаптированы для людей с ограниченными возможностями (из них 6 вида А), 2 – образовательная функция, 4 – коммуникативная (из них 3 вида В), 7 – экономическая (из них 3 вида В)	

из 7 ВМ для людей с ограниченными возможностями относятся к виду А. Как правило, это виртуальные туры по существующим крупным музеям городов России, которым многолетняя практика функционирования и бюджет позволяют использовать дополнительные технологии.

Образовательную функцию мы выделили для 2 ВМ из 27, исходя из количества и глубины сведений, которые можно почерпнуть на сайте музеев. Это музей естественной истории *Natural Museum* и виртуальный музей живописи (Арт Планета *Small Bay*).

4 из 27 ВМ обладают коммуникативной функцией, то есть возможностью оставления комментариев, общения в чатах и на форумах, причем

¹ Данные получены в результате авторского анализа сайтов виртуальных музеев, указанных в эмпирической базе исследования.

3 из них относятся к виду В. Возможно, это связано с тем, что они, не имея материального воплощения, уделяют больше внимания общению со своей аудиторией онлайн.

Наконец, 7 ВМ реализуют на своих сайтах экономическую функцию. Четыре из них – это виртуальные представительства традиционных музеев, продающие билеты на посещение реальных экспозиций (музей советских игровых автоматов также продает сувенирную продукцию в СМ). Из проанализированных ВМ вида В мы выделили виртуальный музей резных наличников, где можно заказать сувенирную продукцию с доставкой или купить ее в магазинах Москвы, а также музей естественной истории *Natural Museum* и виртуальный музей живописи (Арт Планета *Small Bay*), на сайте которых представлено большое количество баннерной рекламы.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент большинством ВМ используется не вся палитра функциональных возможностей, что, с одной стороны, говорит об их слабой развитости, с другой же – создает возможность для развития в будущем.

АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Нами был проведен анализ показателей групп и страниц, выбранных ВМ в социальных сетях. Из 27 рассматриваемых ВМ, только у 13 есть страницы или группы в ВКонтакте (ВК), у 11 в Facebook (FB), у 7 в Одноклассниках (ОК), *Instagram* и *Twitter*. Причем, что важно, за период наблюдения за данными ВМ количество групп или страниц ВМ на этих площадках осталось без изменений. Ниже приводим таблицу, где указано число подписчиков групп или страниц, анализируемых ВМ на 10.06.2018 и 10.02.2019. В таблице авторы приводят данные только по тем ВМ, в которых наблюдался рост подписчиков больше, чем на 1000 человек за указанный период, причем рост этот, вероятно, был непосредственно связан со стратегией ведения групп и страниц в СМ, а не произошел случайным образом (как, например, наблюдалось в некоторых заброшенных группах ВМ).

Считаем, что можно условно разделить все проанализированные ВМ на несколько групп. Однозначно лидируют два из них. На первом месте по числу подписчиков как в 2018, так и в 2019 году находится Государственный Эрмитаж (виртуальный визит) (за исключением площадки в ОК, на которой музей не представлен). Второе место занимают страницы музеев Московского Кремля (виртуальные туры), но так же за исключением страницы в ОК, где лидирует музей советских игровых автоматов.

Таблица 2

Анализ представленности виртуальных музеев в социальных медиа¹

Название ВМ	Государственный Эрмитаж (виртуальный визит)	Музеи Московского Кремля (виртуальные туры)	Виртуальный музей резных наличников	Музей советских игровых автоматов	Виртуальный музейно-выставочного центра РОСФОТО	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (виртуальный тур)
Вид	А, Е	А, Е	В, G	А, Е	А, Н	А, Е
Общее количество подписчиков на 10.06.2018 во всех СМ	1 353 315	409 242	52 339	34 987	19 831	22 163
Общее количество подписчиков на 10.02.2019 во всех СМ	1 446 807	426 688	84 941	40 313	23 721	21 871
Прирост общего количества подписчиков за период во всех СМ в процентах	7%	4%	62%	15%	20%	-1%
ВК 2018	213 000	101 889	13 153	13 061	10 678	7572
ВК 2019	237 311	103 351	15 441	14 845	11 427	8191
ВК изменение в абсолютных значениях по сравнению с 2018	24 311	1462	2288	1784	749	619
ВК изменение в % по сравнению с 2018	11%	1%	17%	14%	7%	8%
FB2018	54 315	19 342	12 969	6655	3483	3931

¹ Данные основаны на авторском анализе сайтов виртуальных музеев, их страниц и групп в социальных медиа, указанных в эмпирической базе исследования.

Таблица 2 (продолжение)

Название ВМ	Государственный Эрмитаж (виртуальный визит)	Музеи Московского Кремля (виртуальные туры)	Виртуальный музей резных наличников	Музей советских игровых автоматов	Виртуальный музей музейно-выставочного центра РОСФОТО	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (виртуальный тур)
FB2019	58 796	23 579	13 367	6804	4033	4208
FB изменение в абсолютных значениях по сравнению с 2018	4481	4237	398	149	550	277
FB изменение в % по сравнению с 2018	8%	22%	3%	2%	16%	7%
OK 2018		12 611	50	13 709		402
OK 2019		15 558	63	16 881		532
OK изменение в абсолютных значениях по сравнению с 2018		2947	13	3172		130
OK изменение в % по сравнению с 2018		23%	26%	23%		32%
Instagram 2018	209 000	39 400	26 000	1554	5517	1201
Instagram 2019	316 000	71 300	55 900	1751	8100	1568
Instagram изменение в абсолютных значениях по сравнению с 2018	107 000	31 900	29 900	197	2583	367
Instagram изменение в % по сравнению с 2018	51%	81%	115%	13%	47%	31%
Twitter 2018	877 000	236 000	167	8	153	9057

Таблица 2 (окончание)

Название ВМ	Государственный Эрмитаж (виртуальный визит)	Музей Московского Кремля (виртуальные туры)	Виртуальный музей резных наличников	Музей советских игровых автоматов	Виртуальный музей музейно-выставочного центра РОСФОТО	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (виртуальный тур)
<i>Twitter</i> 2019	834 700	212 900	170	32	161	7372
<i>Twitter</i> изменение в абсолютных значениях по сравнению с 2018	-42 300	-23 100	3	24	8	-1685
<i>Twitter</i> изменение в % по сравнению с 2018	-5%	-10%	2%	300%	5%	-19%

Далее выделяется группа ВМ, уверенно набирающих позиции и приближенных к лидерам. В зависимости от конкретной социальной сети, по-разному распределяются места между страницами виртуального музея резных наличников, музея советских игровых автоматов, музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (виртуальный тур) и виртуального музея музейно-выставочного центра РОСФОТО.

Далее следуют группы и страницы ВМ, число подписчиков которых ни на одной из площадок не превышает 1000 человек (в таблице не представлены). Это группы и страницы музеев Пермского университета (виртуальный тур) и виртуального музейного комплекса г. Козьмодемьянск. Эти ВМ представлены только в ВК и FB (виртуальный музейный комплекс г. Козьмодемьянск также представлен в ОК). Несмотря на относительно небольшой прирост подписчиков, страницы все-таки остаются активными и продолжают делать публикации, вызывая реакцию подписчиков.

Закрывают таблицу страницы, не проявляющие практически никакой активности или совсем заброшенные (не представлены в таблице). Это страницы галереи компьютерной эволюции, музея естественной истории *Natural Museum* (электронная энциклопедия природы), виртуального музея русского искусства Юрия Трайсмана, Общества друзей школы Карла

Мая, музея телевидения и радио в интернете, виртуального музея ГУЛАГа. Большинство этих ВМ представлены только в ВК и FB, страницы во всех СМ или показывают незначительный рост числа подписчиков, не превышающий 30 человек, или число подписчиков остается неизменным, или и вовсе уменьшается в связи с тем, что эти страницы заброшены, новых публикаций нет уже более полугода.

Таким образом, 6 ВМ мы бы отнесли к группе хорошо развитых практически во всех СМ, быстро наращивающих число подписчиков, активно ведущих свои страницы. 8 оставшихся, мы можем охарактеризовать как малоактивные, стагнирующие или заброшенные.

Из 14 ВМ, представленных в СМ, 9 относятся к виду А и 5 к виду В, причем почти все музеи вида В находятся в конце рейтинга, а число подписчиков на их страницах едва превышает 200 человек. Зато виртуальный музей резных наличников (вида В) находится в тройке лидеров с суммарным количеством подписчиков более 52000 на июнь 2018 года, и почти 85000 на февраль 2019, что, на наш взгляд, очень успешно для музеев такого рода. Причем следует подчеркнуть, что это один из немногих сайтов, где ссылки на группы не просто присутствуют и выглядят как кнопки, а представлены в виде больших заметных блоков, находятся на главной странице и информируют о количестве подписчиков в каждой группе или на каждой странице. Кроме того, этот ВМ представлен также и на других платформах, в частности в *PINTEREST* и на *YouTube*, а на самом сайте можно подписаться на обновления страницы. С нашей точки зрения, именно яркий акцент на другие платформы привлекает большое количество новых подписчиков, тогда как регулярность и частота постов их удерживают.

Также нами было сделано еще одно любопытное наблюдение по поводу представленности ВМ вида А в СМ. Оно заключается в том, что такие группы или страницы продвигают в первую очередь реальные музеи и их экспонаты, лишь изредка упоминая о существовании ВМ. Соответственно большинство подписчиков может даже не знать о существовании ВМ или знать, но не заходить на его сайт, предпочитая наносить визиты в реальный музей и следить за его новостями, тогда как в случае страниц и групп ВМ вида В такое «распыление» аудитории исключено.

Если делать выводы по каждой платформе в отдельности, то можно заметить, что для трех «гигантов» отрасли (Эрмитажа, музеев Московского Кремля и Кунсткамеры) площадкой с самым большим числом подписчиков является *Twitter*. И это несмотря на то, что за исследуемый период времени наблюдается спад числа подписчиков на данной площадке, вопреки общей тенденции роста на других платформах. Пока сложно

сказать, с чем эти явления могут быть связаны, ведь страницы ведутся на русском языке, а значит, большой интерес со стороны зарубежной аудитории вряд ли имеет вес в данном случае. Зато остальные рассмотренные ВМ или не имеют аккаунта в *Twitter* вообще, или число читателей в нем незначительно по сравнению с другими платформами.

Если же не брать во внимание *Twitter*, для вышеперечисленных трех ВМ самой популярной площадкой оказывается ВК, затем на примерно равных позициях оказываются FB и *Instagram* (причем именно страницы в *Instagram* дали наибольший рост числа подписчиков практически по всем исследуемым ВМ за исследуемый период), далее следует ОК. Популярность той или иной площадки зависит как от вида контента (например для виртуального музея резных наличников, где главными экспонатами являются фотографии самих наличников, наиболее удобен формат *Instagram*, что и подтверждается количеством подписчиков), так и от возраста и интересов аудитории (например музей советских игровых автоматов очень активен в ОК, где аудитория, как правило, постарше).

Что касается контентного наполнения, то страницы и группы в ВК, FB и ОК почти не отличаются по контенту, лишь иногда текст и изображение могут быть адаптированы для каждой конкретной платформы (так, например, на странице музея советских игровых автоматов в ВК больше музыки и статей, в ОК ностальгических фотографий). В *Twitter* чаще всего фигурируют анонсы мероприятий, лекций, выставок, в *Instagram* видео и фото экспонатов, интервью реальных музеев.

По частоте публикуемых на страницах и в сообществах *постов* мы разделили все анализируемые музеи на 6 групп. Чаще одного раза в день посты публикует только Государственный Эрмитаж (что и неудивительно при таком огромном числе подписчиков). Большинство из них, с суммарным количеством подписчиков больше 1000 человек публикует посты почти каждый день или минимум раз в неделю, причем этот принцип соблюдается в ВК, FB и *Instagram*, тогда как в ОК и *Twitter* посты могут появляться нестабильно или аккаунты могут и вовсе быть заброшенными. К сожалению, 2 из 5 ВМ, представленных только в сети интернет, имеют аккаунты только в ВК, но группы или заброшены, или график появления записей нестабилен. 1 из 5 таких ВМ имеет группы в ВК, FB и ОК, но все они тоже полузаброшены. То есть возможностью привлечения аудитории через социальные сети в основном пользуются виртуальные представительства традиционных музеев, и то чаще для популяризации реального, а не ВМ, тогда как ВМ типа В почти не осваивают эти площадки.

Важно также отметить изменения в частоте постов за исследуемый период. В большинстве случаев политика частотности публикаций осталась

неизменной, но есть и исключения. Так Эрмитаж стал менее активным в FB, публикуя посты не каждый день, но несколько раз в неделю. Группа Общества друзей школы Карла Мая в VK постепенно угасает. Больше изменений в VK, FB и *Instagram* не наблюдалось. Любопытно «поведение» страниц виртуального музея резных наличников: его владелец тонко чувствует тренды, наращивая обороты в ОК и снижая активность в *Twitter*.

Только 8 из 14 ВМ, представленных в СМ, используют сетевые технологии. Чаще всего это хэштеги, геолокация (особенно в *Instagram*), прямые трансляции через *YouTube*. Причем число подписчиков непосредственно влияет на качество и количество используемых технологий. Но анализ этого пункта в целом создает слабое впечатление, так как сетевые технологии применяются не всегда и не в полной мере.

Для тех ВМ, у которых есть группы в FB, удалось собрать информацию о том, насколько быстро они отвечают на сообщения. Обычно это происходит в течение нескольких часов или дня, но, например, музей советских игровых автоматов и виртуальный музей музейно-выставочного центра РОСФОТО отвечают пользователям в течение нескольких минут. Тем не менее каких-либо закономерностей не было выявлено.

Стоит также сказать, что 9 из 27 проанализированных ВМ имеют представительства в других СМ, как правило, это каналы на *YouTube* и аккаунты в *Google+*.

Блок «поделиться в социальных медиа» был найден только на сайтах 9 из 27 ВМ, распределение по видам А и В почти одинаковое. Столь маленькая цифра опять же свидетельствует о неразвитости представительств ВМ в СМ.

Форма обратной связи или почтовый адрес, куда может быть отправлено сообщение от любого пользователя, есть у 24 из 27 рассмотренных ВМ. Ссылка на сайт реального музея присутствует почти на всех сайтах ВМ вида А, так как, во-первых, эти реальные представительства существуют, а во-вторых, часто ВМ находится не на отдельном сайте, а в одном из пунктов меню сайта традиционного музея, поэтому необходимости в указании на него просто не возникает. Для ВМ вида В логично отсутствие такого рода ссылок ввиду их единственно возможной формы существования в виде сайта.

На 6 сайтах ВМ из 27 не было найдено никакой информации о руководстве, создателях или авторах проекта. Что касается прозрачности модерирования в СМ, то в тех ВМ, которые активно продвигают себя на этих площадках (7 из 14), размещает посты и отвечает на сообщения обычно страница, а не менеджер, в разделе «контакты» нет аккаунтов реальных людей. Для тех же ВМ, которые присутствуют в СМ, но почти не продвигают группы или забросили их, в разделе «контакты» указаны аккаунты

менеджеров, администрации или создателей ВМ, иногда записи на стене групп появляются от их же лица. То есть чем больше развиты аккаунты в СМ, тем более унифицирован и деперсонализирован процесс модерирования.

В результате проведенного анализа авторы делают вывод, что СМ – это хорошо освоенная область для крупных представителей культурной индустрии, которые привлекают через эти площадки аудиторию в свои реальные музеи. Тогда как для менее масштабных виртуальных представительства традиционных музеев или ВМ, существующих только в сети интернет (за редким исключением), СМ зачастую остаются *terra incognita*, группы заброшены или пустыют, аудитория давно о них забыла или почти не читает, и потенциал этих на самом деле очень перспективных для развития площадок остается невостребованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf> (дата обращения 08.02.2019).
2. Годовой отчет Министерства культуры Российской Федерации. Культура России 2012–2017: факты и цифры. URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/index.php> (дата обращения 15.02.2019).
3. Цит. по: *Василина Д.С.* Виртуальный музей как феномен современной культуры // Международный журнал исследований культуры «Эйдос». 2016. С. 99.
4. *Максимова Т.Е.* Виртуальные музеи: анализ понятия // Вестник МГУКИ. 2012. № 2 (46). С. 197.
5. *Максимова Т.Е.* Виртуальные музеи как социокультурный феномен: дисс.... канд. культурологии. М., 2012.
6. *Лебедев А.В.* Виртуальные музеи и виртуализация музея // Мир музея. 2010. № 10. С. 5–9.
7. *Гук Д.Ю., Определенов В.В.* Виртуальные музеи: терминология, методология, восприятие // XX годичная научная конференция ИИЕТ РАН: Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 18–20 февраля 2014. Труды конференции. М.: Янус-К, 2014. Т. 2. С. 413–415.
8. *Дзюба Д.Н.* Феномен музея в виртуальном культурном пространстве // Society: Philosophy, History, Culture. 2017. Issue 3. P. 1–5.
9. *Kim S.* Virtual exhibitions and communication factors // Museum Management and Curatorship. 2018. 33(3). P. 243–260.
10. *Biedermann B.* Virtual museums as digital collection complexes. A museological perspective using the example of Hans-Gross-Kriminalmuseum // Museum Management and Curatorship. 32(3), 2017. P. 281–297.

11. *Caspani S., Brumana R., Oreni D., Previtali M.*, Virtual museums as digital storytellers for dissemination of built environment: Possible narratives and outlooks for appealing and rich encounters with the past // Paper presented at the International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences – ISPRS Archives. 2017. 42(2W5). P. 113–119.
12. *Brumana R., Oreni D., Caspani S., Previtali M.* Virtual museums and built environment: Narratives and immersive experience via multi-temporal geodata hub // Virtual Archaeology Review. 2018. 9(19). P. 34–49.
13. Культура.РФ. Портал культурного наследия, традиций народов России. URL: <https://www.culture.ru/> (дата обращения 03.02.2019).
14. Рейтинг@Mail.Ru. Культура/Искусство: Музеи, галереи. URL: <https://top.mail.ru/Rating/Culture-Museum/Month/Visitors/> (дата обращения 03.02.2019).

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Виртуальная карта г. Лесной. URL: <http://xn--c1acdqindaep.xn--p1ai/static/#start> (дата обращения 10.02.2019).
2. Виртуальный музей ГК «МОСЭЛЕКТРО». URL: <http://history.moselectro.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
3. Виртуальный музей г. Кемерово. URL: <http://vm.kemerovo.ru/#/chronograph> (дата обращения 10.02.2019).
4. Виртуальный музей ГУЛАГа. URL: <http://gulagmuseum.org/start.do?language=1> (дата обращения 10.02.2019).
5. Виртуальный музей живописи (Арт Планета *Small Bay*). URL: <http://smallbay.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
6. Виртуальный музей истории «Силловые машины». URL: <http://museum.power-m.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
7. Виртуальный музей музейно-выставочного центра РОСФОТО. URL: <http://rosphoto.org/collection/virtual-museum/> (дата обращения 10.02.2019).
8. Виртуальный музей резных наличников. URL: <http://nalichniki.com/> (дата обращения 10.02.2019).
9. Виртуальный музей русского искусства Юрия Трайсмана. URL: <http://russianartsfoundation.com/#!rus/> (дата обращения 10.02.2019).
10. Виртуальный музей русского примитива. URL: <http://museum.ru/primitiv/> (дата обращения 10.02.2019).
11. Виртуальный музей Тверского государственного университета. URL: <http://museum.tversu.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
12. Виртуальный музейный комплекс г. Козьмодемьянск. URL: <http://www.kmkmuzey.ru/VirtualTour/menu.htm> (дата обращения 10.02.2019).
13. Галерея компьютерной эволюции. URL: <http://itgallery.ru/> (дата обращения 10.02.2019).

14. Государственный Эрмитаж (виртуальный визит). URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/panorama?lng=ru> (дата обращения 10.02.2019).
15. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (виртуальный тур). URL: <http://tour.kunstkamera.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
16. Музей естественной истории *Natural Museum* (электронная энциклопедия природы). URL: <https://natural-museum.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
17. Музей купеческого быта (г. Козьмодемьянск). URL: <http://www.kmkmuzey.ru/VirtualTour/museum3/index.html> (дата обращения 10.02.2019).
18. Музеи Московского Кремля (виртуальные туры). URL: <https://www.kreml.ru/museums-moscow-kremlin/> (дата обращения 10.02.2019).
19. Музеи Пермского университета (виртуальный тур). URL: <http://museum.psu.ru/virtual-museum/> (дата обращения 10.02.2019).
20. Музей сатиры и юмора им. О. Бендера (г. Козьмодемьянск). URL: <http://www.kmkmuzey.ru/VirtualTour/museum2/index.html> (дата обращения 10.02.2019).
21. Музей советских игровых автоматов. URL: <http://15kor.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
22. Музей советского типового жилья. URL: <http://sshmuseum.tiniti.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
23. Музей творчества аутсайдеров. URL: <http://www.museum.ru/outsider/> (дата обращения 10.02.2019).
24. Музей телевидения и радио в интернете. URL: <http://www.tvmuseum.ru/> (дата обращения 10.02.2019).
25. Общество друзей школы Карла Мая. URL: <http://www.kmay.ru/index.php> (дата обращения 10.02.2019).
26. Художественно-исторический музей им. А.В. Григорьева (г. Козьмодемьянск). URL: <http://www.kmkmuzey.ru/VirtualTour/museum1/index.html> (дата обращения 10.02.2019).
27. Этнографический музей (г. Козьмодемьянск). URL: <http://www.kmkmuzey.ru/VirtualTour/museum4/index.html> (дата обращения 10.02.2019).

III. ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Марача Вячеслав Геннадиевич

кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ Публичной политики и государственного управления Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1),
e-mail: maratcha@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ

Аннотация. Одним из принципиальных вызовов для разработки и реализации культурной политики является проблема профилактики и разрешения социокультурных конфликтов. Под социокультурным конфликтом в данной работе понимаются ситуации социальной напряженности, выражающиеся в столкновении позиций, различие которых порождает культурным разнообразием. Культурная политика рассматривается как способ снижения социальной напряженности ради достижения общественного согласия и обеспечения дальнейшего мирного сосуществования социокультурных единиц. Социокультурной единицей автор называет «ячейку» или «клеточку» общества, сохраняющую его «культурный код» (или идентичность) применительно к совокупности социальных отношений определенного рода. Социокультурная единица как система включает в себя социальную и культурную подсистемы. В отличие от материальной единицы вещества, она существует не «независимо от нас», а благодаря воспроизводящемуся исторически длительное время процессу реализации участниками социальных отношений определенных культурных норм в постоянно возникающих новых ситуациях. Взаимодействие двух социокультурных единиц имеет устойчивый характер тогда, когда оно институционализировано. Данное условие выполняется далеко не всегда – но даже в таких случаях разнородные социокультурные единицы должны мирно уживаться в общей среде, не подвергая сомнению основы существования друг друга. Автор выделяет два предельных случая сосуществования социокультурных единиц. В первом случае это сосуществование является гармоничным (общественное согласие), во втором – конфликтным (социокультурные конфликты). В работе предложен новый подход к достижению общественного согласия, содержащий инструменты разрешения социокультурных конфликтов и управления коммуникациями в «неразрешимых»

конфликтных ситуациях. Данный подход основан на стабилизирующей роли институтов и схеме мыследеятельности, интегрирующей ключевые компоненты конфликтной ситуации и задающей модель «мыследеятельностной организации коммуникации».

Ключевые слова. Социокультурные конфликты, общественное согласие, культурная политика, социокультурные единицы, социальные отношения и ситуации, культурные нормы, социокультурные институты, «неразрешимые» конфликты, стабилизирующая роль институтов, модель «мыследеятельностной организации коммуникации».

MARACHA VIACHESLAV G.

PhD (Philosophy),

Leading research fellow, Scientific Research Centre for Public Policy and Public Administration, Institute of Social Sciences, the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration (RANEPA),

build. 1, 82 Prospect Vernadskogo, Moscow 119571, Russia

maratcha@yandex.ru

SOCIO-CULTURAL CONFLICTS AND SOCIAL CONSENT: «THINKING-ACTIVITY ORGANIZATION OF COMMUNICATION» MODEL

Abstract. One of the principal challenges for the development and implementation of cultural policy is the problem of preventing and resolving socio-cultural conflicts. In this paper the socio-cultural conflict refers to situations of social tension expressed in the collision of positions, which difference is generated by cultural diversity. Cultural policy is seen as a way to reduce social tensions for the sake of achieving social harmony and ensuring further peaceful co-existence of socio-cultural units. A socio-cultural unit is called the «cell» of a society, which preserves its «cultural code» (or identity) in relation to social relations of a certain kind. Socio-cultural unit as a system includes the social and cultural subsystems. In contrast to the material unit of a substance, it does not exist «independently of us», but due to the implementation process of certain cultural norms by the participants of social relations, which is reproduced for a historically long time in continuously emerging new situations. The interaction of two socio-cultural units is sustainable when it is institutionalized. This condition is not always fulfilled – but even in such cases, heterogeneous socio-cultural units must live together peacefully in a common environment, without problematizing the basis of each other's existence. The authors distinguish

two extreme cases of the co-existence of sociocultural units. In the first case, this co-existence is harmonious (public consent), in the second – conflict (socio-cultural conflicts). The paper proposes a new approach to achieving social consent, containing tools for resolving socio-cultural conflicts and governing communications in «unsolvable» conflict situations. This approach is based on the stabilizing role of institutions and the Thinking-Activity scheme, integrating the key components of a conflict situation and defining «Thinking-Activity Organization of Communication» Model.

Keywords. Sociocultural conflicts, social consent, cultural policy, socio-cultural units, social relations and situations, cultural norms, socio-cultural institutions, «unsolvable» conflicts, the stabilizing role of institutions, «Thinking-Activity Organization of Communication» Model.

Одним из принципиальных вызовов для разработки и реализации культурной политики является *проблема профилактики и разрешения социокультурных конфликтов*. Данная проблема актуальна и для гигиены культуры [1, 5] как становящейся практико-методологической дисциплины, обеспечивающей подготовку и принятие решений в данной сфере. Соглашаясь с Д.В. Реутом в том, что «основная проблема становящейся формы активности, называемой «гигиена культуры», является не только научной или/и конкретно-практической, а в значительной степени методологической» [2, 127], необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о *практико-методологической* работе с проблемными ситуациями и конфликтами социокультурного характера.

Под социокультурным конфликтом мы понимаем *ситуацию социальной напряженности*, выражающуюся в *столкновении позиций*, различие которых порождается *культурным разнообразием (cultural diversity)*. Иными словами, социокультурный конфликт проявляется в виде напряжения или столкновения *социального* характера, но основным источником имеет *культурные* различия. Как разновидность *проблемной ситуации* социокультурный конфликт имеет *социальную и культурную составляющие, которые взаимодействуют между собой*. Этот тезис далее разворачивается в представления о *социокультурных единицах и институтах*, а степень социальной напряженности связывается с характером их взаимодействия. В данном контексте культурная политика рассматривается нами как способ снижения социальной напряженности ради достижения *общественного согласия* и обеспечения дальнейшего мирного сосуществования социокультурных единиц.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЕДИНИЦЫ И ИНСТИТУТЫ

Социокультурной единицей мы называем «ячейку» или «клеточку» общества, сохраняющую его «культурный код» (или *идентичность*) применительно к совокупности социальных отношений определенного рода. «Единица» – это минимальная *системная целостность*, при дальнейшей «разборке» которой на элементы идентичность теряется, как это происходит при разделении молекулы (единицы вещества) на атомы (химические элементы). Но социокультурная единица, в отличие от материальной единицы вещества, существует не «независимо от нас», а благодаря *воспроизводящемуся исторически длительному времени* процессу реализации участниками *социальных отношений* определенных культурных норм (образцов действий и отношений) в постоянно возникающих новых ситуациях.

Таким образом, *социокультурная единица как система включает в себя социальную и культурную подсистемы, причем вторая как бы «нарисована» на первой*. Это логическое отношение («система, нарисованная на системе»), описанное В.А. Лефевром [3, 119–124] и позволяет нам говорить о *социокультурной единице как «нераздельной и неслиянной» целостности*, элементы которой, сохраняя свою особенность, в то же время не могут быть выделены в виде отдельных «частей» системы без потери ее идентичности.

Отсюда следует, что описанные в данной работе социокультурные единицы строятся на основе того же системного принципа, что и культурные единицы, описанные Д.В. Реутом [2, 128–130]. В то же время социокультурные единицы имеют иной состав «слоев» (подсистем). Поскольку мы не рассматриваем экономические и демографические проблемы, в состав социокультурной единицы не включаются хозяйственно-экономическая и прокреационно-демографическая подсистемы. При этом мы выделяем культурную подсистему, специфика которой заключается в нормативной функции по отношению к социальной подсистеме и в способности к трансляции образцов-эталонов в течение исторически длительного периода времени, тогда как Д.В. Реут относит к культуре всю единицу в целом.

Связь социальной и культурной подсистем осуществляется благодаря людям, выступающим одновременно и участниками *социальных отношений*, и носителями культурных норм. Благодаря этому культурные нормы как «долгоживущие» образцы-эталоны реализуются в социальных ситуациях (*связка «норма – реализация»*). Как показал еще в 1960-е годы Г.П. Щедровицкий, на связке «норма – реализация»

и принципе исторически длительной трансляции культурных норм основано воспроизводство любой человеческой деятельности [4, 199, 200].

Устойчивое воспроизводство подобной связки возможно за счет наличия у людей механизмов *осознания* культурных норм и социальных отношений под единым углом зрения¹. Предельной рамкой осознания, обеспечивающей такое единство точки зрения (и тем самым целостность социокультурной единицы), выступает *направляющая ценностная идея*. Другим системообразующим фактором воспроизводства социокультурной единицы как целостности является механизм или форма ее *социальной организации*: закон, обычай, ритуал, рутинная практика, процедура, регламент, процессуальный порядок, социальное учреждение и т.д. Социокультурную единицу, обладающую двумя вышеуказанными системообразующими факторами, согласованными между собой, мы называем *социокультурным институтом* (рис. 1).

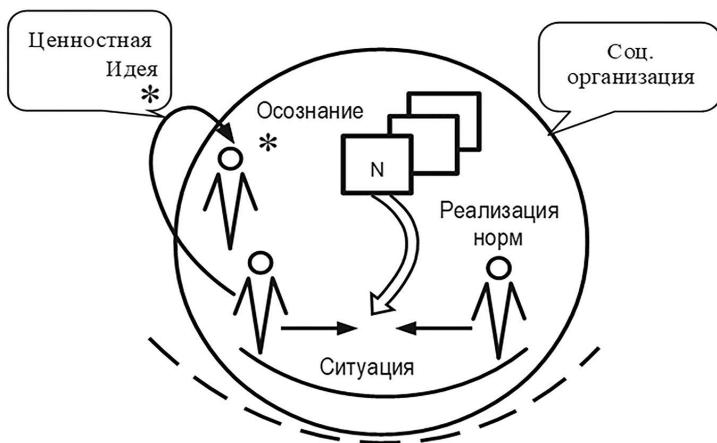

Рис. 1. Схема социокультурной единицы, подвергаемой институционализации (1999)

¹ Механизмы осознания, апеллирующие к ценностям и задающие идентичность, а также порождаемые ими различия в понимании социальных ситуаций и культурных норм, которые уместно использовать для действия в них, – это то, что было «вынесено за скобки» Г.П. Щедровицким и его коллегами по Московскому методологическому кружку. Поэтому представления о социокультурной реальности, на которых основывается данная работа, отличаются от принятых в рамках Общей теории деятельности, разработанной в Московском методологическом кружке [5].

Схема, представленная на рис. 1, является методологическим обобщением интегративной концепции родоначальника современного институционализма в право- и государствоведении Мориса Ориу [6], непротиворечиво соединившей три основных направления правовопонимания: нормативизм, социологическую юриспруденцию («правовой реализм») и естественное право путем конфигурирования соответствующих базовых категорий правоведения: «правовая норма», «правоотношение» и «правосознание» [7, 47–53]. Элементы института образуют целостное единство благодаря «направляющей идее», задающей смысл и предназначение данного института [6, 266, 361–364]. Эта идея:

- 1) выступает предельной ценностной рамкой *правосознания*;
- 2) воплощается в нормативных принципах и презумпциях, лежащих в основе системы *правовых норм*;
- 3) определяет характер процедур, церемоний и ритуалов, посредством которых реализуются *правоотношения*.

Для права в целом как системы институтов (сферы права) «направляющей идеей» является *Идея Права*, которая и задает единство трех вышеперечисленных базовых категорий правоведения¹.

Далеко не каждая социокультурная единица, подвергаемая институционализации, является социокультурным институтом, поскольку даже наличие полного списка элементов института (культурные нормы, социальные отношения и ситуации, осознание, направляющая ценностная идея, социальная организация) еще не означает «срабатывания» двух последних элементов как *системообразующих факторов*, а также их *согласованности* между собой. Так, например, российские суды обладают всеми необходимыми элементами институтов правосудия, но далеко не всегда действуют в данном качестве. Это происходит потому, что социальная организация судебного процесса часто не соответствует Идее Права, а сама эта идея не в полной мере выступает предельной рамкой для правосознания российских граждан, которому присущи черты *правового нигилизма*.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОСУЩЕСТВОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЕДИНИЦ. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Взаимодействие двух социокультурных единиц имеет устойчивый характер тогда, когда оно институционализировано. Это предьявляет *дополнительные*

¹ Современное развитие институционального подхода к праву и государству, представленное в виде институциональной сферы права и государства в сфере права, предложено в монографии А.А. Матюхина [7].

требования к системообразующим факторам социокультурных единиц сверх описанных выше условий институционализации каждой отдельной единицы:

1) направляющие ценностные идеи двух социокультурных единиц не должны противоречить друг другу (в частности по ценностям и связанным с ними символам);

2) формы социальной организации двух социокультурных единиц (процедуры, церемонии, ритуалы и т.д.) должны «стыковаться» друг с другом;

3) направляющие ценностные идеи и формы социальной организации двух социокультурных единиц должны «перекрестно» согласовываться друг с другом.

Подобные условия выполняются далеко не всегда – но даже в таких случаях разнородные социокультурные единицы, не взаимодействуя между собой прямо, должны мирно уживаться в общей среде, не подвергая сомнению основы существования друг друга. Мы выделяем *два предельных случая сосуществования социокультурных единиц*. В первом случае это сосуществование является *гармоничным (общественное согласие)*, во втором – *конфликтным (социокультурные конфликты)*.

В условиях динамичных изменений, когда баланс интересов участников общественных отношений меняется, гармоничный характер общественного согласия, даже если он был достигнут исторически, неизбежно нарушается. Подобные нарушения могут иметь как *естественный* характер (природные процессы, независимое изменение факторов внешней среды и т.п.), так и *искусственный*. В последнем случае нарушения вызваны *субъектами культурной политики* – то есть теми, кто несет ответственность не только за культурные аспекты общественных изменений, но и за сохранение целостности социокультурных единиц в этих условиях. В качестве субъектов культурной политики могут выступать государственные, политические, общественные и религиозные деятели, организации, институции и т.д. При этом в условиях культурного разнообразия субъектов культурной политики как минимум несколько.

Важно отметить, что *культурные различия сами по себе не порождают конфликтов*, они лишь ограничивают возможности взаимодействия социокультурных единиц. Соответственно, *социокультурный конфликт* – это ситуация прямого или косвенного столкновения разных субъектов культурной политики. Косвенное столкновение – это когда разные субъекты культурной политики проводят ее по отношению к одной и той же социокультурной единице, предлагая различные направления изменений или по-разному понимая ее целостность, но не входя в прямое

столкновение друг с другом, не вступая в коммуникацию, не обсуждая различие своих оснований. Это порождает конфликтные ситуации, имеющие *латентный характер*, что делает работу с ними даже более трудной, чем в случае прямого столкновения сторон. Участники латентных конфликтов часто скрывают конфликтный характер ситуации, стремясь «не выносить сор из избы». Подобные *скрытые (embedded) конфликты* требуют диагностики, а чтобы их «увидеть», нужен специальный аппарат понятий, схем и рефлексивных процедур, включая процедуры вопрошания.

Предельным случаем социокультурных конфликтов являются «*неразрешимые*» *конфликтные ситуации* [8]. Подобные ситуации возникают в случаях, когда стороны конфликта основывают свои интересы и действия на *разных представлениях о мире*. Их несовместимость часто приводит к различному видению даже конкретных фактов, порождая *феномены информационных войн и «постправды»*. Каждая из сторон трактует факты в контексте *собственной картины мира и основанной на ней системы понятий*, представляя трактовку другой стороны как намеренное искажение фактов, то есть *fake news*. В результате новостной поток превращается в череду взаимных обвинений, а попытки установления истинной картины событий рассматриваются как стремление навязать свои ценности и картину мира. Коммуникация разрушается окончательно, взаимопонимание становится невозможно, что делает невозможным и достижение компромиссов, поскольку даже когда у сторон появляется воля к достижению договоренности, ее условия будут пониматься по-разному. «*Порочный круг конфликта*» *замыкается в воспроизводящуюся систему*, каждый элемент которой поддерживает остальные: нет коммуникации – нет взаимопонимания – компромиссы невозможны – нет воли к достижению договоренности – нет доверия.

Ярким примером того, как формируется подобный порочный круг конфликта, является политическая ситуация в США. Страна расколота на два лагеря, конфликт между которыми пока рано называть «неразрешимым», поскольку демократическая система и правовые институты США обладают большим запасом прочности. Но коммуникация разрушена, взаимопонимания между лагерями нет, общей политической повестки нет, а СМИ лишь подливают масла в огонь. В результате любая попытка одной из сторон сделать шаг навстречу оппонентам воспринимается с недоверием, а факты, которые могли бы стать основой компромисса (например результаты расследования спецпрокурора Мюллера) трактуются сторонами «с точностью до наоборот».

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ. ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ «НЕРАЗРЕШИМЫМИ» КОНФЛИКТНЫМИ СИТУАЦИЯМИ

Необходимо подчеркнуть, что здесь и далее автор воздерживается от политических оценок приводимых примеров, рассматривая их с нейтральной позиции «внеаходимости». Но сами примеры не всегда могут быть «политически стерильными», поскольку культурные различия между общностями людей проявляются в форме социальных напряжений. А если эти общности имеют политическое представительство или борются за него, то такая борьба неизбежно приобретает политические формы.

Однако суть социокультурных конфликтов состоит как раз в том, что это *конфликты не только интересов, но и ценностей*. В них ценностные основы общества ставятся под сомнение, так как по-разному понимаются участниками конфликта, и за это ведется борьба, которая накладывается на традиционную для политики борьбу социальных интересов. Кроме того, нарушаются механизмы коммуникации, которые при наличии общей ценностной основы позволили бы либо прийти к компромиссу, либо признать победу оппонента, одержанную в рамках «честной игры» (*fair play*). В случае же социокультурного конфликта признание победы оппонента воспринимается как *экзистенциальная катастрофа, компромисс невозможен, а «правила игры» ввиду различия механизмов осознания постоянно ставятся под сомнение*.

Подобная трансформация политики зачастую придает политической борьбе непривычно ожесточенный характер, что может ставить в тупик политологов, предметом которых не является разнообразие ценностей, традиций, образов жизни и апеллирующие к ним механизмы осознания. Данная совокупность факторов, которые по аналогии с экономикой можно назвать «экстерналиями», порождает разницу идентичностей и обусловленные ею различия в понимании социальных ситуаций и культурных норм, которые уместно использовать для действия в них.

К сожалению, разрыв коммуникации между социальными акторами с разными идентичностями, замыкание и воспроизводство «порочного круга конфликта» во многих случаях приводит к эскалации проблемных ситуаций неполитического характера, которые ранее разрешались мирно. К данному классу относятся, в частности, проблемы межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, которые приобретают этнокультурный и этноконфессиональный характер. История развития межэтнических и межконфессиональных отношений на территориях Сирии и бывшей Югославии показывает, что даже представители единого

этноса, исповедующие разные религии, со временем начинают идентифицировать себя как представители разных народов.

Даже говоря на одном языке, люди перестают понимать друг друга. Те, кто раньше были добрыми соседями, превращаются во врагов. А после первых жертв с обеих сторон они становятся врагами кровными. Внутриполитические механизмы урегулирования не срабатывают, поскольку коммуникация между сторонами конфликта отсутствует. Дальнейший ход событий зависит от позиции государства и от того, удастся ли ему сохранить за собой монополию на насилие. Если удастся, то наилучшим исходом является нейтральность государства, которое может осуществить разведение сил, отделить «политическое крыло» от боевиков и, при благоприятных условиях, усадить конфликтующие стороны за стол переговоров, выступая модератором коммуникации.

Однако часто государство поддерживает одну из сторон, окончательно теряя доверие другой, что приводит к еще большей эскалации конфликта, негативными последствиями которой могут стать терроризм со стороны боевиков и этнические чистки со стороны государства. В случае же потери государством монополии на насилие этнокультурный/этноконфессиональный конфликт может переродиться в гражданскую войну. Массовые нарушения гуманитарного права блокируют действие принципа «невмешательства во внутренние дела» и приводят к вмешательству в ситуацию внешних стейкхолдеров (интернационализация конфликта).

Результатом неспособности государства остановить насилие становится политизация социокультурного конфликта уже на международном уровне (разрушенная коммуникация между конфликтующими сторонами восстанавливается при посредничестве международных контактных групп), а в крайних случаях даже приобретение им военно-политической составляющей («гуманитарные интервенции», введение миротворческих контингентов или международных полицейских сил). Но это именно составляющая, по своей же сути и истокам все рассматриваемые конфликты являются именно социокультурными («чистых» военно-политических конфликтов в современном мире очень мало, сейчас это скорее экзотика).

Социокультурные конфликты типичны для современных международных отношений: международный правопорядок, в отличие от национального государства, является не продуктом одной суверенной воли, а результатом взаимодействия множества формально равных субъектов международного права. Эти субъекты – суверенные государства, международные организации и т.д. – приходят к консенсусу или компромиссу, как правило, после долгой политической и дипломатической борьбы (а иногда – и вооруженного столкновения), в ходе которой каждый «тянет

одеяло на себя», стремясь воплотить в международном правопорядке собственные представления о мире и образ будущего мироустройства. И в течение всего этого периода – часто «исторически длительного» – ситуация остается конфликтной. Так, например, арабо-израильский конфликт по сути длится с момента основания государства Израиль в 1947 году. Поэтому по отношению к «неразрешимым» конфликтным ситуациям правомерно ставить не задачу их разрешения, а *проблему управления, позволяющего удерживать конфликт в приемлемых рамках.*

Часто «неразрешимые» конфликтные ситуации имеют этнокультурный и/или этноконфессиональный характер, порождая локальные войны, которые их участники не могут остановить самостоятельно. Но и международное посредничество далеко не всегда приводит к разрешению конфликта [9]. Даже в лучшие для себя времена ООН едва ли была способна гасить локальные войны. Максимум, на что способна международная организация, – это разместить между противоборствующими сторонами в качестве буфера «голубые каски». Но это приводит не к разрешению конфликта, а в лучшем случае к его замораживанию (Нагорный Карабах, Приднестровье), да и то лишь в тех случаях, когда влиятельным державам удастся избежать выяснения интересов между собой «на чужом поле» и чужими руками, а также договориться о «правилах игры», которые станут основой для переговоров и последующего взаимодействия непосредственных участников конфликта.

Срыв подобных договоренностей приводит к обострению и «переформатированию» конфликта, что часто заводит ситуацию в институциональный тупик, как это случилось в 2008 году в Южной Осетии (появление двух непризнанных государств) или в Крыму (страны Запада считают его аннексированной территорией, а в России включение Крыма и Севастополя в ее состав закреплено 65-й статьей Конституции). Еще сложнее ситуация в Донбассе, где конфликт, несмотря на наличие утвержденных ООН Минских соглашений, не поддается даже эффективному замораживанию. Механизм реализации соглашений отсутствует, а попытка договориться о введении «голубых касок» упирается в несогласие ключевых игроков о реальных целях и принципах разрешения конфликта.

СТАБИЛИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ ИНСТИТУТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТАХ. СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МЫШЛЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТЫ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Опыт урегулирования межнациональных и этноконфессиональных конфликтов свидетельствует, что без коммуникации и взаимопонимания на уровне правосознаний, ценностных и мировоззренческих представлений

даже согласованные в ходе длительных переговоров нормы и принципы соблюдаться не будут. Стороны не обязаны разделять обычаи, ценности и картины мира друг друга – но должны понимать правовые, ценностные и мировоззренческие основания действий оппонента и то, как эти основания могут быть задеты их собственными действиями. Подобная взаимная рефлексия оснований представляет собой «рефлексивное равновесие» (*reflexive equilibrium*), которое, согласно Дж. Ролзу, является условием формирования «перекрывающегося консенсуса» (*overlapping consensus*), сфокусированного не на разногласиях, а на общих моментах позиций сторон [10; 11].

Как показывает исторический опыт последних десятилетий, подобные конфликтные ситуации не идут «вразнос» и становятся разрешимыми лишь тогда, когда имеются (или удастся создать) адекватные институты, способные выполнить функцию стабилизации динамики конфликта. Такая стабилизирующая функция институтов становится возможной благодаря наличию у них *направляющих идей*, посредством *ритуально-символического оформления* связанных с *формальными местами и процедурами*, которые осуществляются воплощающими данный институт учреждениями (т.е. получают *материальные опоры*) и реализуются людьми, обладающими соответствующим менталитетом и осознанием как характера социальных отношений, так и норм, которым они должны подчиняться (т.е. приобретают *духовные опоры*).

Основанное на идеях М. Ориу представление социокультурного института как связки пяти перечисленных выше элементов (направляющей идеи, ритуально-символического оформления, формальных мест и процедур, материальных опор, духовных опор) получило название «схемы состава института» (1994). Исторически данная схема возникла при обсуждении проблемы воспроизводства методологии [12], позднее она использовалась для обоснования институционального опосредования как методологической предпосылки мышления в области социально-гуманитарного знания [13, 10, 11], и лишь затем была применена в правоведении и при рассмотрении политико-правового пространства [14, 16, 17]¹.

¹ Комментируя работу В.Г. Марачи и А.А. Матюхина [14], профессор З.А. Мукашев отметил *общеметодологическое значение предлагаемого ее авторами правового институционализма для других социально-гуманитарных дисциплин, причем в практическом контексте*: «Право можно и нужно рассматривать как методологию познания и строительства современного гражданского общества» [15, 104].

Направляющие идеи задают *базовые нормативные принципы* построения институциональных процедур, применяемых в том числе и для разрешения социокультурных конфликтов. И, напротив, при осуществлении этих процедур стороны конфликта через обращение к принципам явно или неявно апеллируют к направляющим идеям, то есть осуществляют социокультурную рефлексию. Поэтому инструментарий для работы с подобными ситуациями должен представлять собой синтез средств институционального подхода и анализа рефлексивных процессов.

Введение в рассмотрение конфликта *социокультурной коммуникации* позволяет учесть специфику взаимодействия сторон «неразрешимых» конфликтов. Но как только мы предполагаем, что стороны начинают не только понимать, но и обсуждать (в коммуникации) процедуры и принципы разрешения конфликта, приходится предположить, что в поисках компромисса они реконструируют и переконструируют эти процедуры и принципы, обосновывают их путем апелляции к различным направляющим идеям, требуют применения заложенных в воплощающие эти идеи институты социальных и культурных норм – то есть осуществляют *мышление*.

Для понимания каждой из сторон конфликта направляющая идея выполняет функцию предельной рамки. Если стороны относятся к одной культуре и не исповедуют диаметрально противоположных взглядов на общественные изменения, их диалог будет вестись в рамках замкнутого комплекса направляющих идей, и в конечном счете они придут к компромиссу по поводу принципов, а затем и процедуры разрешения конфликта. В итоге это заставит их признать и полученное в результате исполнения процедуры решение (например приговор суда). Тем самым конфликт будет локализован, а ситуация сведена к стационарной, в которой комплекс направляющих идей устойчив и задает основание стабильности как общественного сознания, так и реального «плацдарма» (за счет связи сознания через идеи с процедурами): общество живет в рамках данного комплекса идей.

Таким образом, стабилизирующая функция институтов основана на их построении как *«гитик»*, то есть систем, воспроизводящих устойчивые саморефлексивные состояния общественного сознания. В.А. Лефевр назвал гитикой «...«естественность» из которой персонаж не может выйти самостоятельно и которая предопределяет строение его внутреннего мира (а через него, опосредовано, и поведение)» [3, 80]. В языке методологического институционализма гитика – это такой институт, в котором рефлексия и даже критика парадигмальных оснований ведут лишь к повышению его устойчивости. Примером гитики может служить «нормальная наука», описанная Т. Куном [16].

Рефлексия в таких состояниях приводит не к изменению системы, а к оправданию существующего положения дел за счет обращения к рамочным направляющим идеям, полагаемым «вечными», «священными» и т.д. Иначе говоря, идеи, задающие предельные рамки рефлексии общества и его отдельных представителей, имеют статус культурно-безусловных, чему способствует также их закрепление в символизме, характерном для данной культуры [13, 11; 14, 16]. Гитика – это своего рода «метафизический консенсус» внутри группы приверженцев направляющей идеи данного института. Мышление здесь не противостоит культуре, а направляющие идеи институтов становятся органическими составляющими данной культуры, иногда называемыми «вечными истинами».

Другое дело – ситуации кросс-культурного взаимодействия, а также столкновения субъектов, несущих на себе разные проекты общественных преобразований. Здесь мы уже не можем вынести за скобки структурирующие понимание сторон комплексы направляющих идей и культурные основания (институционально признанные «духовные опоры») их принятия. Ведь у каждой из сторон конфликта будет свой комплекс идей, выступающих для нее как своего рода априорные формы, и мы уже не можем представлять понимание как простую фиксацию фактов, а коммуникацию – как диалог на основе «очевидностей», которые одинаковы для обеих сторон и могут выступать «общим знаменателем» для поиска компромисса.

Поэтому нужно представление о мышлении, способном к полаганию идей, способных структурировать и переструктурировать понимание сторон, и притом полаганию не индивидуальному, а осуществляемому в контексте социального действия, коммуникации, аргументации в свою пользу и поисков компромисса. Таким системным представлением интеллектуальных процессов/функций, интегрирующих перечисленные выше ключевые компоненты конфликтной ситуации, является разработанная в Московском методологическом кружке¹ *схема мыследеятельности*.

¹ Московский Методологический Кружок (ММК) – это отечественная философско-методологическая и интеллектуально-практическая школа, возникшая в начале 1950-х годов на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Первоначально ММК был известен как Московский Логический Кружок (МЛК). Отцы-основатели МЛК – А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин и М.К. Мамардашвили. В 1958 году, после расхождения с А.А. Зиновьевым, идейным и организационным лидером кружка стал Г.П. Щедровицкий, а сам кружок получил имя Московского Методологического [17; 18]. Сейчас ученики Г.П. Щедровицкого создали

СХЕМА МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ/ФУНКЦИЙ, ИНТЕГРИРУЮЩИХ КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Схема мыследеятельности (рис. 2) включает три слоя (или «пояса») – чистое мышление, мыслекоммуникация и мыследействие. Между собой они связаны отношениями *рефлексии* [20]. Исходный смысл идеи мыследеятельности – в задании связи мышления и деятельности через коммуникацию, что становится принципиальным тогда, когда деятельность осуществляется коллективно. Эта связь «срабатывает», если коммуникация сопровождается *пониманием*, которое рассматривается как особый интеллектуальный процесс, отличный от мышления и рефлексии. Схема мыследеятельности задает понятие мыследеятельности как *системы пяти интеллектуальных процессов*: чистое мышление, мыслекоммуникация, мыследействие, рефлексия и понимание. При этом для первых трех процессов вводятся специальные термины, указывающие на то, что мы имеем дело не с отдельными интеллектуальными процессами мышления, коммуникации и деятельности, а с *элементами системы мыследеятельности*.

Центральным в схеме мыследеятельности является пояс мыслекоммуникации, где слева представлен говорящий, справа – понимающий, и между ними – передача текста с возможным *разрывом понимания*. Схему мыследеятельности в данном контексте можно трактовать как описывающую *модель принципиальных условий взаимопонимания*. Когда мы произносим текст в слое мыслекоммуникации, мы можем относить его либо к ранее сказанным текстам, либо к верхнему слою (чистого мышления), то есть к некоторой модели, к понятию, концепции – иными словами, к идеальному значению. А можем относить текст к нижнему слою

самостоятельные организации, продолжающие традиции интеллектуальной работы кружка, а ММК превратился в широкое методологическое движение [19]. В ММК разработана оригинальная методология анализа широчайшего спектра социокультурно-интеллектуальных явлений – системомыследеятельностный подход (СМД-подход) [20; 21]. Выдающимся достижением Г.П. Щедровицкого и его учеников является создание принципиально новой социокультурной практики – организационно-деятельностных игр (ОДИ), представляющих собой уникальный инструмент для анализа и развития практически любых систем мыследеятельности – организаций, интеллектуальных направлений, программ и проектов и т.п. [22].

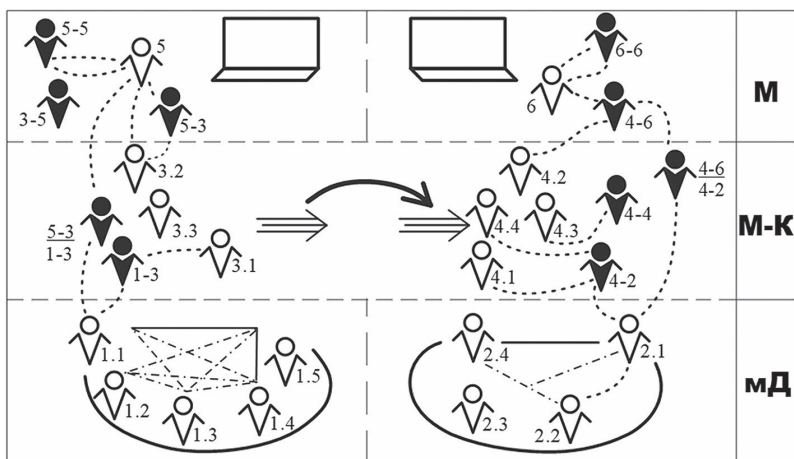

Рис. 2. Схема мыследеятельности (1983) [20, 297]

(мыследействования), то есть к некоторой практической ситуации. И, соответственно, понимающий точно так же может относить текст либо одним, либо вторым, либо третьим образом. Такие отнесения (референции) осуществляются посредством рефлексии, то есть являются *рефлексивными референциями*.

Если мы относим текст одинаково, определяя по контексту, куда его нужно относить, то понимание происходит адекватно. А если мы относим текст «не туда», что происходит очень часто, возникает *разрыв понимания, порожденный ошибкой рефлексивной референции*. Например, разговаривает условный теоретик с условным практиком. Один из них то, что он говорит, относит к чистому мышлению, а другой понимает этот текст, относя его к практическим ситуациям. И у них возникает полное взаимное непонимание. Чтобы восстановить взаимопонимание, им обоим необходимо *исправить ошибки рефлексивной референции*. А для этого нужно *иметь адекватные рефлексивные представления друг о друге*. Но из вышеизложенного ясно, что в ситуации «неразрешимого» конфликта для его участников восстановить адекватные рефлексивные представления друг о друге будет крайне затруднительно ввиду воспроизводства «порочного круга конфликта», в котором каждая из сторон трактует факты (в том числе слова, действия и намерения другой стороны) в контексте собственной картины мира и основанной на ней системы понятий.

Соответственно, схема мыследеятельности выступает как *модель «мыследеятельностной организации коммуникации»* (далее мы будем

использовать аббревиатуру «МД-организация коммуникации»). Данная модель дает возможность строить практики модерации, которые позволяют эти ситуации взаимного непонимания исправлять, в том числе в конфликтных ситуациях, воздействуя не только на поведение сторон конфликта, но и на их рефлексивные представления друг о друге, а также на коммуникацию и мышление как компоненты конфликтной ситуации.

Ключевым принципом МД-организации коммуникации является принцип «признания Другого» как субъекта, обладающего собственным мышлением и культурно-практическим контекстом (мыследействием). Использование данного принципа в модерации дает возможность сторонам конфликта выстраивать *коммуникацию, окруженную рефлексивным пространством*, позволяющим идентифицировать и затем преодолевать ситуации взаимного непонимания. Культурная политика, основанная на принципах МД-организации коммуникации, направлена на достижение «рефлексивного равновесия» и «перекрывающегося консенсуса» (по Джону Ролзу), что обеспечивает стабилизацию динамики социокультурного конфликта и в итоге создает предпосылки для общественного согласия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы предлагаем новый подход к достижению общественного согласия, содержащий инструменты разрешения социокультурных конфликтов и управления коммуникациями в «неразрешимых» конфликтных ситуациях. Данный подход основан на стабилизирующей роли институтов и схеме мыследеятельности, интегрирующей ключевые компоненты конфликтной ситуации и задающей модель МД-организации коммуникации. Коммуникативные практики, соответствующие данной модели, были выстроены в рамках Московского методологического кружка, предложившего эту модель вначале для управления собственными практиками. И лишь затем эти практики стали применяться вне Кружка.

В настоящее время основными областями применения практик МД-организации коммуникации при работе с конфликтными ситуациями являются: консалтинг, образование, городское и региональное развитие, публичная политика и организация общественно-политических коммуникаций, процедуры общественной экспертизы, процедуры разрешения конфликтов и медиации и т.д. Мы полагаем, что в будущем к этому списку добавятся: международные отношения, кросс-культурные взаимодействия, разрешение глобальных проблем и другие области, в которых ценно достижение общественного согласия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мадьяри-Бек И., Сюч О., Реут Д.В.* Гигиена культуры как «сильная» версия ее экологии // Международный журнал исследований культуры. 2015. №1 (18). С. 5–12. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.culturalresearch.ru/ru/archives/98--118-2015-> (дата обращения 25.03.2019).
2. *Реут Д.В.* От методологии до практики устойчивого воспроизводства культурной единицы на примере Европы (гигиена культуры) // *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*. 2018. V. XLVI. P. 124–139.
3. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. 3-е изд. М.: Институт психологии РАН, 2000.
4. *Щедровицкий Г.П.* Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966 (перепечатано в: *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 197–232). URL: <https://www.fondgpr.ru/publications/об-исходных-принципах-анализа-пробле/> (дата обращения 01.08.2019).
5. *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). Приложение I.М.: Стройиздат, 1975 (перепечатано в: *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 197–227). URL: <https://www.fondgpr.ru/publications/исходные-представления-и-категориал/> (дата обращения 01.08.2019).
6. *Ориу М.* Основы публичного права. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929.
7. *Матюхин А.А.* Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: ВШП «Адилет», 2000.
8. *Марача В.Г.* Право и правосознание в «неразрешимых» социокультурных конфликтах // Экстремальные ситуации, конфликты, согласие. Материалы пятой научно-практической конференции 11 декабря 2003 года. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 60–74.
9. *Цой Л.Н.* Методологические и предметно-содержательные различия между медиацией и конфликтологией // Диалог. Психологический и социально-педагогический журнал (Минск). 2018. № 2 (49) март – апрель. С. 68–73.
10. *Rawls J.* Justice as Fairness: Political not Metaphysical // *Philosophy and Public Affairs*. 1985. V. 14. P. 223–251.
11. *Rawls J.* The Idea of an Overlapping Consensus // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1987, spring. № 1. V. 7. P. 1–25.
12. Институционализация методологии (дискуссия) // Кентавр. 1994. №2 (11). С. 18–30. URL: <http://www.circleplus.ru/archive/n/11/3> (дата обращения 01.05.2019). Имеется переиздание: Методология: вчера, сегодня, завтра. М.: Школа культурной политики, 2005. Т. 1. С. 423–452.

13. *Марача В.Г.* Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр. 1997. № 18. С. 7–16 URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/35> (дата обращения 25.03.2019).
14. *Марача В.Г., Матюхин А.А.* Социокультурный анализ политико-правового пространства // Научные труды «Адилет» (г. Алматы). 1999. №1 (5). С. 10–36.
15. *Мукашев З.А.* О роли права в современном гражданском обществе // Научные труды «Адилет» (г. Алматы). 1999. №2 (6). С. 104, 105.
16. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
17. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом. М., 2001.
18. *Щедровицкий Г.П.* История Московского методологического кружка. Лекции в г. Риге. 18–19 августа 1988 // Альманах Гуманитарного семинара. Рига. 2006. № 5, 6. URL: <https://www.fondgp.ru/publications/история-московского-методологическо/> (дата обращения 01.08.2019).
19. *Георгий Петрович Щедровицкий (Философия России 2-й половины XX века) /* Ред. П.Г. Щедровицкий, В.Л. Данилова. М.: РОССПЭН, 2010.
20. *Щедровицкий Г.П.* Схема мышледеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М.: Наука, 1987. С. 124–146 (перепечатано в: *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 281–298). URL: <https://www.fondgp.ru/publications/схема-мышледеятельности-системно-с/> (дата обращения 01.08.2019).
21. *Щедровицкий Г.П.* Системомышледеятельностный подход и основные проблемы науки и человека в XX веке. Публичные лекции в Экспериментальном творческом центре при театре-студии «На досках». 1989 / Щедровицкий Г.П. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов. Из архива Г.П. Щедровицкого. М.: Путь, 2004. Т. 8. Вып. 1. (Другая редакция: На Досках: Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Изд-во Шк. культ. полит., 2004).
22. *Щедровицкий Г.П., Котельников С.И.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мышледеятельности / Нововведения в организациях. Труды семинара ВНИИ системных исследований. М., 1983 (перепечатано в: *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 115–142). URL: <https://www.fondgp.ru/publications/организационно-деятельностная-игра-3/> (дата обращения 01.08.2019).

Погосян Вардгес Григорьевич,

доктор социологических наук, кандидат философских наук,
Российский государственный социальный университет,
профессор кафедры социологии,
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр. 1
vardgues@mail.ru

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Аннотация. Интенсификация глобальных процессов взаимодействия и взаимовлияния актуализирует необходимость изучения дихотомии «интеграция – дезинтеграция» в коммуникативных актах социокультурных взаимоотношений различных планетарных сообществ и исследования активизировавшихся разнонаправленных тенденций самосохранения уникальной специфики и симбиотического взаимопроникновения локальных культур. Рецепции инокультурных инноваций как результат межцивилизационного взаимодействия фокусируют исследовательский интерес на способах, формах и механизмах подобных заимствований. Разнообразие дискурсов рефлексии, множественность интерпретирующих теорий и методологический плюрализм современной науки обращают к поиску наиболее адекватного исследовательского инструментария. Практика имплементации теоретических конструктов европоцентристского модернизма привела к волюнтаристски насаждаемой субъективной глобализации, подтвердив правомерность критики модернистских отправных постулатов, выявившихся ангажированными идеологемами, и собственную парадигмальную несостоятельность в качестве методологии познания социальной реальности. Применение цивилизационного подхода в анализе модернизационных заимствований предоставляет более широкие эвристические возможности, конструктивно разрешает антиномичность дилеммы «востокоцентризм-западоцентризм», подтверждает аксиологическую обусловленность процессов принятия-отторжения инокультурных заимствований, скорость их адаптации и способы интериоризации в локальной системе, пределы распространения и направленность дальнейшего использования. Ориентация на цивилизационный паттерн и применение метода исторической социологии в верификации концептуальных положений позволяют автору представить отличное от диктуемого мейнстримом

прочтение концепта модернизации как безотносительного к западному Модерну социально-исторического феномена. Модернизация как рецепция инокультурных элементов выступает в логике теории диффузионизма и возможности культурно-исторических типов усваивать культурные достижения иных цивилизаций как форма межцивилизационного заимствования. Подобная адаптивная способность позволяет социокультурному компоненту конкретного общества поддерживать гомеостатическую системную устойчивость, изменяться дискретно, но сохранять при этом собственную функциональность. При парциальной рецепции инноваций частичная коррекция параметров не затрагивает системообразующие структуры, сохраняется алгоритм коэволюционного развития. Вызываемые эндогенным воздействием внутрисистемные коррекции являются конструктивными в случае, когда не вступают в противоречие с имманентными свойствами социума, оптимизируя функциональность, средовую комфортность и развитие конкретных обществ.

Ключевые слова. Макросоциология, аксиология, социальная система, социокультурное взаимодействие, межцивилизационные заимствования, инновации, диффузия, модернизация, адаптация, парциальная рецепция, коэволюционное развитие.

Pogosyan Vardgues G.

Professor of Sociology, Doctor of Sociological Sciences
PhD in Social Philosophy and Philosophy of History
Russian State Social University
4 Wilhelm Peak St., Moscow, Russia, 129226
vardgues@mail.ru

MACRO-SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF OTHER-CULTURAL BORROWINGS

Abstract. The intensification of global processes of interaction and mutual influence actualizes the need to study the «integration-disintegration» dichotomy in the communicative acts of sociocultural interrelations of various planetary communities and to study the intensified multidirectional tendencies of self-preservation of unique specificity and symbiotic interpenetration of local cultures. The reception of foreign culture innovations as a result of inter-civilization interaction focuses research interest on the methods, forms and mechanisms of such borrowings. The diversity of reflection discourses, the multiplicity of interpretive theories and the methodological pluralism of modern science direct to the search for the most appropriate research tools. The practice

of implementing theoretical constructs of Eurocentric modernism led to push-forced establishment of subjective globalization, confirming the validity of criticism of modernist starting postulates based on ideology, and failure of its paradigm as a methodology for cognizing social reality. The use of a civilization approach in the analysis of modernization borrowings provides wider heuristic possibilities, constructively resolves the antinomy of the East-centrism vs. West-centrism dilemma, confirms the axiological conditionality of other-culture innovations acceptance or rejection processes, speed of their adaptation and ways of including in the local system, the limits of distribution and direction of further use. The orientation on the civilization pattern and the application of the method of historical sociology in verifying conceptual provisions allow the author to present a different from the mainstream reading of the concept of modernization as phenomenon which is not based on fact of the Western Modernity. Modernization as the reception of other-cultural elements appears in the logic of the theory of diffusions and the possibility of cultural-historical types to assimilate the cultural achievements of other civilizations as a form of inter-civilizational borrowing. Such an adaptive ability allows the sociocultural component of a particular society to maintain homeostatic systemic stability, to change discretely, but at the same time preserve its own functionality. In the case of partial reception of innovations, the partial correction of parameters does not affect the matrix backbone structures, the algorithm of co-evolutionary development remains. The intra-system corrections of the constructive plan, caused by the endogenous influence, which do not contradict the immanent properties of society, optimize the productivity of functioning, ecological comfort and the speed of development of specific societies.

Keywords. Macrosociology, Axiology, Social system, Sociocultural interaction, Civilization, Other-culture borrowings, Innovation, Diffusion, Modernization, Adaptation, Partial reception, Co-evolutionary development.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика взаимоотношений цивилизаций с конца XX века вышла на ведущие позиции в гуманитарных науках. Фокусом внимания стало столкновение цивилизаций, поиски и определение идентичности, изучение сути, условий, механизмов и перспектив диалога цивилизаций, следствием чего стали глубокие изменения в общественном сознании и научном дискурсе, заключающиеся в поиске альтернатив европоцентризму и западоцентризму в целом. Конкретизируется сам специфический предмет

диалога цивилизаций, трактуемый не как семиотический обмен, но как вопрос постоянного сопоставления, частичного принятия и частичного отрицания, определения и переопределения базовых принципов цивилизации внутри и вне сферы ее распространения и доминирования. Такой диалог не может быть однозначно сведен к противопоставлению, конфликту цивилизаций, но может рассматриваться как междивизиационные взаимодействия социокультурного типа, осуществляясь в реальности в виде бесконечного числа разнообразных коммуникативных актов с ситуативными и вероятностными результатами. Изучение подобных процессов на протяжении больших исторических периодов, результатов длительных социокультурных контактов, балансирования процессов притяжения и отталкивания мировых и локальных цивилизаций как социальных систем обращает исследователей к предметному полю исторической социологии. Чем больший исторический промежуток времени становится объектом исследования, тем более закономерными предстают изучаемые процессы, тем отчетливее проявляются главные исторические факторы, выделяясь из множества случайных отклонений. Применение метода исторической социологии, широкомасштабных исторических компаративных сопоставлений позволяет реабилитировать научное понятие модернизации – рецепции инокультурных инноваций, искаженное западоцентристскими идеологемами.

Фундаментальные технологические открытия, совершенные в европейских странах в XIX веке и их социальные последствия в западных обществах, привели к появлению в науке термина «modernity», который в контексте лидирующего положения Запада в планетарном масштабе стал отражением возникшей одномерной прогрессистской парадигмы, которая противопоставляет традиционные общества индустриальным и постиндустриальным. Имманентные проблемы классической теории модернизации, в основу которой заложен принцип онтологического монизма всемирной истории, вкупе с результирующими итогами ее реализации в глобальном масштабе позволяют определить ее как «инструмент идеологической борьбы западного общества, стремящегося под лозунгом помощи развивающимся странам закрепить собственные колониальные притязания» [1, 184]. Несоответствие полученных результатов в ходе практической имплементации применяемым методам и декларируемым целям позволяет определить теоретическую несостоятельность классической парадигмы модернизации, идеологически ангажированную трактовку самого концепта и неприменимость ее в ходе научного анализа социальной реальности.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В альтернативном существующему мейнстриму прочтении концепта модернизации последняя предстает как социально-исторический феномен, многократно фиксируемый в жизнедеятельности различных обществ на всем протяжении истории человечества задолго до достижения западными обществами определенных стадий собственного развития. Феномен, который безотносителен к онтологически обусловленному явлению западного модерна, как частному случаю в истории разнородных планетарных цивилизаций, и наблюдается постоянно в ходе всемирно исторического процесса без привязки к периодизации коэволюционного развития обществ Запада с эпохами модерна, постмодерна, второго модерна и т.д. Анализ имевших место в ходе всемирной истории фактов успешных инокультурных рецепций, которые носили мобилизационный характер и имели целью заимствование новаций технико-технологического плана, позволяют определить модернизацию как безотносительный к западному модерну социально-исторический феномен, неотъемлемую часть исторического процесса. Модернизация в таком прочтении предстает как ускоренное развитие общества с целью быстрого достижения стратегических результатов, выступая в логике теории диффузионизма и возможности культурно-исторических типов усваивать культурные достижения иных цивилизаций как формы межцивилизационного заимствования. Конкретно-исторические исследования примеров преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательной рецепции в локальные системы заимствованных инокультурных институциональных практик, идей и технико-технологических новшеств, свидетельствуют о значимости влияния импорта технологий и институциональных моделей, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей и экологическую нишу конкретного этноса, в национальных контекстах процесса общественного развития. Иное, отличное от существующего мейнстримного, категориальное понимание самого концепта модернизации стимулирует развитие сферы исследования общественных изменений в социальной теории, позволяет пересмотреть теоретико-методологические основы научной рефлексии общеисторического процесса, дает возможность отказаться от европоцентристских схем и построить более адекватную мировую историографию, а также вносит вклад в теорию социального управления.

Парадигма социальной модернизации формировалась под влиянием насущных нужд практики жизнедеятельности западных обществ, и представляла собой инвариант идеи парадигмы индустриализма,

теоретические предпосылки которой рефлекторно отражали объективную эволюцию техногенной цивилизации. Основанная изначально на таком ошибочном методологическом предположении, как универсализм, теория модернизации предполагает линейность развития всех обществ на новом этапе мировой истории, неизбежность вхождения всех стран планеты в систему капитализма, который сложился в странах Западной Европы и США, абсолютно безальтернативную репликацию всеми остальными странами присущих индустриальным западным обществам социальных институтов и системы ценностей. Основатели и адепты теории эксплицитно или же имплицитно, но исходили из того, что все различия между обществами незначительны и несущественны, что они будут сглаживаться по мере расширения межстрановых контактов, и по мере усиления взаимодействий в глобальных масштабах «общечеловеческие ценности» будут восприняты каждой цивилизацией. Значимость социокультурного своеобразия различных обществ, таким образом, отрицалась, общество модерна было возведено в абсолют, исторический контекст национальных стран игнорировался, развитие обществ рассматривалось как однолинейный процесс, с едиными стадиями и закономерностями. Подобная практика в русле холлизма категорически игнорировала частность и уникальность феномена модерна, являющегося продуктом исключительно западной культуры. Выдвигаемая теория, настаивая на одноразовом, одноактном, коренном и абсолютном преобразовании общества, содержала грубейшую методологическую ошибку, пренебрегая темпоральным измерением. Продолжающееся инерционно и сегодня доминирование постмодернистских антиэциентистских направлений проявляется не только в антиобъективистских и антиисторических высказываниях, публикациях маргиналов, но и в общем идеографическом крене обществознания. Между тем социология как наука изначально сформировалась и развивалась именно как макросоциология: М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, О. Конт, К. Маркс, Дж. Милль, Г. Спенсер, Ф. Теннис формулировали законы, определяли этапы исторического прогресса, развития и смены общественных формаций, изучали принципиальные типы обществ, культур и цивилизаций. Необходимость активизации макросоциологических исследований в русле номотетической направленности обосновывает Н. Розов, справедливо отмечая, что постсоветская социология ориентируется на мейнстрим американской социологии, испытывая излишний пиетет по отношению к западным авторитетам, в результате чего наблюдается сопутствующая робость в проведении собственных сравнительно-исторических исследований общественного развития по оригинальным методологиям; повсеместно распространен антитеоретический

консенсус, сменивший прежнюю эпоху догматической унификации всего социально-исторического познания и являющийся формой «усталого цинизма» [2]. Номотетическая направленность метода исторической социологии позволяет в ходе макросоциологического анализа социальной истории человечества интерпретировать процессы инокультурного заимствования (социального синтеза, конвергенции, модернизации, культурного симбиоза) как следствия межцивилизационных социокультурных взаимодействий. Такого рода рецепция предстает как адаптивная реакция социальной системы на внешнепричинное (экзогенное) воздействие, вызванное фундаментальным открытием технико-технологического плана или, иначе, пионерской модернизацией страны-донора, появлением материальных, концептуальных, идеологических или духовных инноваций, представляющих собой новую комбинацию культурных элементов или комплексов, и осуществляется путем ускоренно-мобилизационного, догоняющего развития, реализуясь путем административного регулирования, нацеленным на быстрое достижение стратегических результатов по ликвидации имеющегося отставания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исторические ретроспективные исследования конкретных примеров копирования и избирательной рецепции в локальные системы заимствованных инокультурных институциональных практик, идей и технико-технологических новшеств, свидетельствуют о значимости влияния импорта технологий и институциональных моделей, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей и экологическую нишу конкретного этноса, в национальных контекстах процесса общественного развития [3]. Интериоризация рецепируемых инноваций является адекватной адаптивной рефлексией, необходимым действием, поддерживающим относительную гомеостатическую стабильность, при этом частичная коррекция параметров не затрагивает системообразующие структуры [4]. Несоответствие рецепируемых новаций имманентным свойствам реальных обществ наносит ущерб, внутрисистемные коррективы же конструктивного плана, не противоречащие имманентным свойствам обществ, оптимизируют внутренние процессы, максимизируют продуктивность функционирования, экологическую комфортность и скорость развития. Рецепция инноваций не только эндогенно обусловлена логикой коэволюционного развития, но это и тип развития, который диктуется нуждами геополитической единицы, суверенного государства, испытывающего экзогенные воздействия. Экзогенное воздействие происходит во время

«столкновения» или «диалога» цивилизаций: торговли, миграции населения, войн, путешествий, развития средств массовой коммуникации и т.д., в процессе которых происходит распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне, что, в свою очередь, служит одним из важнейших механизмов социальных изменений. «Люди всегда и везде вынуждены иметь дело с природным окружением, с другими людьми и с самими собой. Человеческие существа биологически способны к изменению условий своей социальной жизни. Благодаря дарам эволюции они могут развиваться социально», – отмечает Н. Элиас [5, 36]. С ним солидаризируется У. Макнил: «Адаптация к заимствованиям через цивилизационные границы была особенно важна в технологическом, художественном и военном отношениях, где очарование новизны и награды за инновацию были особенно очевидны» [6, 22].

Современный культурный плюрализм обусловлен онтологически, а асинхронность и разнонаправленность развития обществ детерминирована как общим историческим контекстом, так и динамическим взаимодействием между культурными традициями и инновациями. Асинхронность развития может быть объяснена экономической неоднородностью государств, уровнем присущей каждому этносу пассионарности, дифференциацией культур, разнообразием типов цивилизаций. Объективность упомянутых факторов находит отражение в объединяющем различные интерпретирующие теории всеобщем законе дифференциации, согласно которому разнообразие есть неизбежность и обязательное условие развития. Р. Тернквист так резюмирует асинхронность развития различных обществ: «Цель развития для многих стран была общей, но средства ее достижения, а с тем и историко-эмпирические пути действия, менялись. Не только экономические процессы шли разным путем и образовывали разные структурные образцы. Политические, социальные и культурные порядки тоже отличались один от другого» [7, 276]. В интегральной совокупности множества причин асинхронности развития наиважнейшим фактором «нам представляется инновация, нововведение, фундаментальное открытие в одной из областей жизнедеятельности общества, которое позволяет ему расширить собственную экологическую нишу и получить определенные преференции перед другими сообществами» [8, 103]. «Какое-то государство оказывается впереди в экономическом, политическом, культурном и др. отношениях. На его стороне оказывается перевес общественных сил, оно становится гегемоном, наращивая силу через проводимые активные военные действия (экономического, культурного характера, либо путем прямого применения вооруженной силы) и организуя свою защиту, в том числе и с помощью соответствующей

идеологии. Перед остальными странами-актерами встает вопрос не просто конкурентоспособности, но вопрос в первую очередь выживания, жизнеспособности функционирующей системы как таковой. Отсюда вытекает необходимость в кратчайшие сроки изменить тот параметр системы, в котором имеет место отставание по отношению к стране-гегемону, или, иначе, необходимость модернизации» [8, 104].

В истории было немало социальных преобразований, вызванных экзогенными причинами и направленных на модернизацию общественных отношений. Необходимость перенимания оружия, военных и государственных порядков, экономических инноваций, культуры соседних стран и народов были продиктованы практическими вопросами элементарного выживания отдельных этносов. «Опережающие весь остальной мир темпы всестороннего развития западных обществ и превосходство западной цивилизации над другими, когда она предстает как исключительный носитель передовых высоких технологий и идеи прогресса в целом, что якобы обусловлено логикой ее развития, и сегодня являются спорными. В контексте же всемирной истории (Античность, Средневековье, вплоть до Нового времени) ответ на подобный вопрос однозначен. Восток был родиной человеческой цивилизации, где уже тысячи лет существовали могущественные империи» [9, 84]. У. Макнил отмечает: «“Мировая система” Валлерстайна, возможно, является в настоящее время лидирующим кандидатом, но она неудобна в качестве описания таких отношений до 1500 года, когда в Евразии, Америке и, предположительно, где-то еще существовали отдельные “мировые системы”» [6, 23]. А.Г. Франк констатирует: «...так называемая европейская гегемония в мировой системе времен модерна установилась довольно поздно, была неполной и никогда не была однополярной. В действительности, на протяжении эпохи 1400–1800 годов, которая рассматривалась как период «европейской экспансии» и «первоначального накопления», мировая экономика все еще находилась преимущественно под азиатским влиянием. Китайская империя времен правления династий Мин и Цинь, государства Османов, Моголов и Сефевидов были экономически и политически чрезвычайно могущественными *vis-à-vis* Европы. Азиатские страны начали утрачивать свое преимущество только в конце этого периода и по его завершении. Поэтому мировая система модерна подпадала под действие азиатской гегемонии, а не европейской. Более того, вопреки мифологии современного происхождения, Азия имела в своем распоряжении соответствующие технологии и разветвленные экономические институты. Как следствие, центр накопления и власти в мировой системе модерна долгое время оставался постоянным. Китай, Япония и Индия были общепризнанными

лидерами, а Юго-Восточная и Западная Азия находились недалеко от них» [10, 166]. Для великих восточных правителей, султанов, халифов Европа представлялась периферией, населенной пребывающими в состоянии варварства народами. Сложившиеся в Европе государственные образования конкурировать с империями Востока не могли ни по количественным, ни по качественным параметрам. Как подчеркивает В. Кутуев, «...в конце XVIII века Азия, где проживало 66% населения земного шара, производила 80% мирового ВВП, в то время как 20% ВВП, приписываемых Европе, включают вклад населения Северной Америки и рабов-африканцев. Даже после индустриальной революции в Европе в 1860 году вклад в мировой ВВП тех стран, которые сегодня относят к третьему миру, составлял 60%; на страны будущего первого мира приходили остальные 40%» [11, 224]. В сравнении с крупнейшими городами Востока европейские столицы были малонаселенными городками, а состояния индийских купцов многократно превышали активы торговцев Венеции и Генуи. На протяжении довольно длительного времени именно этот регион планеты являлся источником большинства инноваций. Соседние с ним страны в борьбе за выживание перенимали в процессе не пионерских, догоняющих модернизаций оружие, военные и государственные порядки, культуру Двуречья, Египта, Финикии, Индии, Китая, распространившихся по всему миру. Достижение гегемонии Европой в мир-системном измерении ни в коем случае не было первым в мировой истории: европейская гегемония просто пришла на смену тем, что ей предшествовали. Начиная с периода Нового времени, ядро мирового технологического развития, обычно сосредоточенное в небольшом круге стран Востока, задающих направление и темпы развития нового технологического уклада, переместилось в Англию, Францию, Германию, впоследствии к ним присоединились США, что вполне укладывается в рамки логики циклов дифференциации – интеграции глобальной истории, ее основных тенденций, среди которых – переменное и поочередное доминирование групп западных и восточных стран. Уже сейчас Китай, Индия, Япония стали рассматриваться как главные державы XXI века.

Теория диффузии и догоняющего развития в целом адекватно объясняет стратификацию международного общества, конкуренцию в защите преимуществ и ликвидацию отсталости, а также долгосрочные процессы в ранжировании разнообразных обществ. Диффузное распространение модерна в глобальном масштабе стало возможным не в результате эволюции одной единой идеи, а вследствие открытости модерна множественным интерпретациям. Основой модернизационного плюрализма являются динамические взаимодействия между культурными традициями

и современными инновациями. У. Макнил справедливо полагает, «что историческое изменение в значительной степени вызывается столкновениями с иноземцами и сопровождается попытками заимствования (а иногда отвержения или недопущения) особенно привлекательных новшеств. Это, в свою очередь, всегда влекло за собой соответствующие изменения в других рутинных практиках» [6, 25].

Стратегия модернизации заключается в концентрированной направленности всех ресурсов на ускоренное развитие параметров, в которых имеется отставание, при активном влиянии государства. Этот процесс является комплексом взаимосвязанных процессов: технологической, экономической, социальной, институциональной, политической, нравственно-этической и культурной модернизаций. Поскольку модернизации никогда не идут хаотично, так как являются целенаправленным управляемым социальным процессом, то они подчиняются определенным законам. Анализ успешно проведенных модернизаций показывает, что приоритеты инокультурных заимствований располагаются в следующем порядке: прежде всего подвергается модернизации военная сфера (копирование единичных образцов оружия и техники, смена технологий и организации, крупномасштабные изменения военной сферы, связанные с институциональным переустройством), затем иные технологии: производственные, организационные, идеологические. При сбалансированности всех типов перечисленных модернизаций развитие страны приобретает устойчивое развитие с оптимальными темпами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крупномасштабные инокультурные заимствования в ходе всемирной истории имели целью заимствование новаций технико-технологического плана, выступая в логике теории диффузионизма и возможности культурно-исторических типов усваивать культурные достижения иных цивилизаций, и являются формой межцивилизационного взаимодействия. Подобного рода заимствование является адекватной адаптивной рефлексией, поддерживающей относительную гомеостатическую стабильность, не затрагивая системообразующие структуры. «Условием не деструктивного взаимодействия во время модернизационного заимствования между привносимой новацией и реформируемым объектом является наличие у них относительной совместимости, в противном случае реципируемое новшество будет отторгнуто. Заимствования, вызывающие сами по себе дестабилизирующие систему возмущения информационного поля, не делаются на досуге или по прихоти действующих волюнтаристски реформаторов, но подобная

абсорбция является мерой вынужденной, адаптивной, выводящей систему из кризисной точки ветвления. Мы предполагаем, что уникальный социокультурный компонент конкретного общества определяет объем абсорбции новой информации, пути ее использования или полного неприятия и отторжения» [12, 83]. Содержание конструктивных трансформационных процессов общества на основании теории устойчивых институциональных структур (констант цивилизационной матрицы), определяется как стабильные социальные связи, которые дискретно изменяются, но сохраняют свою функциональность. Самоорганизация социальной системы происходит в соответствии с алгоритмами цивилизационной матрицы, проявляясь в регуляторной функции устойчивых социальных структур, препятствующих катастрофическим последствиям энтропийных флуктуаций. Социокультурная составляющая конкретного общества как системообразующий компонент обуславливает существование комплекса устойчивых институциональных констант, компенсирующих негативное воздействие и риски природно-климатического характера и геополитической среды, что находит выражение в этнонациональных особенностях. «Во всех исторических фазах своего взаимодействия с внешним миром культуры-реципиенты сохраняют свой самобытный характер, а конструктивные внутрисистемные трансформации происходят в пределах существующего порядка, не уничтожая его основ, несущих институциональных структур. Развитие социальной системы нетелеологично и поливариантно, но возможен не любой хаотично-непредсказуемый путь эволюции системы. Спектр альтернатив общественного развития ограничивается рамками амплитуды, обуславливаемой социокультурным компонентом, сложившимся исторически и определяющим инвариантные признаки конкретного общества, независимые от пространственно-временных форм его существования» [13, 170]. Этнокультурная специфика оказывает влияние на вектор развития общества, определяя способы использования инокультурных заимствований и характер социальных изменений, вызываемых как логикой внутрисистемного развития, так и инновационными нововведениями или другими формами экзогенного причинного воздействия, становясь доминантой в точках бифуркации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Погосян В.Г.* Критика западноцентристской модели социально-экономической модернизации // Экономический журнал. 2006. № 3 (13). С. 171–185.
2. *Розов Н.* Историческая макросоциология: становление основные направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.

3. *Погосян В.Г.* Социальная модернизация: стратегия выживания. М.: ИНИОН РАН, 2009.
4. *Погосян В.Г.* Модернизация как фактор сохранения социального гомеостаза // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 2. С. 96–103.
5. *Elias N.* The symbol theory. London: Sage Publications, 1991.
6. *Макнил В.* Меняющийся образ Всемирной истории // Время мира. Вып. 2. 2001. С. 16–38.
7. *Тернквист Р.* Историко-эмпирическая социология // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / П. Монсон. СПб.: Нотабене, 1992. С. 260–303.
8. *Погосян В.Г.* Междивизиационные заимствования: традиции и инновации в историческом дискурсе / Погосян В.Г и др. Цивилизация: от локального к глобальному Граду. Донецк: ДонНТУ, 2008. С. 99–122 (серия «Человек. Культура. Цивилизация»).
9. *Погосян В.Г.* Модернизация в дискурсе исторической социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2009. № 4. С. 81–96.
10. *Frank A.G.* ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
11. *Кутуев В.П.* Эмпирическое содержание исторической социологии востокоцентризма: критическая оценка новой версии богатства народов // Мультиверсум. 2007. Вып. 62. С. 217–247.
12. *Погосян В.Г.* Самоорганизация социальной системы: основные методологические подходы // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 1 (126). С. 77–84.
13. *Погосян В.Г.* Инвариантные компоненты социальных систем как естественное ограничение институционального творчества // Социальная политика и социология. 2017. Т.16. № 3 (122). С. 163–170.

Киреев Егор Юрьевич

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Института социально-политических исследований РАН
Москва, ул. Фотиевой, д.6, к.1;
yegorkireev@gmail.com

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ – ИСТОЧНИК ПРОТИВОРЕЧИЙ ИЛИ РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ?

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения концепта этнокультурного многообразия, говорится о сложностях его использования в российском научном дискурсе. Автор делает вывод о том, что в российской социологической традиции данный концепт пока не нашел достаточного теоретического и эмпирического осмысления, несмотря на довольно широкое рассмотрение в зарубежной социологии и социальной работе. Тем не менее феномен этнокультурного многообразия сегодня является фактом, а его отрицание не решает стоящих перед современным обществом проблем. В статье подчеркивается, что этнокультурное многообразие может стать источником социальных проблем, связанных с дискриминацией, имущественным и возрастным расслоением, отчуждением, эксклюзией и изоляцией отдельных индивидов, либо отдельных социальных (как правило, этнических) групп, неравномерным доступом к социальным благам и услугам. Вместе с тем при проведении продуманной культурной политики потенциальный источник напряженности может стать стратегическим ресурсом инновационного развития общества, основой его культурного и технического прогресса, ключевым фактором общественного развития. В этой связи культурная политика должна исходить из признания культурного многообразия как состоявшегося факта, в том числе в его этническом измерении. Автор приходит к выводу, что в современных условиях без признания этого факта выстраивание адекватной культурной политики представляется невозможным. При этом концепт этнокультурного многообразия и его учет в культурной политике требует и критического осмысления. Ориентация на этнокультурное многообразие не должна стать самоцелью и новой идеологией, она должна рассматриваться как возможность сохранения и развития человеческих сообществ, создание условий для раскрытия полного потенциала отдельных социальных групп.

Ключевые слова. Социальное многообразие, этнокультурное многообразие, мультикультурализм, управление многообразием, культурная политика, социальные проблемы, инновационный ресурс, современные общества.

Kireev Yegor Y.

candidate of sociological sciences,
senior research fellow at the Institute of Social
and Political Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Fotievoy st. 6;
yegorkireev@gmail.com

ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF MODERN SOCIETIES – SOURCE OF CONTROVERSY OR RESOURCE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT?

Abstract. The article attempts to consider the concept of ethnocultural diversity, it shows the difficulties of its use in the Russian scientific discourse. The author concludes that in the Russian sociological tradition, this concept has not yet found a sufficient theoretical and empirical understanding, despite a rather broad consideration in foreign sociology and social work. Nevertheless, the article stresses that the phenomenon of ethno-cultural diversity today is a fact, and its denial does not solve the problems of modern society. The article emphasizes that ethno-cultural diversity can become a source of social problems associated with discrimination, property and age stratification, alienation, exclusion and isolation of individuals, or social (usually ethnic) groups, uneven access to social goods and services. At the same time, when conducting a thought-out cultural policy, a potential source of tension can become a strategic resource for the innovative development of society, the basis of its cultural and technical progress, and a key factor in social development. In this regard, cultural policy should proceed from the recognition of cultural diversity as a fact, including its ethnic dimension. The author comes to the conclusion that in modern conditions, without acknowledging this fact, building an adequate cultural policy is impossible. At the same time, the concept of ethnocultural diversity and its consideration in cultural policy requires critical reflection. Orientation to ethnocultural diversity should not become a new ideology, it should be viewed as an opportunity to preserve and develop human communities, creating conditions for the revealing of full potential of certain social groups.

Keywords. Social diversity, ethnocultural diversity, multiculturalism, diversity management, cultural policy, social problems, resource of innovation, modern societies.

Что понимается под этнокультурным многообразием?

Дискуссия об этнокультурном многообразии в российском научном дискурсе, можно сказать, началась с вопроса, поставленного В.А. Тишковым в 2005 году: «Что есть «культурное многообразие» (*cultural diversity*), столь

часто упоминаемое в мировой науке и в политике, и столь блестяще отсутствующее в отечественном общественно-политическом дискурсе?». Данный вопрос прозвучал как рефлексия автора на подготовленный Организацией Объединенных Наций (ООН) «Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире». И с тех пор дискуссия о возможности перенесения международного понимания *этнокультурного многообразия* в российскую научную практику не теряет своей актуальности.

Действительно, в теоретическом плане несмотря на то, что термин *diversity* является часто используемым в зарубежной социологии и социальной работе, политологии и управленческих концепциях, в российской социологической традиции он не нашел достаточного распространения. Анализ научной литературы указывает на отсутствие точного перевода данного термина на русский язык и наличие разных трактовок перевода у разных авторов. Так, в качестве русского эквивалента термина *diversity*, чаще всего встречается категориальная пара *разнообразие-многообразие*, иногда можно встретить понятие *социальная гетерогенность* и т.д. Примечательно, что один из ведущих российских исследователей социального многообразия, ректор Российской экономической школы Ш. Вебер признается, что до сих пор для себя не видит разницы в употреблении понятий «разнообразие» или «многообразие» [1, 78–85].

Сам В.А. Тишков, отвечая на свой вопрос, указывал на то, что «культурное многообразие» не должно восприниматься в узком значении слова «культура», как художественное творчество или народно-бытовая традиция, а должно осознаваться как создаваемые и осознаваемые индивидом и человеческими коллективами различия в социальной жизни. При этом культурная свобода рассматривалась им как важнейшая составляющая человеческого развития и необходимое основание для определения своей идентичности. Под *этнокультурным многообразием* В.А. Тишков предлагал понимать прежде всего этнические, религиозные, расовые и языковые различия [2].

Справедливости ради стоит отметить, что в истории России уже встречались отсылки на многонациональность и многокультурность. Тем не менее несмотря на то, что в первые годы существования СССР, действительно, ряд практик (интернациональное равенство, политика коренизации) соотносились с современным пониманием политики этнокультурного многообразия [3, 99–128], последующие изменения и их практическая реализация, скорее, не позволяют сегодня рассматривать опыт СССР и советскую многонациональность как пример современной политики этнокультурного многообразия. Так, например, в СССР этничность

рассматривалась, скорее, как объект управления, а не результат свободного выбора своей идентичности, а советское (российское) отождествлялось именно с русским. Во многом подобные представления справедливы и для современной России, где *этнокультурное многообразие* порой представляется просто как некая бутафорская демонстрация культурных традиций народов России по случаю праздничных событий.

Тем более примечателен тот факт, что среди причин, противодействующих рассмотрению культурного многообразия в современной России, как раз выделяют последствия распада советского государства, особенности его этнической политики и политику идентичности в современной России [4, 24–29]. Стоит также отметить, что сегодня проблемы *этнокультурного многообразия* часто рассматриваются в моральном, политическом и философском измерении единой культуры, что также ставит под сомнение само понимание многообразия.

Вместе с тем проблематика культурного многообразия сегодня актуализируется процессами массовой и трудовой иммиграции, когда проблемные различия не являются продуктом единой системы ценностей. Таким образом, признание *этнокультурного* многообразия предполагает право на отличие от большинства, а *культурного* многообразия – право на культурное самовыражение посредством различных способов и технологий [5].

Можно согласиться с Э. Гидденсом в том, что современные общества замечательно многообразны [6]. В самом деле, под социальным многообразием понимается широкий спектр различий между индивидами и группами, вовлеченными в широкий круг переменных. Каждый раз, когда личность может быть идентифицирована как принадлежащая к группе, которая в какой-то степени отличается от большинства других в обществе, эта личность становится субъектом эффектов человеческого разнообразия.

Таким образом, под *социальным многообразием* можно понимать различие групп и отдельных индивидов по возрасту, классовой принадлежности, цвету кожи, культуре, ограниченным возможностям, этнической принадлежности, гендерным признакам, гендерной идентичности и самовыражению, иммиграционному статусу, политической идеологии, расе, религии, половой принадлежности и сексуальной ориентации [7, 78–85].

Этнокультурное многообразие (diversity) – относится к массиву различий среди групп людей с определенным и уникальным этническим и культурным происхождением. Этнокультурное многообразие является фактом, и простое его отрицание уже не решает стоящих перед современным обществом проблем. Понятие этнокультурного многообразия

тесно связано с такими понятиями, как социальная справедливость, толерантность, социальная сплоченность, инклюзия.

Понимание социального многообразия требует и определенного критического осмысления, оно не должно быть самоцелью и новой идеологией, а должно пониматься как возможность сохранения и развития этнокультурного многообразия человеческих сообществ.

ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЕ – ИСТОЧНИК ПРОТИВОРЕЧИЙ?

На данный момент сложились два концептуальных подхода к восприятию *этнокультурного многообразия* в рамках политики мультикультурализма:

– мультикультурализм, основанный на включении (*Ч. Тейлор, Б. Парех*) [8; 9], – рассматривает различия между культурными идентичностями и направлен на установление справедливых условий сожительства посредством межкультурного диалога;

– мультикультурализм, основанный на безразличии (*Ч. Кукакас*), подчеркивает важность автономии для групп и этической свободы людей. Общество состоит из групп, которые «более или менее независимы, как острова архипелага, в море взаимного равнодушия, в котором государство играет минимальную роль» [10].

Этнокультурное многообразие рассматривается как угроза свободам в том случае, когда существует общая атмосфера недоверия, когда речь идет о мультикультурализме и политике включения меньшинств, в частности мусульман. В современном обществе религия, в большей степени, чем этническое происхождение, определяет статус принадлежности к меньшинству. Мультикультурализм становится проблематичным, когда культурные различия сталкиваются с принципами, считающимися фундаментальными.

Культурное разнообразие может создавать беспрецедентные проблемы как на концептуальном, так и на практическом уровне [11]. Так, многообразие отличительных признаков порождает многообразие дискриминаций, имущественное и возрастное расслоение, отчуждение, эксклюзию и изоляцию отдельных индивидов, либо социальных (как правило, этнических) групп, неравномерный доступ к социальным благам и услугам и т.д. Это ведет к возникновению социальных проблем, которые могут приобрести хронический характер, и в целом, к росту нестабильности, напряженности и, как следствие, снижению уровня и качества жизни отдельных социальных групп.

Таким образом, основными вызовами *этнокультурного многообразия* являются неравенства, а также культурные аспекты маргинального

положения отдельных социальных групп и индивидов. Так, например, в контексте миграции можно говорить о наличии определенного общего опыта всех этнически и культурно-разнообразных групп мигрантов, которые социально-стигматизированы и, как правило, являются объектом дискриминации. Их проблемы связаны с социальной адаптацией и этнической идентификацией, когда принадлежность к определенной этнокультурной группе оказывает влияние на повседневную жизнь и жизненные шансы.

В этом контексте интересно привести результаты исследований, проведенных в г. Москве как современном мегаполисе, отличающемся высоким уровнем *этнокультурного многообразия*. Так, москвичи в большей степени оценивают межэтнические отношения, сложившиеся в месте их проживания, как напряженные или враждебные, например, указывают на нежелательность мигрантов – представителей отличной культуры. Опасения жителей столицы связаны с повышением уровня преступности, угрозой безопасности, межнациональными конфликтами. Исследования свидетельствуют о снижении уровня этнической толерантности среди москвичей, что служит препятствием для интеграции мигрантов и сказывается на их социальном самочувствии [12, 64–72].

Мигранты указывают на проблемы дискриминационного характера, связанные с наличием стереотипного восприятия и предубеждений со стороны принимающего населения и представителей государства. Им часто приходится сталкиваться с искусственными препонами в легализации, отказами в найме жилья, трудностями в получении медицинских и социальных услуг, неспровоцированными оскорблениями по этническому признаку, препятствиями в отправлении религиозных обрядов.

Спектр проблем, связанных с массовой и трудовой миграцией, сегодня рассматривается в контексте глобальной справедливости и требует проведения продуманной и грамотной политики по управлению *этнокультурным многообразием*. И это становится все более актуальным, так как претензии на сохранение национальной идентичности и возвращение к культурной однородности в современном мире кажутся все менее жизнеспособными.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА?

Несмотря на большое количество проблем, *этнокультурное многообразие* может рассматриваться как стратегический ресурс инновационного развития общества и источник его прогресса, что обуславливает необходимость

проведения политики интеграции культурно-разнообразных социальных групп и индивидов, гармонизации межэтнических отношений, предоставления равного доступа к социальным благам и услугам, а также через адекватность данных услуг существующей системе потребностей, нужд и интересов. Так, в документах ООН этнокультурное многообразие рассматривается как ключевой фактор общественного развития, создающий возможности для свободного выбора и всестороннего развития человека, драйвер экономического роста [13]; предлагаются конкретные меры для охраны и поощрения разнообразия форм культурного самовыражения [5]. Политика в отношении *этнокультурного многообразия*, по мнению В.А. Тишкова, должна выстраиваться на основе признания религии, осуществления политики многоязычия, поликультурного образования [2].

Сегодня активно развивается концепция «*Управления разнообразием*», в основу которой положен следующий принцип: различия между людьми не должны препятствовать их сосуществованию. В рамках этой концепции уделяется особое внимание развитию специальных навыков и установок, создающих условия для гармоничного проживания в условиях *этнокультурного многообразия*. На уровне местных сообществ различные этнокультурные группы могут получить равные права во всех сферах жизни общества, но с учетом принятия ими ключевых норм и ценностей сообщества [14, 266–269].

Цели данной модели управления следующие:

- соблюдение основных принципов прав человека – признание индивида вне зависимости от его этнической и религиозной принадлежности;
- равенство в правах и в доступе к ресурсам культурно-разнообразных групп;
- противодействие их маргинализации и достижение социального благополучия;
- поддержка всестороннего участия в общественной жизни всех этнокультурных групп, урегулирование разногласий;
- воспитание терпимости и уважения к разным культурам.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ (В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Подводя итог, необходимо отметить, что в современных условиях без признания всех форм *социального и культурного многообразия*, в том числе в его этническом измерении, выстраивание адекватной культурной политики представляется невозможным. Она может базироваться на принципах, разработанных в рамках научного направления гигиены культуры

и тех культурообразующих компонентах, которые призваны защитить гуманную сущность общества, обеспечить условия для всестороннего саморазвития и высвобождения человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вебер Ш.* Культурное многообразие и развитие. URL: https://www.nes.ru/dataupload/files/news/Shlomo%20Weber_Kazan_RUS.pdf (дата обращения 07.07.2019).
2. *Тишков В.А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document818.doc> (дата обращения 07.07.2019).
3. *Антонова В.К., Карпова Г.Г.* Политика мультикультурализма на Российской почве: есть ли перспективы? // ЖИСП. 2011. №1. С. 99–128.
4. *Малахов В.С.* Почему в России нет «мультикультурных исследований»? // Вестник Института Кеннана в России. Москва 2008. Вып. 13. С. 24–29.
5. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Принята 20 октября 2005 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения 07.07.2019).
6. *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
7. *Киреев Е.Ю.* Социальное многообразие: некоторые подходы к социологическому осмыслению // Социальная политика и социология. 2018. № 2. С. 78–85.
8. *Taylor C.* Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton: Princeton University Press, 1992.
9. *Parekh B.* Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory / В. Parekh. New York: Palgrave Macmillan, 2006.
10. *Кукатас Ч.* Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Чандран Кукатас; пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. А.В. Куряева. М.: Мысль, 2011.
11. *Kimlika.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995.
12. *Осадчая Г.И.* Трудовая мобильность граждан государств-членов ЕАЭС: проблемы адаптации в Москве // Социальная политика и социология. 2018. № 3. С. 64–72.
13. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 07.07.2019).
14. *Киреев Е.Ю.* К вопросу об основных подходах к управлению этническим и культурным многообразием в обществах // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. С. 266–269.

Чукуров Андрей Юрьевич

кандидат культурологии, доцент

Кафедра теории и истории культуры, Институт Философии Человека
РГПУ им. А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, наб.р. Мойки, 48,

achukurov@yandex.ru

ДИГИТАЛЬНОЕ ТЕЛО И ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена дигитальной телесности и проблемы социализации и самоидентификации личности в виртуальном пространстве. В фокусе нашего внимания оказывается функционирование дигитального тела в мире MMORPG. Степень распространённости и популярности данного игрового феномена делает рассмотрение данной темы предельно актуальным. Данный игровой жанр включает в качестве основного коммуникационный аспект, т.е. предполагает активное взаимодействие пользователей. Соотнесение себя с окружающими (сообществами, индивидами) предполагает само наличие в некоем обозримом пространстве этих индивидов и сообществ. В изоляции самоидентификация проходить не может – нет того, с кем себя соотнести. Сегодня миллионы пользователей активно вовлечены в многопользовательские игры, что в свою очередь означает, что социокультурное пространство MMORPG оказывает принципиальное влияние на самоидентификацию личности. В докладе анализируется трансформация коммуникационных практик, проходящая под влиянием MMORPG. В результате мы приходим к выводу, что изучение влияния MMORPG на сознание пользователя, с нашей точки зрения, должно вестись сразу в двух направлениях. Первое направление – это выявление дополнительных возможностей подобных игр для адаптации и социализации людей с особыми потребностями. Второе направление – анализ коммуникационных игровых практик для прогнозирования возможных вариантов трансформации коммуникационных стратегий и механизмов самоидентификации. Последнее представляется принципиально важным как для культурологии, так и для педагогики.

Ключевые слова. Дигитальное тело, MMORPG, многопользовательские игры, виртуальное пространство, самоидентификация, социализация, популярная культура.

Chukurov Andrey Y.

PhD (culture), associate professor
Department of Theory and History of Culture,
Institute of Human Philosophy,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Moika emb., 48
achukurov@yandex.ru

DIGITAL BODY AND PECULIARITIES OF SELF-IDENTIFICATION IN VIRTUAL SPACE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the digital body phenomenon and the problems of socialization and self-identification in the virtual space. The focus of our attention is the functioning of the digital body in the space of MMORPG. The degree of prevalence and popularity of this gaming phenomenon makes consideration of this topic extremely relevant. This game genre includes as the communication aspect of communication, i.e. implies active user interaction. This game genre includes the communication aspect as the main one, so it implies active user interaction. The correlation of oneself with others (communities, persons) presupposes the very existence of these persons and communities in a certain visible space. There are no self-identification in isolation: there is no one with whom to relate. We point out that today millions of users are actively involved in multiplayer games, which in turn means that the MMORPG socio-cultural space has a fundamental impact on the person's identification. We analyze the transformation of communication practices influenced by the MMORPG. We conclude that the study of the MMORPG influence on the user's mind, from our point of view, should be conducted in two directions at once. The first direction is to identify additional features of such games for the adaptation and socialization of people with special needs. The second direction is the analysis of communication gaming practices to predict possible options for the transformation of communication strategies and mechanisms of self-identification. The latter is of fundamental importance both for cultural studies and for pedagogy.

Keywords. Digital body, MMORPG, multiplayer games, virtual space, self-identification, socialization, popular culture.

В информационную эпоху мы вправе говорить о рождении нового типа телесности – телесности цифровой. Морфология телесности, представленная в классических трудах М. Фуко, М. Мосса, В.А. Подороги и многих других, где присутствует физическое и социальное тело, сегодня представляется недостаточной. Одновременно новый тип телесности заставляет

нас обратиться к анализу новых форм и механизмов самоидентификации. Вспомним, что самоидентификация предполагает принятие норм и ценностей другой личности или сообщества как своих собственных, а идентичность – это чувство тождественности. Большая часть истории человечества прошла без какой-либо свободной самоидентификации, индивид приписывался к тому или иному сообществу по факту рождения. «Формирование или коррекция идентичности – это процесс преобразования всех прежних идентичностей в свете ожидаемого будущего. Таким образом, идентичность личности операциональна, связана с инструментальным характером человеческого Я и является производной от функции, выполняемой человеком в окружающей его действительности» [1, 118]. Сегодня ситуации кардинально изменилась, процесс самоидентификации более не связан с выживанием или многолетним приобщением к профессии. Уничтожение жестких структур и атомизация общества в силу разных причин делают процесс соотнесения себя с кем-либо или чем-либо совершенно разным по сравнению с прежними каналам невозможным.

Поскольку механизм формирования телесности напрямую связан с процессом самоидентификации, то есть соотнесения себя с определенной группой, человеком, опытом или образом, то и дигитальная телесность формируется по тем же принципам. При этом виртуальный мир предлагает гораздо больший спектр образов и групп, потому дигитальная телесность может обретать самые невероятные формы. И колоссальную роль в этом процессе сегодня играет популярная культура. Современная наука еще не выработала общепризнанного определения, поэтому в данном докладе предлагается рабочий вариант подобного определения: дигитальная телесность – это высоко эстетизированная телесность, созданная с целью ее дальнейшей трансляции в виртуальный мир, формально оторванная от физических ощущений и физического тела как такового, но активно с ним взаимодействующая.

ДИГИТАЛЬНОЕ ТЕЛО В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Жизнь в информационном обществе без дигитального тела сегодня невозможна. Количество интернет-пользователей в 2018 году достигло 4,021 млрд человек, что на 7 процентов больше в сравнении с прошлогодними данными. Аудитория социальных сетей в 2018 году насчитывает 3,196 млрд человек – на 13% выше прошлогодней цифры [4]. Регистрируясь в социальных сетях, мы уже формируем свое дигитальное тело путем подбора аватара, имени и т.д. Важный этап всего этого

процесса – мы подписываемся на те или иные группы, которые не всегда соответствует нашим истинным интересам. Очень часто подбор групп в большей степени является презентацией того, какими мы ходим казаться окружающим. Часто виртуальные образы в социальных сетях не имеют никакого отношения к нашим физическим телам или телам социальным, которые мы «транслируем» в окружающий «реальный» мир – другое имя, иная сфера интересов, а иногда и иная гендерная принадлежность.

Обратимся к феномену, который вот уже который год вовлекает в свое пространство миллионы пользователей, а значит – дигитальных тел. Мы говорим о многопользовательских компьютерных играх. Для понимания дальнейшего текста имеет смысл вспомнить следующее определение: «Специфика статуса VR¹ определяется различием между имитацией и симуляцией: VR не имитирует реальность, но симулирует ее с помощью сходства» [2]. Иными словами, в дальнейшем речь пойдет именно о создании параллельных реальностей, а не имитации существующей. Мы также не будем останавливаться на технологиях, даже игровых, включающих специальные очки виртуальной реальности: как показывает практика, они не охватывают широкие слои населения и мало влияют на трансформацию механизма самоидентификации.

Прежде чем мы пойдем дальше, определим, что MMORPG – это многопользовательские онлайн игровые проекты. Жанров подобного рода игр очень много и не стоит задерживаться на их перечислении. Ограничимся лишь указанием на крайнюю степень доходности данного сегмента рынка. Существуют два вида игр – условно бесплатные (*free to play*) и платные. Однако в словосочетании «условно бесплатные» слово «условно» будет ключевым, поскольку в процессе игры пользователь ставится в условия, когда для продолжения успешной игры ему оказывается необходимо обратиться в «игровой магазин» для приобретения тех или иных вещей (оружия, одежды, услуг и т.д.). Так, уже сегодня Азиатско-Тихоокеанский регион дает игровой индустрии более 11 млрд долларов.

Поскольку в фокусе нашего исследования находится проблема самоидентификации, то необходимо отметить: процесс самоидентификации не может проходить вне коммуникационного пространства. Соотнесение себя с окружающими (сообществами, индивидами) предполагает само наличие в некоем обозримом пространстве этих индивидов и сообществ. В изоляции самоидентификация проходить не может – нет того, с кем себя соотнести. MMORPG – это игры, для которых социальное взаимодействие является базовым аспектом. Сегодня очевидно, что активная

¹ VR – виртуальная реальность.

вовлеченность в пространство взаимодействия MMORPG не может не влиять на процесс самоидентификации и его механизмы. Потому зарубежные исследования, связанные с дигитальным телом и проблемами интеракции, носят прикладной характер и в большей степени делают акцент именно на коммуникации.

М. Гриффиц, М. Дэвис и Д. Чапелл [5] в 2003 году выявили, что коммуникация в MMORPG является одним из самых привлекательных аспектов. Ей отдали предпочтение 41% пользователей, и лишь 4% назвали возможность убийства других игроков наиболее привлекательной стороной игры. Научные изыскания в этой области подкрепляются богатыми эмпирическими данными маркетинговых исследований, проводимых крупными компаниями, такими как, например, *Wyzowl*. В России, как это часто бывает, исследования в области компьютерных игр носят больше общетеоретический характер, хотя появляется довольно много и лингвистических исследований. Можно выделить работы Н.И. Васильевой, П.И. Ефимовой, Т.А. Золотовой, М.Б. Игнатьева, О.А. Степанцовой, М.А. Кропачевой, Е.С. Литвиновой, М.В. Каманкиной и др.

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В MMORPG

На сегодняшний день суммарное количество активных пользователей наиболее популярных MMORPG составляет около 7 миллионов человек (6 783 777 по версии URL: <https://mmo-population.com/> (дата обращения 08.08.2020)). Вне всяких сомнений, данные могут расходиться, поскольку существует огромное количество пиратских серверов. В отдельных случаях игроки на них учитываются и попадают в общую статистику, в других – нет. Принимая во внимание последнее замечание, если брать топ лидеров, то получится следующая картина. *World of Warcraft* – всего подписчиков 52399606, играют регулярно (ежедневно) – 2 986 778. *Final Fantasy XIV: Stormblood* – всего 11 943 785, ежедневно играют – 1 134 660. *Elder Scrolls Online* – всего аккаунтов 9 967 570, ежедневно играют 473 460.

MMORPG – это игры ролевые. Их условно можно разделить на два вида. Во-первых, это «воссоздание» более или менее привычной реальности. Иными словами, это воспроизведение жизни в крупных городах, полных магазинов, кинотеатров, клубов и т.д. Здесь можно совершать покупки, отправляться на экзотические курорты, влюбляться и обзаводиться семьями. Многие пользователи так, например, начинают свой бизнес – предлагают товары или услуги за вполне реальные деньги. Возникает вопрос: зачем проживать параллельную жизнь, если она принципиально

ничем не отличается от реальной? В этом все и дело – принципиальные отличие есть: человеку предоставляется вся полнота свободы выбора роли и модели поведения. К данной группе игр можно отнести *The Sims*, *Second Life*, *IMVU*, *Life Quest 2: Metropoville* и пр. *Second Life* вообще превратилась в некий «чистовик» реальной жизни; место, где без помарок и ошибок ты можешь создать нужную тебе модель поведения и биографию. Как показывает практика, существует огромное количество людей, которые оказались недовольны тем, как сложилась их жизнь в этом, «реальном» мире.

Во-вторых, это группа игр, предлагающих пользователю фантастические реальности (фэнтези, космоопера). Самые популярные на сегодняшний день – это *Black Desert Online*, *Lineage*, *World of Warcraft*, *the Elder Scrolls-online*, *Guild Wars 2*. Интересно, что виды деятельности, предлагаемые в данных играх, не слишком отличаются от того, что можно делать в играх, максимально приближенных к реальности: покупка вещей и домов, рыбная ловля, портняжное искусство, кузнечное дело и т.д. Разумеется, этот список венчают сугубо «фэнтезийные» виды деятельности – алхимия и зачаровывание.

Главным же, тем не менее, остается коммуникационный аспект. Однако, поскольку мы говорим о ролевых играх, то важной становится не только коммуникация как таковая, но и социальная репрезентация и самоидентификация. Игра предлагает игроку определить пол, расу, класс, сконструировать внешность своего *alter ego*, а в дальнейшем поощряет его за счет сюжетных цепочек испробовать разные роли. В некоторых играх (*The Elder Scrolls on-line*) есть определенные ограничения – не более восьми персонажей. В других – без ограничений. Фактически мы говорим о возможности формирования модели поведения пользователя за счет ненавязчивого формирования поведенческой стратегии его цифрового тела в виртуальной вселенной. Примечательно, что многие пользователи мужчины предпочитают играть за женских персонажей. Одна из причин: другие игроки (если нет голосового общения) принимая их за «реальных» женщин, начинают оказывать им всяческую помощь. Типичное проявление сексизма, за счет которого игрок может получить дополнительные ресурсы или защиту, а если будет делать ошибки в бою, то вместо ругани – снисхождение.

Примечательно, что создатели игр особое внимание уделяют тому, что условно можно обозначить как «доверие». Современное поколение игр отказывается от строгой роли, предлагая игроку максимальную степень самореализации. Создатели подчеркивают свободу выбора модели поведения и возможности ее последующей коррекции по ходу игры. Пользователю должно быть комфортно и в режиме одиночной игры, и во

взаимодействии с окружающими в групповых мероприятиях. Пользователь должен осознавать, что его персонаж может развиваться вместе с ним, только в этом случае игра вызывает доверие и полностью воспроизводит ситуацию «свободного выбора».

В MMORPG мы сталкиваемся с уникальным сочетанием нескольких видов коммуникации – вербальной (микрофон), письменной (чаты) и визуальной, которая фактически заменяет невербальную (позы, жесты) коммуникацию реальной жизни. Причем в последнем аспекте создатели игр уже совершили настоящий прорыв: так в *The Elder Scrolls* введен огромный набор жестов, которые ты можешь использовать, просто дав команду в чат. Процесс социализации облегчается тем, что внутренняя иерархия и структура берет за основу в качестве образца вполне привычные и известные из современности или истории примеры. В хорошей MMORPG пользователь найдет самые разнообразие организации, – гильдии, фракции, профессиональные объединения – позволяющие реализовать свой творческий потенциал, опробовать умения и навыки, которые по тем или иным причинам невозможно использовать в «реальной» жизни.

Визуальная коммуникация для MMORPG – вне всяких сомнений, является ведущей для пользователя. Мы говорим об общении посредством образов: сконструированный аватар уже сам по себе является информационным фреймом для другого пользователя. Визуальная информация обрабатывается быстрее любой иной. «По исследованиям все той же *Wuzowl* (компания, занимающаяся маркетинговыми исследованиями на рынке видео- и цифрового контента – прим. авт.), 80% людей помнят то, что они видели и что делали, а визуальная информация обрабатывается мозгом человека в 60 000 раз быстрее, чем простой текст – очевидно, что визуальное общение в разы превосходит вербальное по эффективности» [3].

Помимо выхода визуального образа на первый план в коммуникационных практиках, мы наблюдаем и трансформацию языковых стратегий. Сегодня на просторах сети можно найти огромное количество словарей, разъясняющих те или иные термины, а их уже десятки. Вот пример терминологии: ап – достижение очередного уровня; дебафф (от англ. *debuff*) – некий модификатор, добавляющий на персонажа отрицательный эффект; дот (аббр. от англ. *damage over time* – урон в течение времени) – урон, наносимый в течение некоторого времени; дпс (аббр. от англ. *damage per second* – урон в секунду) – количество урона, наносимого за одну секунду.

Меняется сама речь пользователей – язык игровых чатов принципиально отличается от привычного нам языка (авторская грамматика сохранена):

– Ему агонайзинг выпилили из талантов (в 7.2.5). А это был сильнейший билд как в соло цель, так и на мультидот. Тем более, апнут так или иначе всех, хотя дв банально статами с Гира в гробнице.

– Если тупо спамить абилками и скиллами, то не хватит. Опробовав боевую систему я думаю, что вполне можно совместить милицшный бой с блоками и уворотами с использованием скиллов и абилок. Но в таком случае необходимо разогнать урон с руки. Даггеры дадут криты, но в моем билде критование не даст эффекта, ибо для даггеров средняя броня. Скорость атаки тоже не велика. Поэтому два меча. Либо меч в мейнхэнд и дубина в оффхэнд.

Мы говорим в данном случае о максимальной экономии языковых средств, что в сочетании с постоянным общением в мессенджерах, которое по сути строится по таким же принципам, просто с меньшим количеством непривычной терминологии, дает нам в итоге трансформацию всех языковых норм.

Коммуникация в MMORPG – это, вне всяких сомнений, новые возможности. Прежде всего, если мы говорим о людях с особыми потребностями. Это возможность вырваться за границы данного, за ограничения своего физического тела. Это возможность наладить коммуникацию для тех, кто испытывает объективные трудности в общении – расстройства аутического спектра или столь распространенный сейчас социальный аутизм. При этом дигитальная телесность как в рамках MMORPG, так и вне их, вовсе не предоставляет человеку всей полноты свободы, но лишь ее иллюзию, поскольку пользователь лишь выбирает образ из предлагаемых ему, собирает свою идентичность из множества культурных паттернов, заложенных в данную программу, что в полной мере является воплощением идеи «репрессивной десублимации». На сегодняшний день мы говорим о миллионах человек, которые проводят многие часы, будучи погруженными в виртуальные вселенные MMORPG. Эти вселенные оказываются куда более привлекательными с одной стороны, а с другой – воздействуют на мозг и физическое тело посредством тех же механизмов, что и событийный ряд реальной жизни: яркое событие в виртуальном мире точно также приводит к выбросу в кровь серотонина, адреналина и норадреналина. Иными словами, мы получаем ту же химическую реакцию, а значит и эмоциональный фон. Кроме того, современный человек погружается в виртуальный мир очень рано и многие проходят процессы социализации и самоидентификации, находясь именно в виртуальном мире, а значит, ориентируясь в этих процессах на виртуальные же сообщества, характеры и образы. Изучение влияния MMORPG на сознание пользователя, с нашей точки зрения, должно вестись сразу в двух направлениях.

Первое направление – это выявление дополнительных возможностей подобных игр для адаптации и социализации людей с особыми потребностями для снятия коммуникационных барьеров и вовлечения в активную социальную жизнь. Второе направление – анализ коммуникационных игровых практик для прогнозирования возможных вариантов трансформации коммуникационных стратегий и механизмов самоидентификации. Последнее представляется принципиально важным как для культурологии, так и для педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атланов Д.Ю., Булгакова О.С.* Философия личности. СПб., НПЦПСН, 2012. С. 118.
2. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. URL: <http://kinoart.ru/ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения 10.08.2018).
3. Сила визуальной коммуникации // LPGENERATOR. URL: <https://lpgenerator.ru/blog/2014/05/14/sila-vizualnoj-kommunikacii/> (дата обращения 15.09.18).
4. Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование. URL: <https://www.webcanare.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie> (дата обращения 12.03.2019).
5. *Griffiths M.D., Davies M.N.O., Chappell D.* Breaking the stereotype: The case of online gaming // *Cyber Psychology and Behavior*. 2003. № 6. P. 81–91.

Горетить Йозеф

кандидат филологических наук, хабилитированный доктор
доцент Института славистики Дебреценского университета
4031 Дебрецен, пл. Эдетем, д. 1
goretity.jozsef@arts.unideb.hu

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЕНГРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х – 2010-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье излагается история вхождения русской литературы в венгерскую культуру и изменения в ее восприятии со второй половины 1980-х годов до наших дней. За эти тридцать с лишним лет издание русской литературы на венгерском языке определялось не только эстетическими причинами, но и политической властью и ее культурной политикой. Динамика отношений между двумя культурами – передающей и воспринимающей – рассматривается в историческом контексте. Автор условно разделяет выбранный отрезок времени на четыре периода, каждый из которых имеет свои характерные черты: вторая половина 1980-х годов – влияние «перестройки» и «гласности», 1990-е годы – «полная тишина», 2000-е годы – господство постмодернизма и 2010-е годы – «новый реализм».

Ключевые слова. Современная русская литература, венгерская рецепция, переводы современной русской литературы на венгерский, литература эпохи перестройки, господство постмодернизма, новый реализм.

Goretity József

Ph D. Dr. habil
Institute of Slavonic Studies, University of Debrecen
4032 Debrecen Egyetem tér 1
goretity.jozsef@arts.unideb.hu

THE PERCEPTION OF RUSSIAN LITERATURE IN HUNGARY IN HISTORICAL CONTEXT: FROM THE SECOND HALF OF THE 1980S TO THE 2010S YEARS

Abstract. The paper provides an overview of the changes in the perception of Russian literature in Hungarian culture from the second half of the 1980s to the present day. During these approximately 30 years the publication of Russian literature in Hungarian depended not only on esthetic reasons,

but rather on the political authority and its cultural policy. The author of the present article is studying the dynamics of the two cultures – the transferring culture and the receptive culture – in historical context. On the basis of the perception of Russian literature in Hungary the investigated era can be divided into 4 periods, each of which with different characteristics: the second half of the 1980s – the effect of «perestroika» and «glasnost», the 1990s – «total silence», the 2000s – the predominance of postmodernism, the 2010s – «new realism».

Keywords. Contemporary Russian literature, the Hungarian perception, the translation of contemporary Russian literature into Hungarian, the literature of the era of perestroika, the predominance of postmodernism, new realism

Восприятие иностранной литературы в родной, национальной культуре, несомненно, всегда играет важную роль во взаимопонимании между двумя культурами – передающей и воспринимающей. Естественно, в каждом случае возникает вопрос о том, насколько может произведение иностранной литературы, переведенное на родной язык, стать неотъемлемой частью родной, национальной литературы? Должен ли переводчик демонстрировать, что речь идет об оригинальном произведении, созданном на чужом языке, или, наоборот, создавать видимость, что данное литературное произведение родилось на родном языке, следовательно, без всяких препятствий может вписываться в родную, национальную литературу¹. Какая из этих стратегий дает шанс оригинальному произведению сильнее повлиять на целевую аудиторию? По всей вероятности, на этот вопрос определенного ответа нет – в воспринимающей литературе можно найти примеры и того, и другого варианта.

Что касается восприятия русской литературы в Венгрии за те примерно 200 лет, которые она переводится на венгерский язык – в XIX веке довольно часто не прямо с русского, а через немецкий – встречаются примеры, доказывающие сильное влияние русского литературного произведения на венгерский литературный процесс. Так, например, после выхода в свет полного перевода «Евгения Онегина» в венгерской литературе на долгое время (примерно на 50 лет, до начала XX века) стал важным и модным литературным жанром до тех пор малоизвестный в венгерской словесности «роман в стихах». А произведения И.С. Тургенева, переведенные во второй половине XIX века на венгерский язык,

¹ О таком требовании к художественным переводам писал немецкий философ Ф. Шлейермахер в своём знаменитом трактате о разных методах художественного перевода [1, 207–245].

воспринимались венгерской читающей публикой как «свои», родные, венгерские, так как одна из их основных тем, разрушение и исчезновение дворянской усадьбы (как социального и культурного феномена), оказалась и в Венгрии волнующей общество проблемой. Романы и рассказы Тургенева сравнивались с известной и популярной в то время повестью венгерского писателя Пала Дьюлаи «Последний хозяин старой усадьбы», и хотя они были переведены на венгерский с французского и немецкого языков, и таким образом переводы были не совсем успешными, воспринимались почти как оригинальные венгерские произведения¹. Есть пример прямого влияния русской литературы на венгерскую и из нашего времени. В одном из крупнейших произведений венгерского постмодернизма, в итоговом романе Петера Эстерхази «*Harmonia Caelestis*» («Небесная гармония») автор почти дословно цитирует одну главу из книги Дмитрия Галковского «Бесконечный тупик», являющейся таким же стремящимся к синтезу постмодернистским произведением гибридного жанра, каким и «Небесная гармония» [3, предложение № 147; 4, примечание к № 104]. Наверное, в отношении обоих произведений является достоверным мнение, высказанное одним из венгерских критиков о художественном методе книги Петера Эстерхази, согласно которому автор «выбрасывая в дверь все атрибуты традиционного романа, тайком возвратил их через окно»².

Думаю, что этими wybranными наугад примерами достоверно доказывается, что венгерская и русская литературы имеют довольно тесную связь уже двухсотлетней давности, и рецепция русской словесности в Венгрии всегда была и до сих пор остается довольно серьезной и глубокой.

Мне хотелось бы более подробно поговорить об изменениях в восприятии русской литературы в Венгрии со второй половины 1980-х годов до наших дней. За эти тридцать с лишним лет издание русской литературы на венгерском языке часто (особенно до конца 1990-х годов) зависело не только от эстетических причин, а скорее от политической власти и ее культурной политики.

С точки зрения восприятия русской литературы в Венгрии выбранный мной промежуток времени условно разделяется на четыре периода, каждый из которых имеет свои характерные черты:

¹ О венгерском восприятии произведений Тургенева в XIX веке см. подробнее: [2, 826–851].

² Цитирует Вячеслав Середа в своем послесловии к роману Петера Эстерхази [5, 606].

1. Вторая половина 1980-х годов – влияние «перестройки» и «гласности».
2. 1990-е годы – «полная тишина».
3. 2000-е годы – «господство постмодернизма».
4. 2010-е годы – «новый реализм».

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГОДОВ – ВЛИЯНИЕ «ПЕРЕСТРОЙКИ» И «ГЛАСНОСТИ»

Как известно, в русской (советской) культурной и литературной политике в это время благодаря новым политическим направлениям под названием «перестройка» и «гласность» произошли значительные изменения, невообразимые в эпоху брежневского «застоя». В результате этих изменений в горбачевской России вышли в свет литературные произведения, которые в сталинские и брежневские времена было принято считать «декадентскими», то есть по сути вредными. Сюда относилась в первую очередь литература Серебряного века – произведения символистов, акмеистов и авангардистов. Творчество авторов этих литературных направлений, несмотря на некоторые изменения в издательской политике во времена хрущевской оттепели и брежневского застоя, осталось в основном неизвестным для советской читающей публики. Их главные произведения не издавались, в школах и университетах не преподавались, в литературоведческих трудах о них либо вовсе не упоминалось, либо упоминалось едва ли не ругательными словами. Все это вело к тому, что из истории русской литературы были вычеркнуты не только отдельные авторы, но целые литературные направления. А когда во время перестройки культурная политика как бы «вернула» авторов и их произведения читателям, тогда литература Серебряного века (ее идеи, поэтические средства, повествовательные приемы и т.д.) не просто вышла из неизвестности, но и открылась как новая и современная. Идет речь в первую очередь о таких авторах и их произведениях, как например: роман-трилогия Д. Мережковского «Христос и Антихрист», романы Ф. Сологуба «Тяжелые сны», «Мелкий бес», «Творимая легенда», повести А. Ремизова «Крестовые сестры», «Пруд», «Часы», романы А. Белого «Серебряный голубь», «Петербург», «Котик Летаев», романы и повести А. Платонова «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море», роман Е. Замятина «Мы», повести М. Булгакова «Собачье сердце», «Дьяволиада», «Роковые яйца», романы К. Вагинова «Козлиная песнь» и «Гарпагоняна», «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка, автобиографическое произведение «Перед восходом солнца» М. Зощенко, произведения В. Хлебникова и Д. Хармса и другие.

Вторую группу изданной во время «перестройки» литературы представляли так называемые «антисоветские» книги, запрещенные раньше в Советском Союзе по политическим причинам. Сюда относятся, например: «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Дети Арбата» А. Рыбакова, произведения о ГУЛАГе («Колымские рассказы» В. Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом» и «Раковый корпус» А. Солженицына, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург) и др. Были изданы и произведения эмигрантской литературы, в первую очередь романы В. Набокова, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Курсив мой» Н. Берберовой, повести С. Довлатова и Ю. Алешковского, «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» В. Войновича, «Школа дураков» С. Соколова и др.

Во времена так называемого развитого социализма на венгерском языке издавались только те произведения русской (советской) литературы, которые официально были изданы советскими издательствами – хотя в нашей стране культурная политика была более мягкой, чем в Советском Союзе (неслучайно кадаровская Венгрия называлась «самым веселым бараксом соцлагеря»). Следовательно, запрещенные в Советском Союзе литературные произведения находились под запретом и в Венгрии. Когда во время перестройки и гласности в горбачевском Советском Союзе вышли в свет перечисленные выше произведения (и многие еще другие), тогда и в Венгрии возникла возможность выпускать их на венгерском языке. Таким образом, и венгерская читающая публика могла познакомиться с названными авторами и их творчеством, почти параллельно с советскими изданиями.

В этом процессе главную роль играли венгерские «толстые» литературные журналы «Szovjet Irodalom» («Советская литература») и «Nagyvilág» («Большой мир») и книгоиздательство «Európa» («Европа»), которое традиционно занималось в первую очередь изданием иностранной литературы. В конце 1980-х годов, когда социалистический строй в Венгрии приближался к концу, были созданы и частные издательства, которые – осознавая конъюнктуру – с удовольствием выпускали прежде запрещенную русскую (советскую) литературу – иногда даже без авторского права, в плохом переводе, на некачественной бумаге. Так произошло, например, и с произведением А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в 1989 году, когда некое – между прочим скоро исчезнувшее – частное издательство «Új Idők» («Новые времена») выпустило его на венгерском языке, на основе венгерской книги, вышедшей в свет в Мюнхене в 1975–1976 годах, без разрешения автора и мюнхенского издательства, со значительными купюрами, в плохом переводе, на газетной бумаге, в некачественном переплете. Вероятно, риск был

оправдан, потому что пиратское издание книги принесло «Új Idők» большие доходы.

Совсем по-другому сложилась судьба первого венгерского издания романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Издание книги было осуществлено в 1988 году частным издательством «Árkádia» («Аркадия»), тоже в неадекватном переводе и некачественном оформлении, большим тиражом, наверно в надежде на огромную прибыль. Но когда для широкой читающей публики стало ясно, что роман Пастернака вовсе не является таким увлекательным (т.е. псевдосентиментальным) чтивом, как это представлялось на основе одноименного популярного американского кинофильма в главной роли с обаятельным Омаром Шарифом, тогда книгу перестали покупать, оценивая ее слишком трудной и скучной. В результате – «Доктор Живаго» Б. Пастернака в Венгрии провалился, и до сих пор он не получил соответствующей этому шедевру русской и мировой литературы оценки.

1990-е годы – «ПОЛНАЯ ТИШИНА»

Отношение к русской и советской литературе после политических перемен, произошедших в Венгрии в 1989–1990 годах, резко изменилось. С осени 1989 года перестало быть обязательным преподавание русского языка в школах и гимназиях. 12 марта 1990 года начался вывод советских войск из Венгрии. В конце 1990 года перестал существовать журнал «Советская литература». В Венгрии сложились не только антисоветские, но и антирусские настроения. Вошло в моду презрительно высказаться обо всем русском, обо всем, что имело какую-нибудь связь с Советским Союзом и русской культурой. Хотя, конечно, культурная политика новой Венгрии не запрещала издание русской литературы – ведь официально в страну наконец-то пришла свобода, но явная ориентация на западную культуру исключила распространение современных русских литературных произведений на венгерском языке. Все это привело и к резкому упадку интереса со стороны читающей публики к современной русской литературе. И книгоиздательства, и литературные журналы отказались от публикации русских литературных произведений, а венгерские переводчики с русского должны были чувствовать даже некоторый стыд перед редакторами книгоиздательств и журналов, если все-таки смели предлагать какое-нибудь новое русское литературное произведение. Венгерским русистам такой отрицательный подход к русской литературе казался весьма странным и непонятным, ведь эти обстоятельства сложились именно в то время, когда в русском литературном процессе

произошли значительные изменения. На смену унылой соцреалистической литературе пришли новые, свежие, необыкновенные литературные течения, и, как известно, в истории современной русской литературы 1990-е годы оказались эпохой расцвета русского постмодернизма. Все равно, как мы сегодня относимся к так называемой «другой литературе», к литературной «чернухе», к русской постмодернистской литературе или к другим новым течениям, все равно, как мы их оцениваем с точки зрения эстетических и этических ценностей, надо им отдать должное: эти течения научили читателей по-новому смотреть на литературу, по-новому воспринимать ее, по-новому приближаться к таким основополагающим вопросам литературоведения, как, например, что такое литературное произведение и что такое действительность, каковы их взаимоотношения, что такое текст и что такое повествование, какую роль играет в обществе писатель. Когда в 1990-е годы венгерские издательства и журналы отказались от публикации современной русской литературы, они одновременно отступились и от познания новых русских литературных явлений и процессов, следовательно, венгерская культурная политика после падения железного занавеса на западной границе страны, как ни странно, во имя свободы построила новый железный занавес на восточной границе.

2000-е годы – «ГОСПОДСТВО ПОСТМОДЕРНИЗМА»

К концу 1990-х годов положение в некоторой степени постепенно изменялась: было издано несколько литературных произведений русского постмодернизма («Русская красавица» и «Жизнь с идиотом» Виктора Ерофеева, «Жизнь насекомых» В. Пелевина) на венгерском языке. У этого процесса, на мой взгляд, были две основные причины:

а) Венгерские издательства, узнав о том, что русские постмодернистские авторы имеют значительные успехи в Западной Европе, решили рискнуть и выпустить несколько нашумевших на Западе русских произведений. В венгерском книгоиздании, можно сказать, это уже старая история – словно вернулась практика конца XIX – начала XX века, когда шедевры русской литературы были переведены на венгерский не с русского, а главным образом с немецкого и французского языков. В конце 1990-х годов венгерские издатели привезли произведения русских писателей нового поколения, пользующихся успехом на Западе, в Венгрию через Германию и Францию (хотя, конечно, эти произведения были переведены на венгерский с русского языка).

б) Маленькая группа венгерских русистов (несколько переводчиков и литературоведов), которая и в 1990-е годы, то есть во время «полной тишины» не перестала заниматься русской, в том числе и современной литературой, вопреки политическим, общественным и культурным препятствиям, все-таки пробила стены предубеждений, касающихся России, русской культуры и русской литературы.

Значительное изменение в издании современной русской литературы в Венгрии восходит к 1997 и 1999 годам: в июльском и августовском номерах за 1997 год престижного литературного журнала «Jelenkor» («Настоящее время») была опубликована подборка произведений новой волны русской литературы («Проездом» В. Сорокина, «Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Истоки и смысл русского постмодернизма» М. Эпштейна) и несколько статей венгерских авторов о русской постмодернистской литературе); а потом, в разных номерах журнала за 1999 год вышла серия переводов произведений шести русских авторов, вместе с критическими статьями под названием «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург» [6], в которых были представлены не только авторы (С. Довлатов, Е. Попов, Т. Толстая, В. Пелевин, Д. Галковский, В. Сорокин) и их произведения малой прозы, но и проанализирован русский литературный процесс 1990-х годов.

С того времени в течение 2000-х годов в Венгрии были изданы собрание сочинений С. Довлатова, почти все произведения Виктора Ерофеева, В. Пелевина, В. Сорокина, роман и сборник рассказов Е. Попова, роман и сборник рассказов Т. Толстой, три романа В. Аксенова, детективы Б. Акунина, два романа О. Славниковой, две книги Д. Рубиной, по одной книге Эргали Гера, Г. Рязского, Ю. Буйды и многих других авторов.

Переводы произведений Людмилы Улицкой – отдельная глава в истории восприятия современной русской литературы в Венгрии. Первая ее прозаическая работа, которая была переведена на венгерский, вышла в свет в 2003 году, в одном из самых лучших и престижных венгерских книгоиздательств, «Magvető» («Сеятель»). С того времени все ее романы, повести, рассказы и сказки выходили в свет огромными тиражами (так, первые издания – в 10 тысяч экземплярах, что в десятиллионной Венгрии считается довольно приличным тиражом). Л. Улицкая пользуется невероятной популярностью, ее произведения регулярно переиздаются, о них пишут научные труды, дипломные работы, критические статьи и отзывы читателей. Все это указывает на то, что она достигла таких литературных успехов, которым могут позавидовать многие венгерские и переведенные на венгерский язык иностранные авторы.

2010-е годы – «НОВЫЙ РЕАЛИЗМ»

В конце 1990-х – начале 2000-х годов в России разгорелся литературный спор, начатый молодым поколением писателей и критиков, которые говорили о том, что в художественной литературе нарушилось равновесие и преобладают постмодернистские текстовые конструкции, игра слов, скрытые и открытые цитаты, аллюзии, иронические подходы, пародирования, и одновременно вытесняются традиционные повествовательные формы; со стороны читающей публики возросли запросы на интригующие истории, традиционное повествование, прямолинейный сюжет, пластически оформленных персонажей, то есть на произведения психологического реализма.

С конца 1990-х годов в российской литературной критике (прежде всего группировка молодых критиков «ПоПуГан») начали все чаще употреблять литературный термин «новый реализм» – в первую очередь относительно произведений в то время достаточно молодого поколения русскоязычных писателей. В декабрьском номере «Нового мира» за 2001 год молодой писатель и литературный критик Сергей Шаргунов опубликовал статью под очень выразительным названием «Отрицание траура» [7], полемизируя с известной работой Виктора Ерофеева «Поминки по советской литературе» [8, 422–434]. Он открыто писал о том, что русская литература 1990-х годов, по его мнению, оказалась неудачной, русский постмодернизм пришел в тупик («Агония постмодернизма»), и будущее русской литературы – в реализме, восходящем к лучшим традициям классической русской словесности.

В 2010 году снова разгорелся спор о новом реализме – в этот раз на страницах «Литературной газеты». Поводом нового спора стало то, что в 2000-е годы писатели, примыкающие к направлению нового реализма, стали известными, успешными и популярными не только в России, но и за рубежом: издавались в престижных журналах и издательствах, переводились на разные языки мира, получали литературные премии.

К сожалению, о новом русском литературном направлении в Венгрии мало кто знал, о его представителях в венгерской прессе не писали, их произведения не переводились на венгерский язык. Таким образом, в 2010-е годы в восприятии современной русской литературы в Венгрии сложилось такое же неравновесие, о котором писали русские «новые реалисты» в начале 2000-х годов: русская постмодернистская литература полностью вытесняла не только произведения нового поколения, то есть «новых реалистов», но и вообще современную литературу реалистического склада.

Ситуация начала изменяться благодаря выходу в свет литературоведческой статьи под названием «Истоки и смысл русского „нового реализма”» [9, 22–33] на страницах венгерского литературного журнала «Тисатай» (Край Тиссы), в которой, с одной стороны, рассказывалось о литературном споре между «постмодернистами» и «новыми реалистами», а с другой – были представлены самые известные и значительные представители «нового реализма». Вслед за выходом статьи началось издание произведений лучших авторов «нового реализма»: романов Олега Павлова, Захара Прилепина, Романа Сенчина. Был составлен и издан на венгерском языке сборник рассказов «новых реалистов» под названием «Ботинки, полные горячей водкой», в который вошли рассказы – кроме уже названных авторов – С. Шаргунова, Алексея Иванова, Александра Карасева, Андрея Геласимова, Дениса Гуцко. Из авторов реалистического склада, не относящихся – в первую очередь по поколенческим причинам – к «новым реалистам», были переведены и изданы романы Юрия Полякова («Козленок в молоке», «Замыслил я побег», «Небо падших», «Демгородок»), которые пользуются довольно большим успехом.

На мой взгляд, «новые реалисты» и писатели реалистического склада должны принимать во внимание результаты постмодернизма: реализм XXI века может быть успешным только в том случае, если превзойдет старую концепцию реализма об изображении и/или отражении действительности, и будет способен творчески применить приемы постмодернизма к своим, (ново)реалистическим произведениям. Соответственно, «постмодернисты» тоже должны иметь в виду, что сегодняшние читатели требуют от романов не только текстовых конструкций, каламбуров и иронических цитат из прежних литературных произведений, но и интригующего повествования и психически обоснованных, настоящих героев.

Стремления к такому синтезу постмодернистских и реалистических приемов, несомненно, существуют в современной русской литературе. Такими произведениями я считаю, например: «Женщины Лазаря» М. Степновой, «Каменный мост» А. Терехова, «Лавр» Е. Водолазкина, «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, «С неба упали три яблока» Н. Абгарян, которые – благодаря венгерским переводчикам и книгоиздательствам – переведены и изданы на венгерском языке.

И в заключении можно сказать, что к сегодняшнему дню современная русская литература очень хорошо представлена в Венгрии, как ни странно, лучше, чем другие европейские (немецкая, французская, английская, испанская, итальянская) литературы, не говоря уже о литературе соседних (Австрии, Словакии, Украины, Румынии, Сербии, Хорватии, Словении) и других стран (Чехии, Польши, Болгарии) Центральной и Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schleiermacher F.* Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens // Schleiermacher F. Sämtliche Werke. Berlin, 1838. Band 2. S. 207–245.
2. *Zöldhelyi Zs.* Az orosz irodalom magyar fogadtatása a XIX. században // KROÓ Katalin (szerk.): Bevezetés a XIX. Századi orosz irodalom történetébe I–II. Budapest, Bölcsész Konzorcium, 2006. 826–851 old.
3. *Эстерхази П.* Harmonia caelestis / Пер. с венгерского В. Середы. М.: НЛО, 2008.
4. *Галковский Д.* Бесконечный тупик. М.: Самиздат, 1998. С. 108.
5. *Серета В.* «Небесная гармония» Петера Эстерхази – последний венгерский роман XX века // *Эстерхази П.* Harmonia caelestis / Пер. с венгерского В. Середы. М.: НЛО, 2008., С. 606.
6. *Goreity J.* Utazás Leningrádból Szentpétervárra 1–6. (*Горетуй Й.* Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург 1–6.). Jelenkor. 1999. №№ 1, 3, 4, 6, 9, 12.
7. *Шаргунов С.* Отрицание траура. Новый мир. 2001. № 12. URL: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (дата обращения 12.05.2019).
8. *Ерофеев В.* Поминки по советской литературе // *Ерофеев В.* Страшный суд. Роман, рассказы, маленькие эссе. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 422–434.
9. *Goreity J.* Az orosz «új realizmus» értelme és eredete. Tiszatáj. 2015. № 8. 22–33 old.

Телеки Анна

Аспирант
Дебреценский Университет (Венгрия)
4010 Венгрия, Дебрецен, Эдетем тер 1.
annacska.teleki@gmail.com

ОБРАЗ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ: РОМАН Р. СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ»

Аннотация. В статье исследуется творчество Романа Сенчина, представителя нового поколения российских писателей, которое стремится возродить проблематику и приемы русского классического реализма в контексте настоящего времени. Основное внимание уделяется его роману «Елтышевы», одному из наиболее спорных и знаменитых романов современной русской прозы. Это произведение тесно связано с традицией так называемой деревенской прозы, обратившей внимание читателей на положение находящегося на периферии общества крестьянства и скрывающуюся в нем духовность, основанную на инстинктах и языческой народной культуре. В романе «Елтышевы» можно наблюдать противопоставление двух миров, двух сил, точнее, противопоставление силы и бессилия. В противовес русской провинции, где правят стихия и волчьи законы, выступают слабый город и живущие в нем бессильные горожане. Но Сенчин видит и безвыходность русской провинции 2000-х годов: с помощью семьи среднего общественного слоя, оказавшегося на краю гибели, он показывает гибель русской деревни. Анализируя произведения Сенчина, автор статьи отмечает, что общественные и экономические следствия распада СССР не играют непосредственной роли в действии романа, тогда как политический поворот 1990-х годов изменил социальное положение деревни и жизнь Елтышевых.

Ключевые слова. Роман Сенчин, современная русская литература, культура, деревенская проза, общество, законы города, маленький человек.

Teleki Anna

PhD Student
University of Debrecen (Hungary)
4010 Hungary, Debrecen, Egyetem ter 1.
annacska.teleki@gmail.com

THE CONTRAPOSITION OF TWO WORLDS IN ROMAN SENCHIN'S «THE YELTYSHEVS»

Abstract. The present article is devoted to Roman Senchin, a member of the new generation of Russian writers. Senchin aims at regenerating the issues

and devices of classical Russian realism in a contemporary context. Special attention is devoted to the novel «The Yeltyshevs», which is one of the most controversial and well-known novels of contemporary Russian prose. Senchin's work is associated with the tradition of the so called rural prose, as it continues and resumes the image of rural life in Russian literature. The opposition of two worlds, two powers, or more precisely of strengths and impotence reoccurs in Senchin's novels. As opposed to the Russian province with its elemental nature and its dog-eat-dog rules stands the weak city with its impotent inhabitants as an opposing pole. In Senchin's «The Yeltyshevs» the loss of the Russian village is depicted through a middle-class family, which is on the verge of death. Senchin plastically portrays the hopeless despair of the Russian province in the second millenia. Studying Senchin's works it is worth mentioning that the social and economic results of the collapse of the Soviet Unions do not play a direct role in the storyline of his novels, whereas the political turn of the 1990's has a cause and effect relationship with the changes in the life of the Yeltyshevs and with the social status of the village.

Keywords. Roman Senchin, contemporary Russian prose, culture, province, social, urban rules, middle-class family.

Вопросы нового реализма вызывают в России шумные дискуссии. Критики, играющие важную роль в современной литературной жизни (например Наталья Иванова или Ольга Мартынова) [1, 2], обвиняют писателей, принадлежащих к новому литературному направлению, в том, что они пишут документальную прозу, в которой полностью отсутствует художественная форма, слишком много простого разговорного стиля и нет метафорического языка. Вместе с резкой критикой поэтики нового реализма редакторы толстых журналов и литературоведы выступают против самого существования новой литературной парадигмы. С.А. Чередниченко, редактор журнала «Вопросы литературы», считает, что для читателей не интересны романы, затрагивающие проблемы повседневной жизни и положения человека в постоянно меняющемся мире.

Подтверждение или отрицание этих обвинений в адрес нового реализма или же принятие решения по результатам этой дискуссии не является задачей данной статьи. Прежде всего, нам надо акцентировать внимание на реалистических тенденциях, которые с начала 2000-х годов прощивались в современной русской литературе [3; 4], и большом интересе читателей к произведениям нового поколения писателей. Последние стремились вернуться к художественным приемам русских классиков и возобновить проблематику классического реализма в контексте настоящего времени. На первый план выступали проблемы среднего слоя общества, в том числе повседневная борьба «маленького человека».

«Елтышевы» [5] Романа Сенчина – один из наиболее спорных и знаменитых романов нового литературного направления. В центре произведения довольно важная проблема современной русской жизни – положение деревни после распада СССР. Автор обращает внимание не только на экономический и общественный хаос сельского бытия, а подчеркивает кризис умирающей культуры русской провинции.

С 1990-х годов население деревни все быстрее уменьшается. Того, кто не хочет уезжать в город, ждет полная депрессия и безвыходная ситуация из-за нехватки рабочих мест, отсутствия базовых условий жизни, как, например, отключение газа и электричества, плохое состояние дорог, отсутствие путей сообщения между населенными пунктами. Все эти проблемы влекут за собой неспособность русской провинции к экономическому развитию, деградацию сельских жителей, алкоголизм.

Александр Палагин пишет в своей статье о том, что «за последние десять лет сельское население России сократилось практически на миллион» [6]. Молодежь в поисках лучшей жизни уезжает из села в город, а для тех, кто решил остаться в деревне, нет никаких перспектив. У сельских жителей нет никакого шанса прожить такую жизнь, как у современных горожан, чей образ жизни отличается от сельского. Например, в деревне нет возможности делать карьеру, ездить в командировки, путешествовать, планировать будущее или просто гулять по магазинам после работы. Деревенские люди будто стали арестантами в своем мире, для них самое главное как-то выжить. В селе надо своими руками создавать почти все – и еду, и работу, и жилье, надо как-то обеспечить себя материально, хотя возможностей для этого почти нет.

Сельское хозяйство, которое во время колхозов считалось значительной силой русской провинции, сегодня находится в кризисе. И даже на заводах, где вместо людей работают машины, уже не нужно такое количество людей, как раньше [7].

Социологи, экономисты и даже политики последнего десятилетия подтверждают, что русская деревня стремительно исчезает, и эта глубокая проблема касается не только социологических, экономических и политических сфер, но и культуры страны. Большое количество людей переезжает в города, где им нужно приспособиться к условиям нового мира, нового окружения. Этот процесс ведет к упадку и, в конечном счете, исчезновению деревенской народной культуры. Ее сохранение как источника русской культуры – важная задача государства. И художественная литература, некогда создававшая идеализированный образ провинциального бытия, в нынешних произведениях отражает процессы деградации и одичания человека.

Произведение Романа Сенчина «Елтышевы» тесно связано с традицией так называемой деревенской прозы, которая опирается на философию славянофильства, идеологию народничества и общинности. В «почвеннических» произведениях русской литературы деревенская культура сохраняет органичность и живость в противопоставлении с иерархичной и конструированной культурой города, настоящий русский характер в противопоставлении с городским человеком и правилами городской жизни.

С XIX века в русской художественной прозе деревенская жизнь изображается как *противокультура*. Великие писатели того времени, как, например, Некрасов, Толстой, Достоевский или Лесков, обратили внимание читателей на положение находящегося на периферии крестьянства и на скрывающуюся в нем духовность, основанную на инстинктах и языческой народной культуре. Субкультурный характер русской деревни и архетип сокровенной крестьянской души нашли отражение и в символистской литературе начала XX века, хотя в их произведениях (например у Андрея Белого или у Алексея Ремизова) уже наблюдается и иронический подход к теме.

Хотя деревенская тематика существовала и в литературе сталинских времен, но только позже, в период «оттепели» и особенно в 1970-е годы деревенская проза стала единственным художественным направлением, которое хотя и с советским идеологическим оттенком, но откровенно показывало общественные и экономические кризисы русской провинции, и моральные проблемы деревенского населения [8, 43–52; 9, 52–63; 10, 52–63]. Главные писатели этого направления – Валентин Распутин, Василий Шукшин, Виктор Астафьев.

Продолжая эти традиции, Сенчин в романе «Елтышевы» пластично изображает упадок русской деревни и безысходность провинциальной жизни 2000-х годов. Мы видим семью среднего общественного слоя, оказавшуюся на краю гибели. По сюжету романа главный герой Михаил Елтышев после принятия неудачного решения на работе вынужден оставить свою спокойную городскую жизнь и переехать в маленькую умирающую деревню. Семья хочет начать новую жизнь в Муранове, но сразу выясняется, что у них нет надежды на спокойную провинциальную жизнь, нет никакого шанса встать на ноги. Семья Елтышева, неспособная к деревенской жизни, не может принять свойственные деревне законы, не может приспособиться к новой среде. Они остаются чужими в новом окружении, которое и для них тоже кажется чужим.

В тяжелом сельском месте Елтышевы теряют стремление к лучшему, испытывают апатию, и из-за этого их жизнь опустошается. Семья начинает

заниматься продажей спирта и проводит дни в монотонном пьянстве. Интересно, что они могли бы вместе бороться за новую жизнь, у них была возможность помогать друг другу. Но слабый по характеру Елтышев выбирает алкоголь, случайно впутывается в разные убийства и однажды в споре с сыном убивает его.

Надо подчеркнуть, что к гибели семьи Елтышевых приводит не окружение и не сельская жизнь. Сенчин в своем произведении изображает тип постсоветского маленького человека, который независимо от своего окружения становится виноватым в своем нечеловеческом положении.

При анализе произведения стоит отметить, что общественные и экономические следствия распада СССР не играют непосредственной роли в действии романа, хотя политический переворот 1990-х годов отразился на жизни Елтышевых и на социальном положении деревни. Этот тезис подтверждает цитата из самого начала романа. «Тот момент, когда, как в сказке три богатыря, нужно было выбирать путь, по которому двинуться дальше, Елтышев проспал» [5, 6]. А состояние упадка в деревне и одну из причин этого процесса выясняет мэр Муранова в своем разговоре с Валентиной Елтышевой: «У меня местные без работы <...> В том году ферма еще была, а теперь <...> Кто на пенсию живет, кто по инвалидности...» [5, 61].

Валерия Пустовая в своей статье [11] подчеркивает, что автор не дает героям и читателям ложной надежды на новую жизнь, но предоставляет возможность понять новые законы и условия нового образа жизни.

В произведении Сенчина можно наблюдать противопоставление двух миров, двух сил, точнее, противопоставление силы и бессилия. В противовес русской провинции, основанной на стихии и волчьих законах, выступает слабый город и живущие в нем бессильные горожане. Сенчин изображает кризисное положение русской провинции как общественную, моральную и экономическую проблему, но в его произведении на метафизическом уровне появляется архетип русской провинции.

При анализе романа «Елтышевы» мы должны подчеркнуть, что с бинарной оппозицией горожан и деревенщиков тесно связана проблематика «чужого» [12, 164–179]. Главной причиной конфликтов в истории Елтышевых является страх чужого и агрессия, вызванная этим страхом. Таким образом, получается взаимодействие этой триады, части которой постоянно отражают друг друга. Елтышевы, уроженцы в метафизическом смысле слабого города, не имеют способности приспосабливаться к новому окружению и не способны следовать правилам, принесенным из города. Они боятся чужих деревенщиков, и, наоборот, жители Муранова тоже не могут принимать чужих из города. Обе стороны этого противопоставления защищают себя, набрасываясь друг на друга.

Важно то, что Елтышевы не просто неспособны к деревенскому бытию, они совсем не хотят приспособиться к новой среде. Семья по природе своей слабая, но эта слабость не в физическом смысле, а в ментальном, даже в метафизическом. Лучший пример, иллюстрирующий эту слабость, старший сын Елтышева Артем – лентяй, паразит, каракатица, родившийся в городе. Артем, будь он в городе или в деревне, предпочитает целыми днями ничего не делать. Вокруг Елтышевых всегда сонливая и подавленная атмосфера. Они больше спят, чем строят новый дом или как-то обустраивают свою жизнь. Это бессилие и нежизнеспособность является причиной конца их жизни.

Для Валентины Елтышевой настоящее страдание – отправиться на поиски работы, и не только из-за того, что она уже поняла бессмысленность этих попыток. «Четырнадцатого утром наконец-то решила. Наде-ла лучший свой костюм <...> скорей шагнула за дверь, чтобы не вернуться в комнату, не сесть на задницу, как остальные <...> Вернуться и сесть очень хотелось» [5, 58, 59]. Валентина родилась в деревне, но полностью утратила связь с ней, переехав в город. Там она пошла в школу, устроилась на работу, среди горожан завела друзей и вышла замуж. Таким образом, она стала слабой и неспособной к деревенской жизни.

Очень интересно, что причиной ментальной и физической гибели Елтышевых является не их окружение. Они страдают апатией и заболевают. Стоит отметить, что деревенские люди тоже страдают от трудностей сельского быта, но они способны жить по деревенским законам и используют любую возможность чем-то заняться: ходят в лес собирать ягоды и грибы, летом молодежь с удовольствием сидит на берегу озера. Елтышевы тоже пробуют следовать примеру других, но они не могут привыкнуть к этому существованию. Жители Муранова не впадают в депрессию, несмотря на то, что в деревне не хватает денег, и почти каждый из них становится алкоголиком. Больше всего они погибают от внешних обстоятельств, например от отравления домашним спиртом или в драках с жителями соседней деревни. Но они не умирают от духовных переживаний, как Елтышевы.

Проблематика противопоставления сильной русской деревни и слабого города наблюдается и в рассказе Романа Сенчина «Настоящий парень» [13, 301–311]. Автор с ностальгией рассказывает об исчезновении черт национального характера в современном русском обществе. Чтобы воссоздать этот характер в рассказе, Сенчин обращается к герою культового фильма Алексея Балабанова «Брат» (1997 год) [14].

Зрители стали ассоциировать Бодрова с его героем: Данила Багров, простой деревенский парень, который только что вернулся с чеченской

войны, переехал в Санкт-Петербург в надежде на хорошую жизнь. Старший брат Данилы уже давно живет в Петербурге и работает, как выясняется, наемным убийцей. Он готов поделиться работой с младшим братом. Данила на чеченской войне научился выполнять такую работу, и, если нужно, может стать настоящим киллером. Однако суть характера героя не в этом. Он настоящий провинциальный, по природе искренний человек, обладающий внутренней силой. На улицах Петербурга Данила стал борцом за правду, если хотите, современным Робинот Гудом: защищает бедных и нищих, а когда необходимо, расправляется с бандитами.

Сергей Лаврентьев [15] пишет о фильме, что в среде критиков и зрителей возникла потребность в таком характере, который истинно отражает представителя своего поколения. «Загадочный герой нашего времени», – говорила о Бодрове Алена Солнцева. Бодров не просто актер, который играет роль, кажется, что Данила Багров не экранный герой, а реальный, живой человек, один из нас. Чтобы показать характер Данилы, нужна внутренняя сила, и у Бодрова эта сила есть.

Рассказчик произведения «Настоящий парень», сидя в Транссибирском экспрессе ищет такие лица, у которых еще есть эта внутренняя сила и искренность, честность и порядочность, которые понимают что-то важное о мире вокруг нас. Кажется, Сенчин видит этот национальный характер в деревенских людях и видит этот тип в Бодрове, в сыгранном им герое Даниле, и в его поколении.

Сенчин после 2000-х годов заметил исчезновение черт этого национального характера у современного поколения. В рассказе он цитирует фильм «Брат», говоря о том, что «сама жизнь делает человека слабым <...> Кто появляется сильным, быстро размякает. Я тоже отсюда, из Сибири, в Москву сильным приехал» [13, 310]. Те же самые мысли в конце фильма в диалоге главного героя и Гофмана – русского немца:

« – Вот ты говорил: город – сила, а здесь слабые все.

– Город – это злая сила. Сильный приезжает, становится слабым. Город забирает силу» [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова Н.* Трудно первые десять лет // Журнальный зал: русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <http://www.zh-zal.ru/znamia/2010/1/iv16.html> (дата обращения 22.05.2018).
2. *Мартьянова О.* Загробная победа соцреализма // OpenSpace.RU. Архив. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/12295> (дата обращения 22.05.2018).

3. *Пустовая В.* Диптих // Журнальный зал: русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <http://www.zh-zal.ru/continent/2005/125/ru24.html> (дата обращения 4.06.2018).
4. *Шаргунов С.* Отрицание траура // Журнальный зал: русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (дата обращения 4.06.2018).
5. *Сенчин Р.* Елтышевы. М.: Эксмо, 2009.
6. *Палагин А.* Кризис русской деревни. Что делать? // Проектное государство: портал общественный действий по развитию страны. URL: http://www.proektoegosudarstvo.ru/publications/krizis_derevni/ (дата обращения 08.07.2018).
7. *Кашин В.И.* Без русской деревни нет России // КПРФ: Куммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://kprf.ru/dep/80076.html> (дата обращения 15.08.2018).
8. *Szöke Katalin.* A paraszti ellenkultúra és a mai orosz irodalom szubkulturális metatextusa // Álommuzeum. Budapest: Gondolat, 2003. P. 43–52.
9. *Никонова Т.А., Фролова А.В.* «Производственная» тема и деревенский очерк в литературе послевоенного десятилетия // Русская литература XX века. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. Т. 2. P. 52–63.
10. *Никонова Т.А.* Общая характеристика литературы «оттепели» // Русская литература XX. века. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. Т. 2. С. 52–63.
11. *Пустовая В.* Иск маленькому человеку // Электронная библиотека. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/pustovaya-valeriya/matrica-bunta/6> (дата обращения 24.09.2018).
12. *Turi Márton.* A vidék bosszúja // Rejtekkutak a pusztaságban. Budapest: JAK, 2016. P. 164–179.
13. *Сенчин Р.* Настоящий парень // Сенчин Роман. Срыв – проза жизни. М.: АСТ, 2017. С. 301–311.
14. Фильм «Брат». 1997. Режиссер: Алексей Балабанов.
15. *Степанов В.* 20 лет «Брату»: что писали критики о фильме в 1990-е // Афиша Daily. URL: <https://daily.afisha.ru/cinema/5893-что-писали-о-brate/> (дата обращения 15.08.2018).

Шипош Барнабаш Андраш

бакалавр богословия, бакалавр русского языка и литературы
иерей Варнава (Шипош), православный священник,
настоятель Свято-Троицкого храма в
г. Дебрецене (Венгрия), Венгерская Епархия Русской
Православной Церкви, Московский Патриархат,
H-4029 Debrecen, Késmárk utca 7/c
siposbarnabas@gmail.com

КУЛЬТУРНОЕ И ЦЕРКОВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ВЕНГЕРСКОМ ГОРОДЕ ДЕБРЕЦЕНЕ

Аннотация. Автор статьи, православный священник, настоятель Свято-Троицкого храма в венгерском городе Дебрецене анализирует уникальный опыт сотрудничества между представителями разных христианских конфессий, церковными служителями и городскими властями. Речь идет о двух важных событиях, основанных на христианских и светских традициях, принципы организации которых могли бы стать примером, не только для городов Венгрии, но Европы: подготовке к Рождеству и крестном ходе Вербного воскресенья. В этих мероприятиях участвуют прихожане католических, протестантских и православных приходов, верующие и неверующие, все для кого важно сохранить духовные ценности общества. Также автор рассказывает о роли в культурной жизни города православного прихода и его хора, который выполняет миссионерские и просветительские задачи.

Ключевые слова. Венгрия, Дебрецен, религиозные конфессии, православие, миссия, культурная жизнь, сотрудничество между церковными и светскими руководителями.

Father Barnaby (Shiposh)

Bachelor in Divinity, Bachelor in Russian Language and Literature
an Orthodox priest, superior of Church of The Holy Trinity in the city of
Debrecen, (Hungary) Hungarian Diocese of the Russian Orthodox Church,
Moscow Patriarchate
Hungary, H-4029 Debrecen, Késmárk utca 7/c
siposbarnabas@gmail.com

CULTURAL AND CHURCH INTERACTION IN DEBRECEN (HUNGARY)

Abstract. The author of the article, the Orthodox priest, the rector of the Holy Trinity Church in Debrecen (Hungary), analyzes the unique experience of cooperation between representatives of different Christian denominations,

church ministers and city authorities. These are two important events based on Christian and secular traditions, the principles of which could serve as an example not only for the cities of Hungary, but also for Europe, namely, preparations for Christmas and the procession of the Palm Sunday. These events involve parishioners of Catholic, Protestant and Orthodox parishes, believers and non-believers, all for whom it is important to preserve the spiritual values of society. Also, the author notes that the Orthodox parish and its choir performing missionary and educational tasks are of great importance to the cultural life of the city.

Keywords. Hungary, Debrecen, religious denominations, Orthodoxy, mission, cultural life, cooperation between religious and and secular leaders.

«...не потому, будто мы берем власть над верою вашею;
но мы споспешествуем радости вашей...»
(2 Кор. 1: 24)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДЕБРЕЦЕНЕ

Дебрецен – второй по численности населения город Венгрии после Будапешта, а Дебреценский университет – одно из самых известных учебных заведений страны. Православие существовало здесь уже в XVI веке благодаря православным греческим и болгарским купцам. После реформации они вынуждены были покинуть город и позже осели в северной части Венгрии, в Токае и Мишкольце.

В 1960-е годы в городе был организован русскоязычный приход, который просуществовал почти десять лет. Восстановление дебrecенского прихода началось в 2002 году с благословения епископа Иллариона, тогдашнего епископа Венского и Австрийского, нынешнего руководителя Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви. В течение десяти лет литургия в Дебрецене проводилась раз в месяц священниками из Будапешта. Сначала служили в римско-католическом соборе, потом в реформатском храме.

В 2010 году, когда я возглавил православную общину, начались поиски места для богослужений. Мы сняли дом, который сначала был гаражом, расширили его площадь, полностью отремонтировали изнутри. В 2013 году наша община выиграла государственный грант, который покрыл расходы на благоустройство здания: были достроены алтарь и притвор, переоборудована крыша, поставлены купола. Так, с помощью Венгерского государства на месте гаража было создано нынешнее здание Свято-Троицкого храма.

Илл. 1. Православная Церковь в Дебрецене

На основе своего опыта хочу рассказать о роли православной церкви в религиозной и гражданской жизни города Дебрецена. Отмечу, православие было первой христианской верой в Венгрии (это, к сожалению, знают не все). Но только в 2012 году православные церкви (Московский, Сербский, Румынский, Болгарский и Константинопольский патриархаты) вошли в список так называемых исторических церквей Венгрии. Этот статус получают те христианские общины, которые существуют в стране более ста лет, или же число их прихожан значительно. Православная церковь присутствует в Венгрии уже более тысячи лет. Первый епископ Иерофей был прислан из Византии в конце X века по просьбе короля Св. Иштвана, чтобы проводить миссионерское служение среди венгров. В настоящее время наиболее популярным религиозным направлением в Венгрии является католицизм, вторым по распространенности – протестантизм, среди религиозных меньшинств – православные, иудеи, мусульмане и др.

Сегодня, когда в мире нарушаются некоторые нравственные устои общества, необходимо объединить усилия верующих и неверующих граждан, представителей разных религиозных направлений, служителей церквей и глав города в сохранении духовных ценностей.

В современном Дебрецене зародились принципы деятельности, которые выполняют эту задачу. Они реализовались в ходе организации двух важных событий, основанных на христианских и светских традициях, которые могли бы стать примером, не только для городов Венгрии, но и Европы.

ДЕБРЕЦЕНСКИЙ АДВЕНТ

Адвент – это рождественский пост, который в православной церкви длится шесть недель, а в западных церквях – только четыре. В это время Дебрецен одевается в праздничные одежды: свечи, гирлянды, венки, нарядные елки. Множество разных программ предлагается и детям, и взрослым, всем, кто в течение нескольких недель хочет принять участие в подготовке к Рождеству Христову. С 2013 года в праздник на главной площади собираются отцы города, представители христианских церквей (католической, православной и протестантской) и несколько тысяч человек. В первое воскресенье три епископа, которые служат в городе, вместе молитвенно и достойно зажигают свечу у рождественской елки, а мэр выступает с речью.

В этом значительном событии принимают участие ансамбли народного танца и песни. Даже будни, предшествующие Рождеству, не проходят без

Илл. 2. Рождественское убранство города Дебрецена

культурных программ. Во время Адвента по пятницам и субботам в одном из кинотеатров города показывают бесплатно тематические фильмы. Каждый такой сеанс организуется представителями разных церквей. В 2017 году наша православная церковь организовала показ фильма Павла Лунгина «Остров», в котором Петр Мамонтов гениально сыграл главную роль. После просмотра зрители общаются за круглым столом, обсуждают проблемы, поднятые в кинопроизведениях. Помимо культурных мероприятий жители могут поучаствовать в благотворительной деятельности. Во время рождественских праздников в центре города, в разных местах организуют помощь нуждающимся.

Вечером второго, третьего и четвертого воскресенья представители одной из христианских общин зажигают праздничную свечу вместе с заместителем мэра города. В один из этих дней я как настоятель православной церкви выступаю с праздничной речью, а хор нашего храма исполняет рождественские песнопения. Несколько лет назад мы решили, что необходимо донести благую весть до тех, кто живет на окраинах города – и верующих и неверующих. Накануне праздника, после богослужения хор и прихожане нашего храма вместе с католиками отправились в микрорайон, где вместе пропели колядки прямо у стен жилого дома. Было очень трогательно, когда мы увидели, что одно за другим окна открываются, и люди с большой радостью принимают весть о Рождестве Христовом.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В Дебрецене стало традицией в Вербное воскресенье проводить крестный ход представителями разных христианских конфессий, религиозными и светскими властями. Он начинается после выступления ансамбля народного танца и обходит центр города. В торжественном церковном шествии с большим деревянным крестом участвуют епископы и священники, мэр города и тысячи людей с освященными веточками вербы в руках. Это действие разделено на шесть этапов, каждый из которых возглавляет одна из церквей со своими певчими и чтецами. В 2017 году в крестном ходе приняла участие народная артистка Венгрии Ильдиико Пирош, которая выступала на всех этапах. Процессия возвращается в исходную точку, где устанавливается крест. Так в Дебрецене появилось еще одно событие, которое способствует солидарности церквей, сотрудничеству разных социальных групп, культурному и церковному взаимодействию.

ХОР ДЕБРЕЦЕНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА: МИССИЯ И СЛУЖЕНИЕ

Еще одна важная миссия православного Свято-Троицкого храма в Дебрецене – участие в культурную жизнь города с церковными песнопениями. Хор был основан в 2002 году, когда здесь восстановили русскоязычный приход. В течение четырех лет я был регентом в Свято-Успенском кафедральном соборе в Будапеште, и когда я стал настоятелем в Дебрецене, очень серьезно начал заниматься хором. Теперь он лучший не только в Дебрецене, но и во всей Венгерской Православной Епархии.

Церковный хор выполняет много задач: сопровождает службу, украшая ее, и, более того, участвует в богослужении, выступая от лица народа. Красивое церковное пение привлекает новых прихожан и тем самым выполняет миссионерскую задачу. Члены нашего хора очень хорошо освоили аутентичные церковно-славянские песнопения. Мы получаем приглашения на религиозные концерты и выступаем не только в Дебрецене, но и других городах Венгрии.

Это, по сути, и миссионерская, и просветительская деятельность. Наш репертуар включает в себя не концертные произведения, а монастырские и обиходные песнопения. Через них слушатели могут познакомиться

Илл. 3. Хор Дебреценского православного храма

Илл. 4. Рождественский концерт в римско-католическом соборе Дебрецена

с глубоким и молитвенным душевным миром Православной церкви, который оживает и в храме во время богослужений, и, конечно, во время концертов. Дебреценский православный хор поет на венгерском, церковнославянском и греческом языках. С 2010 года он выпустил уже 5 компакт-дисков. Много раз мы участвовали в ежегодном венгерском фестивале Арс Сакра (*Ars Sacra Festival*), благополучно представляя ценности русского православного пения. В этом году первый раз мы дадим рождественский концерт в римско-католическом соборе Дебрецена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сотрудничество, которое возникло в Дебрецене между отдельными христианскими общинами, церковным и светским руководством можно назвать уникальным и единственным в своем роде.

К этому благородному начинанию подключилась и православная церковь. Ведь наша общая цель – сохранение духовных ценностей. Мы обращаемся ко всем, кто способен почувствовать дух этих праздников, независимо от того, к какой конфессии человек принадлежит, верующий он или неверующий. Наш девиз – слова апостола Павла: «Не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей...» [1, 1262].

Я надеюсь, что это благородная традиция еще много лет будет служить примером для всех.

ЛИТЕРАТУРА

1. 2 Кор. 1: 24 / Библия: Книги Священного Писания Ветхаго и Нового Завета: в рус. пер. с парал. местами / по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Библейское общество, 1994. С. 1261–1272.

Научное издание

ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ГИГИЕНЕ КУЛЬТУРЫ**

Редактор *А.Н. Рылева*

Корректор *Г.А. Мецзякова*

Разработка макета: *И.Б. Трофимов*

Оформление: *Е.А. Сиверс*

Компьютерная верстка: *Н.В. Мелкова*

Подписано в печать 20.12.2020. Формат 60 × 88¹/₁₆

Гарнитура PT Serif Pro. Уч.-изд.л. 16,75. Усл.-печ. л. 16,75

Тип. зак.

Оригинал-макет подготовлен

в Государственном институте искусствознания

125009, Москва, Козицкий пер., д. 5